

ЭПОМЕН
филологические науки

Epomen
philological sciences

электронное периодическое научное издание

№ 4, февраль 2023
No. 4, February 2023

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2023

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Павловская Ольга Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Куренова Дария Геннадиевна, канд. филол. наук, доцент

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Pavlovskaya Olga Evgenevna, doctor of Philology, professor

Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor

Kurenova Dariya Gennadievna, Candidate of Philosophy, assistant professor

Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), DCandidate of Economics, professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Аль-Кадим М. У. Х.

Использование прецедентных текстов в газетном дискурсе) (стр. 10–17)

Анисян А. А.

Образ матери в романе Кун-Суук Шин «Пожалуйста, позаботься о маме» (стр. 18–24)

Валиулина Т. А.

К вопросу об историографии исследований автохтонных языков Канады) (стр. 25–34)

Грудина А. А.

К вопросу о происхождении названий Ямаровка и Ямкун (стр. 35–39)

Дмитренко В. Е.

Роль гибкого навыка коммуникации в микроэкономике (стр. 40–44)

Душина Е. А., Карташова Е. П.

Политический дискурс в региональных СМИ: на материале социальных медиа Республики Марий Эл (стр. 45–50)

Мальцова К. А.

Влияние языка власти на общество в романе Джорджа Оруэлла «1984» (стр. 51–73)

Мандрикина Л. А.

Возможности мобильных приложений при изучении иностранного языка (стр. 74–85)

Михайлова С. Э.

Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении (стр. 86–92)

Моисеева В. Л.

Русский язык для иностранных студентов программы академического обмена: некоторые особенности организации и содержания практических занятий (стр. 93–97)

Моисеев А. М.

Роль ономастопов в создании образа персонажа (на примере американского комикса Scott Pilgrim) (стр. 98–110)

Ноева В. В.

Корейская поэзия жанра каса – отражение национального менталитета и мировоззрения корейцев) (стр. 111–122)

Павлюшина Е. В.

Женское поэтическое творчество занимает важное место в корейской литературе средних веков (стр. 123–130)

Потехина В. И., Маслова О. И., Приходченко П. И.

Анализ частотности употребления английских сложных инфинитивных глагольных словоформ в художественных произведениях первых десятилетий XIX, XX и XXI веков (стр. 131–142)

Станевич С. В., Назарова И. Г.

Врач в эпоху Просвещения. Литературный портрет (стр. 143–158)

Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С.

Причастно-последложные конструкции уйгурского языка в сравнительном освещении (стр. 159–173)

Беляева Н. С.

В корейском языке нет будущего времени (стр. 174–179)

Герасимова А. С.

Корейский молодежный сленг в Интернет-дискурсе (стр. 180–188)

Горшенина С. А.

Особенности классификации наречий корейского языка по семантическому признаку на примере обстоятельственных наречий (стр. 189–195)

Дедюхина А. И.

Сослагательное наклонение в корейском языке (стр. 196–201)

Нурзет Д. С.-Б.

Некоторые особенности перевода устного публичного выступления с корейского языка на русский язык (стр. 202–212)

Сивогорло И. А., Сиренко О. А.

Диалект провинции Кёнсандо, Республика Корея (стр. 213–219)

Калягина И. Г.

Фоновая лексика как элемент отображения культуры (на материале лексикографических источников) (стр. 220–226)

Матхеева Е. В.

Образование неологизмов в современном корейском языке (стр. 227–233)

Ткачева Н. А.

Функционирование конструкций будущего времени в значении намерения и вероятности в корейском языке (стр. 234–240)

Чернышкова К. В., Сиренко О. А.

Особенности обращений, выраженных разными частями речи, в корейском языке (стр. 241–251)

Ярзуткина Е. А.

Особенности перевода классической поэзии на ханмуне на примере стихотворения Ли Гюбо «Услышал в саду цикаду» (стр. 252–261)

Table of Contents

Al-Kadhim M. O. H.

Use of precedent texts in newspaper discourse (pp. 10–17)

Anisian A. A.

The image of mother in “Please Look After Mom” by Shin Kyung-sook (pp. 18–24)

Valiulina T. A.

Toward historiography of research into indigenous languages in Canada (pp. 25–34)

Grudinina A. A.

On the question of the origin of the names Yamarovka and Yamkun (pp. 35–39)

Dmitrenko V. E.

The role of communication soft skills in microeconomics (pp. 40–44)

Dushina E. A., Kartashova E. P.

Political Discourse in Regional Media: The Social Media of the Republic of Mari El (pp. 45–50)

Malvova K. A.

The Influence of the Language of Authorities on Society in George Orwell’s Novel “1984” (pp. 51–73)

Mandrikina L. A.

Features of mobile applications when learning a foreign language (pp. 74–85)

Mikhailova S. E.

Linguistic expertise in cases of insult (pp. 86–92)

Moiseeva V. L.

Russian for International Students of the Academic Exchange Program: some features of their organization and practical classes content (pp. 93–97)

Moiseenko A. M.

Role of onomatopoeia in creating the image of the character (based on amaricam comics Scott Pilgrim) (pp. 98–110)

Noeva V. V.

Korean poetry of the gasa genre is a reflection of Koreans of the national mentality and worldview (pp. 111–122)

Pavlushina E. V.

Women's poetic creativity occupies an important place in medieval Korean literature (pp. 123–130)

Potekhina V. I., Maslova O. I., Prihodchenko P. I.

Statistic analysis of English complex infinitive verb forms usage in the xix, xx and XXI centuries literature (pp. 131–142)

Stanevich S. V., Nazarova I. G.

A Doctor in the Age of Enlightenment. Literary portrait (pp. 143–158)

Abdullaev S. N., Abdullayeva G. S.

Participial- postpositional constructions of the Uyghur language in comparative coverage (pp. 159–173)

Beliaeva N. S.

There is no future tense in the Korean language (pp. 174–179)

Gerasimova A. S.

Korean youth slang in Internet discourse (pp. 180–188)

Gorshenina S. A.

Peculiarities of classification of adverbs of the Korean language according to semantic feature of circumstance adverbs (pp. 189–195)

Dedyukhina A. I.

The subjunctive mood in the Korean language (pp. 196–201)

Nurzet D. S.-B.

Some features of the interpretation of an oral public speech from Korean into Russian (pp. 202–212)

Sivogorlo I. A., Sirenko O. A.

The dialect of Gyeongsang Province, Republic of Korea (pp. 213–219)

Kalyagina I. G.

Background vocabulary as an element of culture display (based on lexicographic sources)
(pp. 220–226)

Matkheeva E. V.

Formation of neologisms in modern Korean language (pp. 227–233)

Tkacheva N. A.

The functioning of future tense constructions in the meaning of intention and probability
in the Korean language (pp. 234–240)

Chernyshkova K. V., Sirenko O. A.

Features of address forms expressed by different parts of speech in the Korean language
(pp. 241–251)

Yarzutkina E. A.

Features of the translation of classical poetry on the Hanmun on the example of Yi
Gyubo's poem "Listening to cicada in the garden" (pp. 252–261)

УДК/UDC 81.2

Использование прецедентных текстов в газетном дискурсе

Аль-Кадим Мохаммед Убайд Хашим

Стажёр кафедры русского языка как иностранного; сотрудник Министерства образования Ирака

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск, Россия

e-mail: moh.rossy@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме изучения прецедентных феноменов в текстах иракских газет. Проанализированы различные определения понятия прецедентный феномен, выявлены его наиболее важные признаки. Обобщен опыт предыдущих исследований прецедентных феноменов, выполненный известными российскими учеными. Описаны результаты эксперимента, направленного на выявление особенностей функционирования одного из видов прецедентных феноменов – прецедентного текста. В эксперименте участвовали носители арабского языка, которые выделили наиболее значимые для арабской культуры тексты, известные всем ее носителям. Выявлено 33 наиболее известных в современной арабской культуре прецедентных текстов. Показаны примеры употребления прецедентных текстов в иракских газетах, проанализированы особенности их функционирования.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентный текст, арабская культура, иракские газеты.

Use of precedent texts in newspaper discourse

Al-Kadhim Mohammed Obaid Hashim

Intern at the Department of Russian as a Foreign Language; employee of the Iraqi Ministry of Education

South Ural State University

Chelyabinsk, Russia

e-mail: moh.rossy@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to the actual problem of studying precedent phenomena in the texts of Iraqi newspapers. Various definitions of the concept of a precedent phenomenon are analyzed, its most important features are identified. The experience of previous studies of precedent phenomena, carried out by well-known Russian scientists, is summarized. The results of an experiment aimed at identifying the features of the functioning of one of the types of precedent phenomena - the precedent text are described. The experiment involved speakers of the Arabic language, who identified the most significant texts for Arabic culture, known to all its speakers. 33 most famous precedent texts in contemporary Arabic culture have been identified. Examples of the use of precedent texts in Iraqi newspapers are shown, and the features of their functioning are analyzed.

Key words: precedent phenomena, precedent text, Arab culture, Iraqi newspapers.

Прецедентные феномены – это особая группа вербальных или вербализуемых феноменов, известных любому среднему представителю определенного лингвокультурного сообщества и входящих в когнитивную базу данного сообщества. Прецедентные феномены являются ярким отражением в тексте национальных культурных традиций в оценке и восприятии тех или иных исторических событий и личностей, мифологии, памятников культуры, искусства, и произведений устного народного творчества» [1].

В науке выделяют четыре вида прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст.

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. К числу пре-

цедентных текстов относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз!»), рекламы, политические и публицистические тексты и др. [2].

По мнению Ю.Н. Караулова, прецедентный текст – это текст, «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, т.е. хорошо известный широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3].

Г. Г. Слышкин понимает прецедентные тексты как , снимая некоторые ограничения. Во-первых, по мнению Г.Г. Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей - для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только не известны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (рекламный ролик, злободневный анекдот) [4].

Художественный текст, как и любой другой текст, предназначен прежде всего для того, чтобы с помощью языка отражать действительность. (...) Описание мира человека, мира людей и отношения человека к миру (и к миру предметов, и к миру социальному, и к миру субъективному) - сверхзадача художественного текста"[5]. При этом, создавая художественный текст, его автор ориентируется на закрепленные в той или иной культуре "образцовые модели"отражения мира и выражения своего отношения к нему.

В данном исследовании мы придерживаемся мнения Д.Б. Гудкова, что прецедентный текст – это культурно отмеченный законченный продукт речемыслительной деятельности, знакомый среднему представителю лингвокультурного сообщества, к которому постоянно возобновляется обращение для передачи определенных смыслов.

Нами проведено исследование, в ходе которого методом экспертной оценки были выявлены прецедентные тексты, наиболее важные в арабской культуре, известные всем ее носителям.

В результате был выявлен список прецедентных текстов арабской культуры, наиболее актуальных для современных носителей арабского языка: 33 прецедентных текстов, наиболее частотные из которых представлены в таблице на рисунке.

Прецедентные тексты в арабской культуре

Номер	Прецедентный текст	Частотность
1.	Коран (القرآن)	17
2.	Тысяча и одна ночь (الف ليلة وليلة)	13
3.	Нахдж аль – балага (نهج البلاغة)	8
4.	Введение Ибн Холдуна (مقدمة ابن خلدون)	7
5.	Скупые (البخلاء)	6
6.	Синдбад (سندباد)	6
7.	Сахих Муслим (صحيح مسلم)	6
8.	Великая борьба (الفتن الكبرى)	5
9.	Али-Баба и сорок разбойников (علي بابا)	5
10.	Тройной Нагиб Махфуз (ثلاثية نجيب محفوظ)	4
11.	Дни (الأيام)	4
12.	Антар и Абба (عنتر وعبدة)	3
13.	Султаны проповедовали (وعاظ السلاطين)	3
14.	Калила и Димна (كليلة ودمنة)	3
15.	Фарс человеческого разума (مهزلة العقل البشري)	3
16.	Молитва соловья (دعاء الكروان)	3
17.	Басская война (حرب البوسور)	2
18.	Хан аль халили (خان الخليلي)	2
19.	Хусейн – мученик (الحسين شهيد)	2
20.	Сорок любовных правил (قواعد الحب الأربعين)	2
21.	Дурр дерево (شجرة الدر)	2
22.	Вор и собаки (الصوص والكلاب)	2
23.	История Ат-Табари (الطبري)	2
24.	Гранадское трио (ثلاثية غرناطة)	1
25.	Дети нашего района (أولاد حارتنا)	1
26.	Клеопатра убивает (مصرع كيلويتر)	1
27.	Среда разговор (حديث الأربعاء)	1
28.	Тысячелетие Ибн Малика (الفية ابن مالك)	1
29.	Рая и Сакина (ربا وسكينة)	1
30.	Школьные бунтовщики (مدرسة المتأغبين)	1
31.	Биография Пророка (السيرة النبوية)	1
32.	Коллекционер Аль-Баяна (جامع البيان)	1
33.	Семь кулонов (المعلقات السبعة)	1

Рисунок 1

Рассмотрим историю одного из прецедентных текстов – текста «Аль-Хусейн в восстании. Аль-Хусейн — мученик»

Имам Аль-Хусейн, полное имя Аль-Хусейн ибн Али ибн Аби Талиб, внук Пророка Мухаммада, а его отец Али ибн Аби Талиб (двоюродный брат Пророка Мухаммеда и четвертый халиф) Аль-Хусейн родился на пятом году переселения в Медине, его мать Фатима, дочь пророка Мухаммеда, называлась Госпожой женщин миров, и она жена имама Али ибн аль-Бая. Талиб.

Аль-Хусейн (мир ему) жил в Медине в суровой политической атмосфере и был осажден политическими лидерами Омейядами, а после того, как Язид ибн Муавия принял исламский халифат и стал халифом мусульман после смерти своего отца Муавии, Он был коррумпированным и несправедливым молодым человеком, что вызвало гнев людей, и они попросили Имама Хусейна встать с ними и помочь им избавиться от несправедливости и тирании, и из-за того места, которое он занимал в сердцах людей, будучи внуком Пророка и сыном халифа Али ибн Аби Талиба. Нарушить его молчание и ответить на призыв народа реформировать исламскую религию, которая была испорчена Омейядами после того, как они превратили религию в интересы и выгоды, угнетали людей и убивали невинных людей, чтобы контролировать возможности исламских стран и трансформировать Исламская религия из религии в политическое царство для Омейядов, Лидеры Аль-Хусейна, конвой, состоящий из (72) его близких сподвижников и его семьи, вышли в город Куфу, который был столицей Исламского государства во время правления его отца Али ибн Аби Талиба (мир ему). И началась битва при Туфе, которая была неравной, так как Хусейн и иже с ним столкнулись с многочисленной армией. После этого Аль-Хусейн, его брат Аль-Аббас и все его сторонники были замучены в битве, которая стала самой милой эпопеей, которой история еще не видела. Хусейн и иже с ним рисовали благороднейшие черты жертвенности и героизма, а битва воплотила в душе величайшие образы альтруизма и самопожертвования за победу слова правды и борьбы с несправедливостью, Эта битва сильно повлияла на историю ислама и возникновение революционных движений. Имя Хусейна было тесно связано с революционной мыслью, отвергающей неспра-

ведливость и тиранию. Это дало толчок ряду революций, черпавших свою силу и энтузиазм в мыслях имама Хусейна (мир ему). Ганди был автором индийской революции против британской оккупации, знаменитого высказывания («Я научился у Аль-Хусейна, как быть угнетенным и побеждать») и ряда революций, поднявших лозунг имама Аль-Хусейна.

С трагедией Кербелы связано множество литературных, художественных и поэтических произведений. Эти работы посвящены жертве Имама Хусейна за свободу. Многие поэты, писатели и мыслители обращались к Иمامу Хусейну в качестве названия для своих стихов, литературных и интеллектуальных текстов, начиная с самых известных из этих поэтов и писателей из Ирака (Аль-Джавахри), (Бадр Шакер Аль-Сайяб) и Мухаммеда Али Аль-Хафаджи, автор пьесы «Опять придет Хусейн», из Сирии (Низар Каббани), из Египта писатель Аббас Махмуд Аль-Аккад («Отец мучеников...» Аль-Хусейн Ибн Али), мыслитель и писатель (Абдул Рахман Аль-Шаркави), написавший пьесу «Аль-Хусейн – мученик... и Аль-Хусейн восстал». Произведение, которое занимает важное место в театральной литературе из-за его большой эффективности в воплощении очень важных тенденций в реальности наших обществ.

Египетский писатель и мыслитель Абд аль-Рахман аль-Шаркави представил пьесу «Аль-Хусейн — мученик... и Аль-Хусейн восстал» в конце 60-х годов под влиянием политических событий, происходивших в то время, и чувство несправедливости и преследования таким образом, он спасает свою жизнь и жизнь своей семьи и подчиняется тому, что от него просят, или стоит перед несправедливостью и кричит в лицо коррумпированному правителю и таким образом приговаривает его к смерти. Эта пьеса получила широкий резонанс на интеллектуальном и ментальном уровне в арабском и исламском обществах, стала литературной эпопеей и произвела фурор в литературных и культурных кругах, что придало большую ценность поэтическому театру и привлекло многих продюсеров и кинорежиссеров, а также это не ограничивалось театром. Упоминая имя Хусейна или пьесу писателя Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, они пытаются сделать вывод об имаме Хусейне и его стойкости

перед лицом несправедливости и тирании, а не о молчании и покорности
коррумпированному правителю.

Многие авторы используют в своих статьях имя Аль-Хусейна или название пьесы «Аль-Хусейн — мученик... и Аль-Хусейн восстал», чтобы сделать идею более понятной для читателя.

Например, в популярной иракской газете ALMmada («Аль-Мада») в статье Салам Аль-Хэят Аль-Хусейн — мученик... и Аль-Хусейн восстал употребляется прецедентный текст (Из пьесы египетского писателя Абдель Рахмана аш-Шаркави)

Статъя Салам Аль-Хэят

(<https://almadapaper.net/view.php?cat=115377>)

اديش نيسرحلدا ماريتات نيسرحلدا
طايحلدا واليس
نم قيوخ ومنوطب ؟ رعايحلدا لدا ؟ رعايحلدا روز ، نومداصلل لاجرحلدا نوا
، ماعلدا نم ققور مافيش ماعصلدا
مقعر نودا عوج اوبديق ، مافس
رغظ نم قحلا لاثرتاب ينورلدا لب ، نيرحلدا مامد اوافسرت ال ، ينورلدا
لدا لايحلدا ،
تلقوتأ يسرافلدا عفرانلدا اداو ، قداملاب وعاجرحلدا طلعت نوح ، ينورلدا
مقعرلدا هيترت نوح ... فيرشلدا لب فيزحلدا طلعت نوح ينورلدا
راجرحلدا تافص نم بيدافلدا فيزحلدا حبصا اداو ، لايحاب
Аль-Хусейн — мученик... и Аль-Хусейн восстал. Где твердые люди
совести? Люди пронизательности? Их желудки пусты от поста, их уста
посинели от моления.
Увы, все они ушли навсегда.
Помяни меня, не пролей чужой крови, но напомни мне вывести
истину из заблуждения.
Помяни меня, когда храбрость смешается с глупостью, и когда
выгоды и выгоды взвезят веса дружбы,
Вспомните меня, когда фальшивое смешивается с благородным...
когда правда подозревается в вымысле, и если подлог и ложь становятся
признаками успеха

Рисунок 2

Таким образом, использование прецедентных феноменов в газетном дискурсе позволяет усилить аргументацию автора доводом к высшим духовным ценностям и в целом сделать статью более убедительной.

Список литературы

1. Ахмедова С.Н. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Филология и литературоведение. 2015. № 2 [Электронный ресурс].

URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (дата обращения: 25.11.2022). 2. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85. 3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с. 4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 124 с. 5. Беянин В.П. Психоллингвистические аспекты художественного текста. М.: МГУ, 1988. 120 с.

References

1. Akhmedova S.N. The phenomenon of precedence in modern linguistic research // Philology and literary criticism. 2015. No. 2 [Electronic resource]. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (date of access: 11/25/2022).
2. Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Bagaeva D.V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 1997. No. 3. pp. 62–85.
3. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: Nauka, 1987. 363 p.
4. Slyshkin G.G. From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. M.: Academy, 2000. 124 p.
5. Belyanin V.P. Psycholinguistic aspects of a literary text. M.: MGU, 1988. 120 p.

УДК/UDC 811.531

Образ матери в романе Кун-Суук Шин «Пожалуйста, позаботься о маме»

Анисян Алина Армановна

студентка

Дальневосточный Федеральный университет

г. Владивосток, Россия

e-mail: anisyan.aa@students.dvfu.ru

Аннотация

В работе рассматривается художественный образ женщины-матери в современной корейской литературе на примере романа Кун-Суук Шин «Пожалуйста, позаботься о маме». Образ матери в современной корейской литературе подвергся изменениям в связи с осознанием тяжелой судьбы женщины в результате культурных и социальных изменений в стране. Анализ романа позволяет отследить тип женского образа «матери-личности» с акцентом на внутренний мир человека и присущие художественному образу матери основные характеристики и особенности в современной корейской литературе. Именно женский образ помогает лучше понять национальный характер, культуру страны, значительно расширяет границы женского начала в корейской литературе. Благодаря этому можно также проследить изменение взглядов художников слова на образ женщины-матери в современной корейской литературе.

Ключевые слова: Корейская литература, современная корейская проза, образ женщины-матери в литературе, мать-личность, художественный образ, Корея.

The image of mother in “Please Look After Mom” by Shin Kyung-sook

Anisian Alina Armanovna

student

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

e-mail: anisyan.aa@students.dvfu.ru

Abstract

The article is examined the artistic image of woman-mother in Korean modern literature on the example of novel "Please Look After Mom" by Shin Kyung-sook. The image of mother in modern Korean literature has undergone changes due to realization of hard life of a woman as a result of cultural and social changes in the country. Analysis allows us to trace the type of mother image, that is called "mother-person", and main characteristics and features of an artistic image of mother in modern Korean Literature. The image of a woman helps to understand better the national character, culture of country, and expands the boundaries of women in Korean literature. Moreover, it is also allowing to trace the changes in writers' representation of a woman-mother in modern Korean literature.

Key words: Korean literature, modern Korean prose, the image of woman-mother, mother-person, artistic image, Korea.

В традиционной литературе до XX в. образ матери характеризуется покорностью, преданностью и мягкостью. В нем не затрагивается проблема внутреннего мира женщины. После 1990-х, происходящее усиление социальной роли женщин, приводит к развитию женской литературы. Писательницы того времени все еще изображают традиционную женщину, но уже обращаются к ее внутреннему миру, ее переживаниям и страданиям. Такой образ матери как индивида называется "матерличность" и представлен в романе Син Генсук "Пожалуйста, позаботься о маме".

Роман ведётся по принципу рамочного повествования, то есть «рассказ в рассказе», когда роман состоит из отдельных историй, передающих единую главную мысль. В каждой главе романа перед читателем предстаёт новый центральный персонаж: писательница-дочь, сын-бизнесмен, муж, женщина-мать – Пак Соньо.

Примечательно, что автор прибегает и к разным формам наррации: в первой и третьей главах повествуется от второго лица, во второй - от третьего лица, и в четвёртой – от первого. С одной стороны, читатель воспринимает действительность, отраженную в романе, с точки зре-

ния детей и мужа пропавшей матери и поэтому образ матери-женщины складывается через призму их виденья. С другой стороны, история раскрывается глазами главной героини, предоставляя возможность оценить события и интерпретировать их.

Роман начинается с пропажи Пак Соньо, главной героини, женщины 69 лет. В романе образ женщины-матери представлен поливалентно. На протяжении всей жизни героиня посвящает себя заботе о детях: заботится о том, чтобы накормить детей, поддерживает порядок в доме. Не сумев получить образование, старается дать его своим детям и радуется за их успехи. Например, когда старшая дочь научилась писать, «мамино лицо расцвело, подобно цветку мяты». Вырастив дочерей и сына, женщина, чьим смыслом жизни были дети, чувствует себя тоскливо и одиноко. Несмотря на это, материнское сердце желает лучшего своим детям: ««Не беспокойся за нас и, пожалуйста, береги себя. Это единственное чего хочет твоя мама» [5, С. 15]. Перед читателем как будто предстает традиционный образ заботливой, жертвенной, беззаветно любящей своих детей матери. Однако это лишь внешняя сторона материнского образа, за которым скрывается личность со всеми ее страданиями, переживаниями и желаниями.

Автобиографическими моментами раскрывается настоящий внутренний мир героини. Она оказывается человеком, которому тоже нужна поддержка в трудные моменты и забота. Эту поддержку она находит в своем друге, Ёнгу, тайно присутствовавшему в её жизни, когда никто из знакомых не догадывался о его существовании: «И хотя никто не знал, что ты у меня есть, ты был другом, который всегда приходил на помощь и помогал мне справиться с самыми сложными ситуациями» [5, С. 223].

Любопытно, что оказавшись в непростой ситуации, героиня приходит к Ёнгу. Он не задаёт лишних вопросов и поддерживает Пак Соньо, убеждая её в необходимости жить дальше и заниматься повседневными делами. Именно он помогает женщине похоронить мертворожденного ребенка и справиться с горем, а не муж. Так, сталкиваясь с тоской,

беспокойствами, героиня обращается за помощью и поддержкой к другу, потому что знает, что может обратиться к нему.

Помимо этого, Пак Соньо всегда мечтала путешествовать. Она рассказывала своему сердечному другу о местах, в которые хотела отправиться её дочь и, вероятно, сама женщина. А услышав предложение Ёнгу отправиться туда вместе, испытала радость. Из слов дочери героини, Чи Хон, мы узнаём, что, мама всегда подробно расспрашивала обо всем, когда девушка прилетала из путешествия. Однако возможность путешествовать у героини не появилась, а мечты о дальних поездках постепенно забылись в обыденности, вечной заботе о детях.

Ключевым моментом в жизни героини становится смерть брата мужа, Куна, в чьей смерти обвиняют Пак Соньо. Смерть родного человека наносит сильный удар по её психологическому состоянию, ведь, во-первых, Кун был единственным, кто относился к героине как к личности, во-вторых, выдвинутые обвинения в ее сторону оставляют её в растерянности. В тех условиях, когда героиня нуждается в поддержке семьи, они заставляют чувствовать себя одинокой, невыслушанной, отдалённой. Внутренние тревоги находят отражение в ночных кошмарах Пак Соньо. Переживания бессознательно прослеживаются в продолжительных снах, свидетельствуя о тревоге, досаде, испытываемой героиней: «Однажды посреди ночи твоя жена внезапно кинулась в ванную и, сжавшись в комочек, забила в угол около унитаза . . . и закричала: — Это не я, не я!» [5, С. 180]. Серьёзное потрясение, равнодушное отношение семьи к чувствам героини, выраженное игнорирование произошедшего — всё это сказывается на её внешности: прежде «блестящие и большие» глаза «скрыты глубокими морщинами», губы «высохли и потрескались» [5, С. 26], «некрасивые, распухшие от работы» [5, С. 157] руки. Тайные страдания вызывают у Пак Соньо проблемы со здоровьем: бессонницу, рак. Она постоянно испытывает головные боли: «головная боль вгрызалась в её душу и постепенно уничтожала её» [5, С. 69].

Примечательно, что в одежде Пак Соньо преобладают оттенки белого, бежевого, голубого цветов. Син Гёнсук неслучайно использует эти

цвета. одной стороны, белый цвет в культуре Кореи и вообще стран Дальнего Востока — это символ траура, символ уходящего времени и смерти. С одной стороны, эти цвета передают смерть героини, о которой не говорится напрямую, но свидетельствуют слова «что ж... теперь я навсегда покидаю этот дом» [5, С. 239]. С другой стороны, белый соответствует Западу, означает невинность и истину, жизнь и день, чистоту и т.д. [1, С. 82]. Таким образом, цвет означает чистую, искреннюю душу матери-героини, правду, которую она скрывала. Голубой цвет, напротив, символизирует творение, существование и новую жизнь [3, С. 91]. Это может свидетельствовать о новой, свободной жизни, которую она приобретает после ухода в иной мир. Жизнь, в которой она избавляется от обязанностей и никому ничего не должна.

Стоит обратить внимание на такой элемент одежды Пак Соньо, как голубые сандалии. На протяжении всей наррации ни раз упоминается это вид обуви в голубом цвете, которые, по словам очевидцев, были на героине при пропаже: «На ногах у неё были голубые пластмассовые сандалии. Похоже, она так долго шла, что на ноге образовалась рана, и эта рана гноится» [5, С. 104]. Голубые сандалии как будто олицетворяют непонимание, равнодушие со стороны семьи, трагические события, как смерть родного человека, тяжелая работа по дому и уход за детьми, которые всецело возлагались на плечи героини. События ранили душу Пак Соньо как и голубые сандалии, что «образовывало гноящуюся рану». В конце романа с Пак Соньо снимают голубые сандалии, которые можно сравнить с оковами, тем самым наконец освобождают от мучений, воспоминаний, преследовавших её всю жизнь.

Таким образом, в романе Син Гёнсук «Пожалуйста, позаботься о маме» автор в полной мере раскрыла тему нового представления матери-женщины, описав ранее не затрагиваемые стороны души женщин-матерей. Образ в романе представлен неоднозначно, но очень реалистично в своей поливалентности: с одной стороны, женщина-мать предстаёт как человек, полностью посвящающий себя семье, жертвующий комфортом, здоровьем, идущий на жертвы ради детей, с другой, как

личность, и испытывает жизненные трудности, сталкивается с несправедливостью, не может найти понимания, спокойствия. Она показывает, как женщина-мать, даря любовь и заботу окружающему миру, как и все люди, нуждается в обратной поддержке и понимании со стороны родных людей. У нее есть желания и мечты, она жаждет получить образование, отправиться в далёкие страны и т.д. Ей присущи не только жертвенность и понимание, но и раздражительность, забывчивость, ворчливость – такая поведенческая характеристика выводит женский образ матери за рамки традиционного, акцентируя внимание на ее внутреннем мире.

Список литературы

1. Аманова Г.А. Цветообозначения в корейской поэзии и современной русской поэзии (на примере ярославского поэта Константина Васильева): Типологическое сопоставление // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 1 (34). – С. 81-87.
2. Ли Сан Юн. Перемены в традиционном обществе (на примере рассказов современных писательниц Республики Корея) // Материалы XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. – Институт Дальнего Востока РАН. – Москва, 2008. – С. 341-348.
3. Мушаев В.Н. Цвет в культуре корейского народа // Корееведение в России: направление и развитие. – 2021. – Т. 2. – № 2. – С. 89-93.
4. Солдатова М.В. Пак К.А. Современная литература Кореи. Учебное пособие // Издательство Дальнего Востока. – Владивосток, 2003. – С. 281.
5. Шин Кун-Суук. Пожалуйста, позаботься о маме // Шин, Кун-Суук. – М., 2012.

References

1. Amanova G.A. Color meanings in Korean poetry and Modern Russian Poetry (on the example of the Yaroslavl poet Konstantin Vasiliev): Typological comparison // Scientific notes of the Novgorod State University. – 2021. – No. 1 (34). – p. 81-87.
2. Lee Sang Yoon. Changes in traditional society (by the example of the stories of modern writers of the Republic of Korea) // Materials of the XII Scientific Conference of Korean Scholars of Russia and CIS countries. – Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2008. – p. 341-348.

3. Mushaev V.N. Color in the culture of the Korean people // Korean studies in Russia: direction and development. – 2021. – Vol. 2. – No. 2. – p. 89-93.
4. Shin Kyung-sook. Please Look After Mom // Shin Kyung-sook. – M., 2012.
5. Soldatova M.V. Park K.A. Modern literature of Korea. Textbook // Publishing House of the Far East. – Vladivostok, 2003. – p. 281.

УДК/UDC 81-11/ 81-13/ 811.8

К вопросу об историографии исследований автохтонных языков Канады

Валиулина Татьяна Андреевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий, Институт международных отношений и
социально-политических наук (ИМОиСПН)

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Россия

e-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

SPIN-код: 8418-3344

Аннотация

Статья представляет собой историографический обзор изучения автохтонных языков Канады на материале публикаций канадских и европейских лингвистов, антропологов и историографов лингвистики. В работе поднимается вопрос об основных стадиях развития данного направления, а также обсуждаются задачи и результаты каждого этапа. Особое внимание уделяется сравнению оценок последствий миссионерской лингвистики как для витальности языков коренных народов Канады, так и для развития америндской лингвистики на научном этапе. Рассмотренный материал показал, что интерес к автохтонным языкам Канады не был неизменно высоким на протяжении всего XX века: данное направление выходит на уровень магистрального в канадском языкознании и лингвистической антропологии после изменения языковой политики и утверждение курса на деколонизацию, а вместе с тем и на сохранение и ревитализацию языков первых наций.

Ключевые слова: автохтонные языки Канады, салишские языки, алгонкинские языки, миссионерская лингвистика, лингвистическая антропология, историография лингвистики.

Toward historiography of research into indigenous languages in Canada

Valiulina Tatiana Andreevna

Senior lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in Meadiatechnologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (IIR and SPS)

Moscow state linguistic university

Moscow, Russia

e-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

SPIN-код: 8418-3344

Abstract

The article reviews the history of research into the indigenous languages of Canada with reference to the publications of European and Canadian linguists, anthropologists and historiographers of linguistics. The paper discusses the main stages in the development of this field as well as the goals and outcomes of each stage. Special attention is paid to the comparison of the evaluations of the consequences of missionary linguistics for both the vitality of indigenous languages and the development of Amerindian linguistics at the linguistic stage. Research reveals that interest in indigenous languages was not invariably high during the XX century: this field becomes mainstream in Canadian linguistics and linguistic anthropology after the change in the language policy and embracing decolonization alongside preservation and revitalizing of the languages of the First nations.

Key words: indigenous languages in Canada, Salish languages, Algonquian languages, missionary linguistics, linguistic anthropology, linguistic historiography.

Важной частью истории канадской лингвистики является изучения автохтонных языков Канады. Без историографического анализа данного вопроса невозможно составить целостное представление о специфике канадского языкознания: языки аборигенов являются важной частью канадской мультикультурной мозаики, а работа по их описанию, изучению и сохранению – одним из магистральных научных направлений. На территории Канады проживают носители 70 автохтонных языков, принадлежащих к 12 языковым семьям [4].

Интерес к языкам коренных народов Канады возник еще в XVI веке, когда европейские мореплаватели, путешественники и миссионеры

вступали в контакт с представителями аборигенного населения и составляли первые глоссарии.

Канадский лингвист Дж. Хьюсон (John Hewson), специалист по алгонкским языкам, эмерит-профессор Мемориального университета Ньюфаундленда, прослеживает историю вопроса от попыток французского первооткрывателя Ж. Картье (Jacques Cartier), в XVI веке совершившего экспедицию к северо-западному побережью Ньюфаундленда и заливу Святого Лаврентия, записать несколько предложений на языках монтанье-наскапи и микмак (алгонкинская группа языков) [5, р. 966] до изучения алгонкинских языков в Монреальском («Ж.-П. Вине проводил полевые исследования языка монтанье-наскапи» [5, р. 971]) и Лавальском университетах в XX веке. Особенно подробно он описывает работу миссионеров на территории провинций Новая Шотландия, Лабрадор и Ньюфаундленд, в частности миссионера из Ордена Францисканцев К. Леклерка (Chretien Leclercq (1641 – дата смерти неизвестна)), который жил в племени микмак и начал разработку иероглифического письма, «чтобы помочь своим проповедникам учить молитвы» [5, р. 967]; а также П. Майяра (Pierre Antoine Simon Maillard (с. 1710 – 1762)), «доработавшего и расширившего иероглифику Леклерка для написания полного молитвослова» [5, р. 969-970] на языке микмак.

Дж. Хьюсон указывает на то обстоятельство, что «со временем тяжеловесная система иероглифического письма была заменена более простой буквенной системой», «поскольку словообразование в алгонкинских языках слишком сложное для того, чтобы создать простые идеограммы для передачи сложных слов» [5, р. 970]. Однако эта система письма «во многом совпадает той, что использовал Майяр в своих рукописях, ... но не обучал этому упрощенному алфавиту, чтобы оградить свою паству от светской литературы» [Там же]. Статья Дж. Хьюсона является важным штрихом в истории канадского языкознания, поскольку в ней демонстрируется преемственность между миссионерским этапом, позволившим накопить, пусть в чём-то неточный, но обширный, корпус лингвистических и культурологических знаний о коренных народах, и собственно лингви-

стическим этапом, дополняющим и корректирующим миссионерское наследие на основе современных научных методов. Кроме того, Дж. Хьюсон характеризует миссионеров как представителей европейской цивилизации, заинтересованных и ценящих языки и культуры коренных народов. В силу того, что на данный момент в Канаде особую роль играет восстановление исторической справедливости по отношению к коренным народам, в том числе в контексте языковой политики, и продолжается волна разоблачения и осуждения школ-интернатов (residential schools), изначально функционировавших под управлением Римско-католической церкви, рассмотрение роли миссионеров в документации и сохранении языков коренных народов так же важно, как и признание последствий насильственной ассимиляции.

В этой связи отдельный интерес представляет сравнение исторического нарратива Дж. Хьюсона с работой по схожей проблематике немецкой лингвистики Э. Новак (Elke Nowak) [7], которая рассматривает историю миссионерской лингвистики и последствия миссионерской деятельности на территории Канады и Новой Франции (США). Э. Новак, как и Дж. Хьюсон, приводит краткую историю документирования автохтонных языков, составления словарей, грамматик и попытки решить проблемы орфографии, уделяя особое внимание вкладу британских первооткрывателей и миссионеров в изучение языков коренных народов Северной Америки.

Так, Э. Новак указывает на то, что информация, собранная мореплавателями и путешественниками (например, английского мореплавателя Дж. Дейвиса (John Davis (1550-1605)), английского мореплавателя и этнографа Т. Хэрриота (Thomas Harriot (1560-1621)), шотландского путешественника А. Маккензи (Alexander MacKenzie (1764-1820))) "ограничивалась скудными списками слов и описаниями впечатлений" [7, p. 974]. Однако она совершенно справедливо отмечает, что нельзя недооценивать их в качестве "важных источников для дальнейших исследований" [Там же], в то же время указывая на "политическое значение таких сообщений, поскольку они оказывали значительное влияние на общественное

мнение и могли использоваться для изменения отношения к индейским народам и их правам в XVIII веке. Не все описания представляли коренных американцев не в лучшем свете» [Там же]. В отличие от Дж. Хьюсона, Новак предлагает более критическую интерпретацию «последствий миссионерской лингвистики» (the aftermath of missionary linguistics) [7, p. 977]. По её мнению, за редким исключением, «миссионеры не были заинтересованы в теоретических вопросах и скрупулезном описании» [7, p. 975]. Большинство грамматик «предназначались для использования миссионерами, а не коренным населением» [7, p. 975]; кроме того, «общее количество работ по грамматике, по сравнению с объемом работ по переводу, было поразительно малым» [7, p. 975].

Серьезные научные дискуссии о характере автохтонных языков Канады начались лишь в XIX веке. Однако по мнению Э. Новак, «категории «нехватки» или «отсутствия» были так прочно укоренены в европейской научной мысли, что понятия равенства между языками или непредвзятое понимание структуры незнакомого языка были едва ли возможны» [7, p. 976]. Проблемы создания орфографии она связывает с тем, что «миссионеры разных деноминаций не обязательно сотрудничали, а в некоторой степени даже конкурировали. Это приводило к тому, что очень близкие языки или один и тот же язык имели разные орфографии на основе разных европейских языков» [7]. К удачным примерам разработки орфографии для бесписьменных коренных народов, до сих пор используемой на территории Канады, Э. Новак относит слоговое письмо, созданное для языков кри английским методистским миссионером Дж. Эвансом (James Evans (1801-1846)), которую англиканский священник Дж. Горден (John Horden (1828-1893)) адаптировал для инуктитут (инуитских языков). Но попытки проповедовать на языках, родных для коренных жителей Северной Америки, сменились в конце XIX в. насильственной ассимиляцией. Стоит согласиться с Э. Новак, которая подчеркивает, что, «несмотря на похвальные усилия отдельных личностей», наследие миссионерской лингвистики, а также их роль как в сохранении языков, так и в насильственном насаждении английского

в школах-интернатах остается достаточно неоднозначной и требует отдельного изучения и оценки [7, p. 978].

Дж. Хьюсон рассматривает французскую традицию миссионерской лингвистики, Э. Новак – британской, применяя идентичную методологию, но приходя к разным выводам. Э. Новак занимает достаточно критическую позицию по отношению к миссионерам, рассматривая их работу через призму популярной в современной западной науке деколонизации. Очевидно, на всей территории Канады долгое время проводилась пагубная для коренного населения языковая политика, поэтому едва ли можно полагать, что влияние французских миссионеров и колонистов было более благоприятным, чем британских. В то же время, нельзя утверждать, что исторический нарратив Дж. Хьюсона менее точен или ценен в познавательном плане. Позиция немецкого лингвиста Э. Новак дополняет интерпретацию вопроса, предложенную канадским лингвистом Дж. Хьюсоном.

Как отмечает К. Кёрнер, первые заметки об историографии изучения автохтонных языков Северной Америки появились в 1940-х гг., а вплоть до конца 1960-х гг. интерес к данной теме носил эпизодический характер [6]. Ситуация коренным образом изменилась в 1970-е гг., когда ряд ученых обратились к историографии американистики и америндских языков [Там же]. Правда, К. Кёрнер не поясняет, чем обусловлен этот внезапно возросший интерес к историографии языков лингвистики коренных народов. Но увеличение числа работ по истории америндских исследований, а также истории миссионерской лингвистики в 1990-е гг. К. Кёрнер связывает с 500-летней годовщиной открытия Америки.

Следуя логике описания повышения профессиональных стандартов америндской лингвистики, К. Кёрнер упоминает основание Американской антропологической ассоциации в 1879 году и приезд Ф. Боаса в Америку. Как отмечает К. Кёрнер, Ф. Боас «не основал свою интеллектуальную традицию в северо-американской этнологии и этнографии», а волился в работу, набиравшую обороты. Примечательно, что К. Кёрнер не упоминает при этом отдельно Канаду как центр важных полевых работ

по изучению языков первых наций, даже несмотря на тот факт, что на момент написания книги он являлся профессором Оттавского университета. Тем не менее, К. Кёрнер высоко оценивает роль Ф. Боаса в институционализации американской лингвистической антропологии и повышении профессиональных стандартов: ему удалось подготовить плеяду учеников, таких как А. Кребер (Albert Louis Kroeber (1876–1960)), Р. Лоуи (Robert Harry Lowie (1883–1957)), Р. Бенедикт (Ruth Fulton Benedict (1887–1948)), М. Мид (Margaret Mead (1901–1978)), Э. Сепир (Edward Sapir (1884–1939)). Стоит ещё раз подчеркнуть, что, перечисляя учеников Ф. Боаса, К. Кёрнер не пишет о том, что Р. Лоуи проводил полевые исследования языка чипевайн в районе озера Атабаска [9], а Э. Сепир работал в Канаде более пятнадцати лет.

Деление на этапы в развитии америндской лингвистики осуществляется по принципу профессионализации дисциплины: от миссионеров, решающих практические задачи, к энтузиастам-любителям, а затем профессиональным сообществам и профессиональным лингвистам.

В сборнике «Salish Languages and Linguistics» под редакцией канадского лингвиста Е. Чайковска-Хиггинс и американско-канадского лингвиста М.Д. Кинкейда (M. Dale Kinkade (1933–2004)) также содержится краткий историографический обзор изучения автохтонных языков, а именно салишских. Они выделяют четыре этапа в развитии исследований салишских языков. Принцип периодизации Е. Чайковска-Хиггинс и М.Д. Кинкейда отличается от подхода К. Кёрнера – в основу положены исследовательские задачи и практические результаты.

Задачей *первого этапа* (1793 – конец XIX века) был сбор материала, сначала эпизодический (мореплавателями, торговцами, миссионерами), а затем более системный, в том числе проведенный канадским геологом и палеонтологом Дж. М. Доусоном (George Mercer Dawson (1849–1901)), американским миссионером М. Илзом (Myron Eells (1843 – 1907)), американским этнологом Дж. Гиббсом (George Gibbs (1815–1873)), американско-канадским этнологом Г. Хейлом (Horatio Emmons Hale (1817–1896)), шотландско-канадским исследователем У.Ф.

Толми (William Fraser Tolmie (1812 –1886)), сопровождающийся первыми попытками классификации североамериканских языков (например, классификация Дж. У. Пауэлла) и созданием нескольких словарей и грамматик.

Второй этап характеризуется интенсивной полевой работой, классификацией, анализом и сравнительным изучением североамериканских языков усилиями Ф. Боаса и его последователей (в том числе Э. Сепира, англо-канадского этнолога Ч. Хилл-Тоута, американского антрополога Л. Фарранда (Livingston Farrand (1867 – 1939), шотландско-канадского антрополога Дж. А. Тейта (James Alexander Teit (1864 — 1922))).

В третий период, который приходится на 1960-1970-е годы, велась активная работа по изучению салишских языков, в том числе в рамках Северо-западного исследования (the Northwest survey), проведенного Л. К. Томпсоном. Результатом этого периода стало создание грамматик ранее неописанных салишских языков, подготовка диссертаций (многие из которых остались неопубликованными) и проведение конференций по салишским языкам (первые две ежегодные конференции «The International Conference on Salish and Neighboring Languages» были проведены в 1966 и 1967 году в Сиэтле, третья – в Университете Виктории (Британская Колумбия, Канада)).

Для *четвертого периода* (начиная с 1980-х годов) характерно усиление аналитической и теоретической работы по изучению фонетики, морфологии, синтаксиса, ударений в салишских языках, обработка уже имеющихся материалов, сбор новых, а также создание учебных программ для детей и взрослых в рамках ревитализации салишских языков [1, р. 5-7].

В 2007 году в CJL опубликован тематический выпуск о вакашских языках «Southern Wakashan Languages». Во вступительной статье Генри Дейвиса (Университет Британской Колумбии) и Рэйчел Войдак (Университет Британской Колумбии и Университет Оттавы) говорится о том, что Ф. Боас и Э. Сепир заложили основу изучения вакашских языков [3]. Э. Сепир подробно изучил диалект цешаат (Tseshah), с помо-

щью информанта-носителя Алекса Томаса собрал корпус текстов, описал грамматику и составил краткий словарь нутка на основе диалекта циша-ат [8]. Исследования вакашских языков периодически прерывались, но дело Сепира продолжали его ученики. После безвременной кончины Э. Сепира в 1939 году наступило затишье в изучении данной темы на более, чем двадцать лет. Некоторая активность возобновилась в 1960-х годах и продлилась до начала 1980-х годов. Новая волна интереса к вакашским языкам приходится на 2000-е годы благодаря двум крупным исследовательским проектам университетов Британской Колумбии и Ньюкасла [3].

В конце 1990-х годов в Канаде окончательно оформился четкий курс на деколонизацию и восстановление исторической справедливости по отношению к коренным народам: языковая политика существенным образом пересмотрена, а вместе с тем возросло количество публикаций, образовательных программ и научных мероприятий, посвященных автохтонным языкам.

В настоящее время институты и центры по изучению и ревитализации языков коренных народов есть в большинстве крупных канадских вузов: в Оттавском университете (Institute of Indigenous Research and Studies), в Торонтском университете (Centre for Indigenous Studies), в Манитобском университете (Indigenous faculty), в Университете Британской Колумбии (Gitksan Research Lab и Salish Working Group), в Университете Альберты (Canadian Indigenous Languages and Literacy Development Institute), в Университете Квинс, в Университете Калгари. Канадский университет первых наций присуждает ученые степени бакалавра преподавания и перевода языков кри, дакота, на-дене, накота, оджибве (Cree, Dakota, Dene, Nakota and Saulteaux). Если лингвистика включена как направление в деятельность кафедр и факультетов антропологии, ее тенденциозно ассоциируют с исследованием канадских автохтонных языков [2]. По крайней мере, на каждой кафедре антропологии канадских вузов есть хотя бы один специалист по этим языкам. Таким образом, канадские антропологи нередко сотрудничают с лингвистами, а сами лингвисты яв-

ляются желанными участниками межпредметных проектов, их работу поддерживают местные культурные сообщества.

Список литературы

1. Czaykowska-higgins E, Kinkade M. (1998). *Salish Languages and Linguistics: Theoretical and Descriptive Perspectives*. Berlin: De Gruyter. 578 p.
2. Darnell R., Irvine J. (1997). Edward Sapir. *National Academy of Sciences. Biographical Memoirs: Volume 71*. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/5737>. P. 281-299.
3. Davis, H., and Wojdak, R. (2007). Southern Wakashan: Descriptive and Theoretical Perspectives. *Canadian Journal of Linguistics/Revue Canadienne De Linguistique*, 52(1-2), 1-18. doi:10.1017/S0008413100004175
4. Gallant D.J. (2022). Indigenous Languages in Canada. In *The Canadian Encyclopedia*. Retrieved 29 January 2023, from: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/aboriginal-people-languages>
5. Hewson J. (2000). The study of the native languages of North America: The French Tradition. *History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present*. Berlin; New York: De Gruyter. Pp. 966-973.
6. Koerner E. F. K. (2005). *Toward a History of American Linguistics*. London, New York: Routledge. 326 p.
7. Nowak E. (2000). First descriptive approaches to Indigenous Languages of British North America. *History of the language sciences: an international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present*. – Berlin, New York: de Gruyter. Pp. 973-979.
8. Sapir E., Swadesh M. (1939). *Nootka Texts: Tales and Ethnological Narratives, with Grammatical Notes and Lexical Materials*. Philadelphia: Linguistic Society of America. 334 p.
9. Steward J.H. (1974). Robert Harry Lowie 1883-1957. *A Biographical Memoir*, Vol 44. Pp. 17-212.

УДК/UDC 801.8

К вопросу о происхождении названий Ямаровка и Ямкун

Грудинина Анастасия Александровна

аспирант

Забайкальский государственный университет

г. Чита, Россия

e-mail: anastep0205@yandex.ru

Аннотация

В статье автор исследует работы учёных, занимающихся топонимикой Забайкальского края, и рассуждает о происхождении названий Ямаровка и Ямкун.

Ключевые слова: региональная топонимика, Ямаровка, Ямкун.

On the question of the origin of the names Yamarovka and Yamkun

Grudinina Anastasia Alexandrovna

graduate student of TSU

Transbaikal State University

Chita, Russia

e-mail: anastep0205@yandex.ru

Abstract

In the article the author examines the works of scientists involved in the toponymy of the Trans Baikal Territory, and discusses the origin of the names Yamarovka and Yamkun.

Key words: regional toponymy, Yamarovka, Yamkun.

Каждая региональная топонимическая система обладает уникальным исторически сложившимся лексическим составом или набором топонимов, отличающимся своеобразием семантико-словообразовательных средств языка, того этноса, который принял участие в её формировании. Изучение региональных топонимов помогает проследить следы пребывания этносов и их контактирование на данной территории. В данной статье мы рассуждаем о происхождении топонимов Ямаровка и Ямкун.

Топонимикой Забайкальского края занимаются следующие учёные: М.Н. Мельхеев, В.Ф. Балабанов, Т.В. Федотова, Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова, Е.Ч. Дыжитова и др.

Большой вклад в изучение топонимов Восточного Забайкалья внесли работы исследователя Р.Г. Жамсаранова. В диссертационной работе «Топонимия Восточного Забайкалья» (2002) Р.Г. Жамсаранова установила, что одной из важных задач является изучение и описание местной географической терминологии по отдельным классам и в отдельных языковых пластах топонимии региона. Р.Г. Жамсаранова также выделила принципы методологии исследования топонимии Восточного Забайкалья: 1) приём внешней реконструкции; 2) принцип семантической мотивированности, 3) метод словообразовательного анализа; 4) типологический метод; 5) описательный метод; 6) методика ретроспективного анализа; методика наблюдения; 7) методика наблюдения; картографический метод [5, 13-14].

Р.Г. Жамсаранова и Л.В. Шулунова в монографии «Топонимия Восточного Забайкалья» (2003) под топонимической системой Забайкалья понимают определённую совокупность топонимических фактов, в частности: ойконимов, гидронимов, оронимов и так далее; дифференциацию лексических единиц топонимикона внутри лексико-семантических полей; соотношение лингвистических средств при взаимодействии топонимических единиц; фиксация многообразных изменений топонимикона в языке. Все эти топонимические факты объединены территориальностью географических названий [6, 9-10].

Появление русских в Забайкалье также повлияло на региональную топонимическую систему. Т.В. Федотова пишет, что иноязычные топонимы адаптировались по законам русской фонетики и словообразования для удобства произношения с помощью специальных русских топообразующих формантов [8].

Интересно рассуждает о названиях минеральных источников известный забайкальский краевед В.Ф. Балабанов. Так, он приводит две точки зрения на происхождение названия Ямаровка, согласно первой источник назван так по легенде, которая гласит, что в этих местах когда-то охотился эвенк, он подстрелил животное. Так как раненое животное не могло далеко уйти, охотник погнался за ним по следу. Зверь стоял в воде минерального источника. А когда охотник стал скрадывать зверя, чтобы добить его, тот как совершенно здоровый, кинулся наутёк.

Во второй версии, В.Ф. Балабанов соглашается с мнением Н.П. Соболевым, который пишет, что название *Ямаровка* произошло от эвенкийского *аятмар* – ‘полезный’ [1, 100].

Название *Ямкун* по мнению В.Ф. Балабанова происходит от кит. *Ямгун* – ‘бездна’ [там же].

Географический ландшафт напрямую влияет на процесс называния. Так, А.В. Суперанская пишет, что: «... географическая среда отражается в топонимах, где так называемые топонимические термины передают особенности ландшафта, имена каждого народа носят опосредствованный отпечаток той географической среды, в которой складывалась его культура» [7, 39]. Поэтому, мы считаем, что географический фактор имел место быть при именовании минеральных источников Ямаровка и Ямкун. В беседе с местным жителем Ю.А. Грудининым (уроженец села Нижний Нарым, 1957 года рождения) мы выяснили, что данные источники находятся «как будто в яме» [Полевые материалы автора, 2023].

По мнению Ю.Т. Руденко Ямкун происходит от монг. ‘бездно нное место, бездна’ или от якутского слова, обозначающего ‘карстовое понижение’, так называемый ямкунский тип воды отличается высокой тем-

пературой, содержанием азота и углекислого газа и радиоактивностью. Вследствие подвижности почвенного грунта в недрах озёрных глубин возникают провалы или карстовые выходы. По-видимому, именно эта особенность озёрных образований типа Ямкун, Ямаровка и стала тем признаком, по которому и дали названия этим озёрам.

Ю.Т. Руденко пишет, что в маньчжурском апеллатив *ямту* означает ‘провал, проём’. Мы выяснили, что топонимы фиксируют в своём значении некий отличительный признак географического, климатического рельефного, ландшафтного характера. Поэтому, название минерального источника *Ямкун* образовано от манч. *ямту* ‘провал, проём’, в топониме произошло замещение буквы *т* на букву *к* + суффикс *н*. Название минерального источника *Ямаровка* также образовано от манч. *ямту* ‘провал, проём’ + суффикс *-ов*, который использовался для обозначения более крупных населенных пунктов (городов, поселков городского типа, больших сел).

Список литературы

1. Балабанов, В. Ф. В дебрях названий / В. Ф. Балабанов. - 2-е изд. - Чита: Экспресс-изд-во, 2006. - 104 с.
2. Василевич, Г.М. Эвенкийско-русский словарь: содержит около 25000 слов: с прил. алф. списка названий эвенк. родов, доп. к слов., граммат. очерка эвенк. яз. / Г. М. Василевич. - Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. - 802 с.
3. Голстунский, К. Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1-3 / К. Ф. Голстунский. - Санкт-Петербург, 1893-1895. - 491 с.
4. Дыжитова, Е.Ч. Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дыжитова Екатерина Чингисовна. – Чита, 2019. – 214 с.
5. Жамсаранова, Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Жамсаранова Раиса Гандыбаловна. – Улан-Удэ, 2002. - 156 с.
6. Жамсаранова, Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова. - Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2003. - 128 с.
7. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. - Изд. 2-е, испр. - Москва : URSS, 2007. - 366 с.

8. Федотова, Т.В. Адаптация иноязычных топонимов русскими первопоселенцами в период освоения Восточного Забайкалья [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/f/fedotova_t_v/adaptacija_inojazychnykh_toponimov_russkimi_pervoposelencami_v_period_osvoenija_vostochnogo_zabajkalja/101-1-0-155 (дата обращения: 26.01.2023)

References

1. Balabanov, V. F. In the wilds of names / V. F. Balabanov. - 2nd ed. - Chita: Express Publishing house, 2006. - 104 p.
2. Vasilevich, G.M. Evenk-Russian dictionary: contains about 25,000 words: with an adj. alf. list of Evenk names. genera, additional to words, grammat. essay evenk. yaz. / G. M. Vasilevich. - Moscow : State Publishing House of Foreign Languages. and nats. words., 1958. - 802 p.
3. Golstunsky, K. F. Mongolian-Russian dictionary. Vol. 1-3 / K. F. Golstunsky. - St. Petersburg, 1893-1895. - 491 p.
4. Dyzhitova, E.Ch. Toponomastic vocabulary of Eastern Transbaikalia: comparative-historical, comparative-typological aspects: dis. ... Candidate of Philology: 10.02.20 / Dyzhitova Ekaterina Chingisovna. – Chita, 2019. – 214 p.
5. Zhamsaranova, R.G. Toponymy of the Eastern Transbaikalia: dis. ... Candidate of Philology: 10.02.22 / Zhamsaranova Raisa Gandybalovna. – Ulan-Ude, 2002. - 156 p.
6. Zhamsaranova, R.G. Toponymy Of Eastern Transbaikalia / R. G. Zhamsaranova, L.V. Shulunova. - Chita : ZabGPU Publishing House, 2003. - 128 p.
- 7) Superanskaya, A.V. General theory of proper name / A.V. Superanskaya. - Ed. 2nd, ispr. - Moscow : URSS, 2007. - 366 p.
8. Fedotova, T.V. Adaptation of foreign-language toponyms by Russian first settlers during the development of Eastern Transbaikalia [Electronic resource] / Access mode: http://ostrog.ucoz.ru/publ/f/fedotova_t_v/adaptacija_inojazychnykh_toponimov_russkimi_pervoposelencami_v_period_osvoenija_vostochnogo_zabajkalja/101-1-0-155 (accessed: 01/26/2023)

УДК/UDC 3.3.0

Роль гибкого навыка коммуникации в микроэкономике

Дмитренко Виолетта Евгеньевна
Старший преподаватель
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
e-mail: violetmermaid@yandex.by
SPIN-код: 2614-3737

Аннотация

В статье рассматривается роль гибкого навыка коммуникации в микроэкономике с учётом изменений в современном мире. Автор даёт определение ключевым понятием, таким как гибкие навыки, макроэкономика, экономические отношения, раскрывает сущность терминов и показывает их взаимосвязь. В статье приведены характеристики реалий современности, в виду чего обоснована актуальность рассматриваемой проблемы. На основе проанализированных источников определены тенденции развития ситуации на рынке труда в будущем. Автор обосновывает необходимость и важность гибких навыков коммуникации как ключевых компетенций высокоэффективных специалистов. Статья будет полезна специалистам, занятым в сфере образования, психологии и экономики, а также специалистам по управлению персоналом, сотрудникам компаний, работающим в коллективе и управленцам, находящимся на руководящих должностях.

Ключевые слова: VUCA мир, гибкие навыки, гибкий навык коммуникации, коммуникация, микроэкономика, экономические отношения.

The role of communication soft skills in microeconomics

Violetta Dmitrenko
Senior teacher
Belarusian State University
Minsk, Belarus

e-mail: violetmermaid@yandex.by

SPIN-код: 2614-3737

Abstract

The article looks into the role of flexible communication skills in microeconomics, taking into account changes in the modern world. The author defines key concepts such as soft skills, macroeconomics, economic relations, reveals the essence of the terms and shows their relationship. The article presents the characteristics of the realities of our time, in view of which the relevance of the problem under consideration is substantiated. Based on the analyzed sources, the trends in the development of the situation on the labor market in the future are determined. The author substantiates the necessity and importance of flexible communication skills as key competencies of highly effective specialists. The article will be useful to specialists involved in the field of education, psychology and economics, as well as personnel management specialists, company employees working in a team and managers in leadership positions.

Key words: VUCA world, soft skills, communication soft skills, communication, microeconomics, economic relations.

Характеристики современного мира можно представить аббревиатурой VUCA, каждая буква из которой обозначает следующие слова в порядке их предъявления: нестабильность, неопределённость, сложность и неоднозначность. Мы живём в эпоху глобальной цифровизации, и подрастающие поколения явственно отличаются от предыдущих ввиду вышеобозначенных свойств современной реальности. Более того уже в 2016 году на ежегодном заседании Всемирного экономического форума было заявлено, что положено начало 4-ой промышленной революции. Выдающийся швейцарский экономист Клаус Мартин Шваб написал книгу «4-ая промышленная революция», где изложены основные факторы риска, движущие силы и вызовы современности. По словам Шваба прямыми признаками разворачивающейся промышленной революции являются скорость происходящих перемен, системный характер и масштаб происходящего.

Прогнозы неутешительны – неожиданные, хотя и прогнозируемые, перемены перекраивают мир и влияют на сознание людей и общества в целом. Для того, чтобы эффективно вести свои дела, работать, управлять бизнесом, создавать предприятия и в целом гармонично жить в VUCA мире, необходимы действенные инструменты, но всё начинается с человека.

Каким должен быть современный успешный специалист? Безусловно, это специалист, который обладает не только профессиональными компетенциями, но и так называемыми гибкими навыками. Гибкими навыками называются надпрофессиональные компетенции, качества личности, которые требуются независимо от сферы деятельности. Сформированные гибкие навыки дают преимущество в устройстве на работу, так как в современном мире существует спрос на специалистов со сформированными гибкими навыками. Десятилетия назад экономический ландшафт, представленный промышленными компаниями и предприятиями добывающей промышленности, был иным по сравнению с направленностью компаний существующих и возникающих в 2020-х годах. Сейчас неуклонно растёт приоритетность лёгкой промышленности, сферы услуг, торговли, информации и связи. Ввиду таких изменений эксперты заявляют о важности гибких навыков, в особенности тех навыков, которые являются составляющими концепции 4К. В рамках концепции речь идет о таких востребованных компетенциях как критическое мышление, коммуникация, креативность, кооперация.

Рассмотрим важность гибких навыков коммуникации на микроэкономическом уровне на примере коммуникации. Напомним, что согласно толковому словарю, коммуникация – это передача сообщения, сознательное и целесообразное влияние на взгляды и ценности собеседника, взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка. Также приведём определение ключевому понятию «микроэкономика», рассматриваемому в статье. Микроэкономика – раздел экономической теории, изучающий поведение отдельных экономических агентов в ходе их производ-

ственной, распределительной, потребительской и обменной деятельности. Микроэкономика изучает экономические отношения, которые объективно складываются между субъектами и объектами экономики при производстве, распределении, обмене и потреблении благ.

Осознав важность построения рациональных экономических отношений, учитывая сферы занятости, которые набирают обороты, остро встаёт вопрос о необходимости формирования гибкого навыка коммуникации. Имея сформированную коммуникативную компетенцию специалист любой области будет способен грамотно презентовать себя, эффективно вести переговоры, формулировать свои запросы и понимать своего партнёра или клиента. Профессионалы, занимающие руководящие должности, при наличии сформированного гибкого навыка коммуникации приобретают умение создавать нужную атмосферу, мотивировать работников, эффективно давать указания и осознавать возникающие потребности в коллективе. Без грамотно выстроенной коммуникации невозможно выстроить конструктивный диалог будь то партнёр, клиент либо сотрудник, а значит возможность договориться сводится к минимуму.

В заключение стоит отметить, что необходимо не только осознавать ключевую роль гибких навыков в современном мире, но и своевременно их осваивать, чтобы оставаться конкурентоспособным и высокоэффективным специалистом на рынке труда. Навыки современного человека в профессиональной сфере – это комбинация профессиональных компетенций и гибких навыков, где последние играют всё более существенную роль из года в год. В особенности это касается гибкого навыка коммуникации. Современная оцифрованная реальность приводит к снижению необходимости межличностных контактов, что приводит к постепенной утере неиспользуемого навыка. Сегодня молодые люди сталкиваются с трудностями межличностной коммуникации, не говоря о бизнес-коммуникации. Грамотный специалист будущего должен обладать всеми инструментами для эффективного выполнения своих должностных обязанностей, среди которых коммуникация была и будет одним из кри-

тических универсальных компетенций, поскольку мы живём и работаем в социуме.

Список литературы

1. Мануков С. С. 4-я промышленная революция в Давосе // Мировая экономика: сетевой журн. 2016. URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/> (дата обращения: 27.01.2023).
2. Лобанов А. П. Soft Skills для цифрового поколения: учебно-методическое пособие / А. П. Лобанов, Н. В. Дроздова. – 2-е изд. – Минск : РИВШ, 2022. – 154 с.
3. Навыки будущего: что нужно знать в новом сложном мире / Е. Лошкарёва [и др.] – М., 2017. – 93 с.
4. Шиманская В. А. Коммуникация: Найди общий язык с кем угодно / В. А. Шиманская – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 152 с. – (Серия «4К – навыки будущего»)

References

1. Manukov, S. S. (2016) 4th industrial revolution in Davos. <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/>
2. Lobanov, A. P., and Drozdova, N. V. (2022) Soft Skills for digital generation (2nd ed.). NIHE.
3. Loshkarev, E., and others (2017) Skills of the future: the things we need to know in a new complicated world. CLEVER.
4. Shimanskaya, V. A. (2022) Communication: Get on well with any person. Alpina Publisher.

УДК/UDC 81-13

Политический дискурс в региональных СМИ: на материале социальных медиа Республики Марий Эл

Душина Евгения Алексеевна

аспирант 1 курса

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Россия

e-mail: dusevgeniya@yandex.ru

Карташова Елена Павловна

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Россия

e-mail: elena.karta77@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящается обзору некоторых стилистических характеристик текстов региональных СМИ, которые можно отнести к политическому дискурсу. На материале социальных медиа Республики Марий Эл рассматриваются динамические характеристики дискурса, их лексическое воплощение, а также интенциональные составляющие анализируемых текстов. Кроме того, отмечаются точки пересечения политического дискурса и медиадискурса, обусловленные необходимостью массовой трансляции определённых идей и ценностей в обществе.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, медиадискурс, социальные медиа, СМИ, региональные СМИ.

Political Discourse in Regional Media: The Social Media of the Republic of Mari El

Dushina Evgenia Alekseevna

1st year postgraduate student

Mari State University

Yoshkar-Ola, Russia

e-mail: dusevgeniya@yandex.ru

Kartashova Elena Pavlovna

Doctor of Philological Sciences, Professor

Mari State University

Yoshkar-Ola, Russia

e-mail: elena.karta77@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the review of some stylistic characteristics of the texts of regional media, which can be attributed to the political discourse. On the material of social media of the Republic of Mari El the dynamic characteristics of the discourse, their lexical embodiment, as well as the intentional components of the analyzed texts are considered. In addition, the points of intersection of political discourse and media discourse, caused by the need for mass translation of certain ideas and values in society, are noted.

Key words: discourse, political discourse, media discourse, social media, media, regional media.

СМИ, действующие на платформе социальных медиа, сегодня имеют многие неоспоримые преимущества. Оперативность, эксклюзивность информации, широкие возможности для публикации вовлекающего контента – вот лишь некоторые из них. Поэтому цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть ведущих представителей СМИ Республики Марий Эл, их составляющую в виде социальных медиа и выявить проявляющиеся здесь особенности политического дискурса.

Согласно статистическому отчёту Brand Analytics, популярность социальных медиа в России продолжает расти: в 2022 году (по сравнению с 2021) объём активности аудитории увеличился на 36%, появилось около 5 млн новых авторов в социальной сети «ВКонтакте», а рост числа сообщений в Telegram составил 159% [13].

Естественно, что вместе с распространением социальных медиа укрепляют свои позиции и СМИ. Тем более что в 2022 году зафиксирован рекордный рост аудитории социальных сетей печатных СМИ: «Российская газета» сообщала об увеличении на 3-16% вместо среднемесячных 1,5% [11]. Приведённые статистические данные подтверждают представления учёных о «человеке медийном», который, по утверждению Е.Л. Вартаковой, является «членом общества, бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ» [5].

Именно поэтому актуальными для исследователя являются понятия медиадискурса и политического дискурса. Однако важно учитывать, что в исследовательской среде определений понятия «дискурс» (и, соответственно, его разновидностей) существует множество, к тому же все они разноплановые. Но мы возьмём за основу нижеследующие трактовки:

Т.Г. Добросклонской подходит к определению *медиадискурса* как к «совокупности процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [9];

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич определяют *политический дискурс* как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1].

Представители некоторых научных школ также отмечают, что сегодня политический дискурс настолько тесно связан с медийным, что можно говорить даже об их сращивании [14]. Хотя с нашей точки зрения точнее этот процесс характеризует термин *пересечение*: например, в случае, когда транслируется речь политика и сопровождается авторскими комментариями журналиста.

Далее рассмотрим некоторые примеры того, как специфика политического дискурса проявляется на практике – в публикациях социальных медиа Республики Марий Эл. Для этого был осуществлён подбор

корпуса текстов политического характера, их анализ и оформление полученных выводов:

Во-первых, в наиболее популярных СМИ Республики Марий Эл («Марийская правда», «МедиаПоток», «Городская газета «Йошкар-Ола») ярко выражена такая функция политического дискурса, как побудительная. А именно – воодушевляющая и формирующая положительные образы, убеждающая реципиентов в заинтересованности политиков и эффективности принимаемых ими решений через оценочную семантику слов. Например, в публикациях социального медиа «МедиаПоток»: «Глава региона подчеркнул, что обеспечение безопасности жителей является вопросом первостепенной важности»[12]; «Их реализация позволит значительно повысить качество жизни граждан, поэтому крайне важно в срок выполнить все запланированные мероприятия»[4]; «Возведение «проблемных» объектов находится на особом контроле Правительства республики, подчеркнул Глава региона, поскольку их сдачи ждут граждане, состоящие в реестре обманутых дольщиков»[7].

Во-вторых, используются некоторые языковые приёмы манипулирования, которые позволяют построить доверительные отношения с адресатом информации, убедить в общности целей. Например, употребление местоимения «мы», а не «я» в публикациях социального медиа «Марийская правда»: «Мы сейчас переформатируем наше понимание жизни, важности и места Родины в мире, наше отношение к ней, положение внутри общества»[2]; «Нужно обсудить, что происходит со стройкой, и самое главное – что будем делать? Мы разговаривали с руководителем концессионера»[3]; «Мы уже успели помочь району, но много ещё надо сделать. Районам будем помогать в любом случае, без этого никак, муниципалитетам самим тяжело справиться»[6].

В-третьих, стилистические особенности текстов политического дискурса свидетельствуют о неопределённости, то есть использовании смысловых замен и неточностей языка для сохранения нейтральной позиции в спорных, острых ситуациях. Сюда же можно отнести и эвфемизацию с целью смягчения высказываний. Например, в социальном медиа

«Городская газета «Йошкар-Ола»: «Современная действительность обозначила новые вызовы во всех сферах жизни современного общества, и медиаотрасль не стала исключением»[8]; «Лев Покровский озвучил отдельные замечания относительно расчистки межквартальных проездов и недостаточной синхронизации этих работ с управляющими компаниями»[10].

Таким образом, проанализировав некоторые особенности политического дискурса в региональных СМИ, мы пришли к выводу, что они обладают следующими характеристиками: направленность на формирование положительного общественного мнения и использование для этого соответствующих лингвистических и экстралингвистических категорий, открытая авторская оценка происходящих событий, иносказательность, воздействующие функции. Кроме того, исследованные тексты политического дискурса характеризуются использованием клише официально-делового характера, имеющих положительную коннотацию, и эвфемизацией для смягчения смысла высказываний. В целом, изучение данного вопроса имеет важные исследовательские перспективы. Например, в рассмотрении таких особенностей социальных медиа, как распространение «карнавальной» культуры.

Список литературы

1. Баранов, А.Н., Казакевич, Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич // М.: Знание. – 1991. – 64 с. – С. 13.
2. В День российской печати Глава Марий Эл Юрий Зайцев встретился с руководителями республиканских и районных СМИ [Электронный ресурс] // Марийская правда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/marpravda?w=wall-72698876_168151, свободный.
3. В Марий Эл Юрий Зайцев поручил принять меры по отношению к концессионерам, нарушающим условия строительства школ [Электронный ресурс] // Марийская правда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/marpravda?w=wall-72698876_149160, свободный.
4. В Минстрое России состоялась рабочая встреча Заместителя Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Элек-

тронный ресурс] // ИА «МедиаПоток». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/mediapotok?w=wall-91551651_66997, свободный.

5. Вартанова, Е.Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества [Электронный ресурс] / Е.Л. Вартанова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/old/node/352>, свободный.

6. Во время визита в Волжский район врио Главы Марий Эл Юрий Зайцев провел встречу с активными жителями и ответил на их вопросы [Электронный ресурс] // Марийская правда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/marpravda?w=wall-72698876_145053, свободный.

7. Глава Марий Эл Александр Евстифеев обсудил с министром строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства республики Михаилом Степановым сроки завершения строительства жилых домов [Электронный ресурс] // ИА «МедиаПоток». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/mediapotok?w=wall-91551651_43020, свободный.

8. Глава Марий Эл вручил представителям СМИ журналистские премии [Электронный ресурс] // Городская газета «Йошкар-Ола». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/ggyola?w=wall-117262827_60446, свободный.

9. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь [Текст] / Т.Г. Добросклонская // М.: Флинта: Наука. – 2008. – 263 с. – С. 257-261.

10. Заместитель мэра города Йошкар-Олы Лев Покровский подвёл итоги содержания города в период новогодних каникул [Электронный ресурс] // Городская газета «Йошкар-Ола». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/ggyola?w=wall-117262827_60164, свободный.

11. Как изменилась аудитория российских СМИ в соцсетях в 2022 году [Электронный ресурс] / Российская газета. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/25/kak-izmenilas-auditorii-rossijskih-smi-v-socsetiah-v-2022-godu.html>, свободный.

12. Сегодня Юрий Зайцев в режиме видеоконференции провел совещание с главами муниципальных образований по оперативным вопросам [Электронный ресурс] // ИА «МедиаПоток». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://vk.com/mediapotok?w=wall-91551651_71959, свободный.

13. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 [Электронный ресурс] / Brand Analytics. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://brand-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/>, свободный.

14. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал // М.: ИТДГК «Гнозис». – 2004. – 431с. – С.215-218.

УДК/UDC 8

Влияние языка власти на общество в романе Джорджа Оруэлла «1984»

Мальвова Ксения Александровна

Студент бакалавриата

Московский Педагогический Государственный Университет

Москва, Россия

e-mail: ksumalvova@gmail.com

Аннотация

Политический дискурс широко используется в современном мире. Политические речи и тексты обычно используются для выполнения регулирующей функции в обществе. Социолингвистика рассматривает то, как язык взаимодействует с обществом, а политический дискурс – это та самая сфера, которая наблюдает динамику использования языка в процессе реализации и проведения определенной политики в обществе. В этой работе рассмотрен язык власти в рамках письменного дискурса. Необходимо указать, как этот инструмент продуцирования политического дискурса используется в литературе. Таким образом, исследование проводится с целью демонстрации характеристик и средств языкового воздействия в контексте романа Джорджа Оруэлла «1984».

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, язык власти, художественные тексты.

The Influence of the Language of Authorities on Society in George Orwell's Novel "1984"

Malvova Ksenia Aleksandrovna

Bachelor's degree student

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

e-mail: sumalvova@gmail.com

Abstract

Political discourse is widely used and observed in the contemporary world. Political speeches, writings, and so on are generally produced for the regulating function. Sociolinguistics looks at how language interacts with society, and political discourse is the very sphere which observes the dynamics of language use in the process of a certain policy implementation. This work examines the language of authorities in the framework of a written discourse. It is necessary to indicate how this tool of producing political discourse is used in literature. Therefore, the study is accomplished to demonstrate the characteristics and means of having the impact through language in the context of George Orwell's novel "Nineteen Eighty-Four".

Key words: discourse, political discourse, language of authorities, literary texts.

Chapter 1. Historical Background

1.1 The history of discourse

Sociolinguistics deals with the wide term 'discourse' that can be defined from various perspectives. First of all, discourse is the 'ideology' which encompasses the thinking of all members of a particular society except for being the way of speaking and writing [1]. Secondly, discourse studies look at the functions of language either in a written or oral form. That is, it focuses on how conversations or texts are organized, how the information is ordered and the interaction is produced between certain participants.

Since sociolinguistics is about the connection between language and society, discourse can also be viewed from the perspective of context. Thus, discourse observes not only how the process of communication is structured but also what influences this or that topic raised, utterances or sentences written. Cultures, social background, environment and different situations affect the kind of language produced and manner in which it is perceived by readers or listeners. Therefore, sociolinguists consider discourse a social practice which results in getting and transmitting information by 'recipient' and 'sender', accordingly. Discourse has a few characteristics that would be typologically present, namely functionalism and "argumentation based

on cause-effect relations” [2, p.1]. The first widely accepted feature is that of a text or any other form of discourse having a certain function, for example, to transmit information, to express feelings, to regulate behavior or the way of thinking and many others. Secondly, it is important to mention such concepts as cohesion and coherence. The former stresses lexical or grammatical relations between different elements of a produced unit, either writing or a speech. The latter is about the capacity of a part of discourse to make sense for readers, listeners, etc. Otherwise, the absence of a particular function or logical organization leads to the disappearance of discourse at all, so that there are only separated linguistic units without overall meaning transferred and received. French philosopher Michel Foucault was the person who gave way to the study of discourse. He emphasized the multiplicity of discourses meaning that there are always an infinite number of them in different spheres of life that can be also called disciplinary discourses. These discourses, in turn, are individualized as, for instance, mathematics, biology, psychology and so on, have their own history of formation and influence in everyday life [3]. Discourse, according to the theorist, both facilitates and limits the process of writing, speaking, or thinking in relation to a particular historical period and context in which they are produced. As there is a big number of discourses produced, there are also various approaches to both written and spoken discourse. Some of the most prominent and widely used are pragmatics, ethnography of speaking, interactional sociolinguistics, Conversation Analysis, and Critical Discourse Analysis. The means of analysis are also diverse because spoken discourse and written discourse have quite a few discrepancies. First of all, there is a point of coherence since written discourse is generally higher organized rather than spoken one due to the situational context and spontaneity of the latter. Spoken discourse is implemented by more than one person, so its structure consists of topic shifts, repetitions, and pauses. Written discourse, on the contrary, can be less communicative because of the absence of additional features, such as body language, intonation, and so on.

1.2 The language of authorities as a part of discourse

The language of authorities is one of the disciplinary discourses that deals with political activity of people in power and their influence on society in general. Political discourse includes every linguistic formation which has such features as coherence and cohesion and are implemented in an oral or written form. Politics “does not exist without the use of language” which proves it to be a point to analyze in the context of discourse [4, p. 6].

Political discourse mainly has a regulating function, except for a referring one [5], with the idea of a simple transmission of information. Overall, it demonstrates the meaning of ideology at its basis as precisely and literally as possible. According to the Cambridge Dictionary, the term ‘ideology’ itself can be defined as “a set of beliefs or principles, especially one on which a political system, party, or organization is based” [6]. That is why the political sphere is so closely connected with the initial concept of discourse introduced by Michel Foucault. Moreover, the philosopher presented the notion of discursive practices in connection with power and knowledge. Discursive practices can be defined as the process through which reality is formed. It is connected with the fact that using different means of language makes knowledge acceptable for this or that social group possessing a particular ideology. The framework of this sharing of information can show social links or power relations between the producer of a speech or a text and a recipient of it. Foucault viewed power and discursive formations as the source of knowledge. Inasmuch as discursive practices are concentrated on how the language is used for different speech communities, it also brings about the social stratification. This shows the uniting power of political discourse in the circumstances when there are diverse social groups that may have disconnected communication with one another. Furthermore, from the perspective of political discourse, the idea of making knowledge by those in power is characterized by the whole representation of the body politic. This phenomenon was also observed by Michel Foucault. The State was characterized as ‘panoptic,’ that is, the omnipotent and all-seeing institution

named after the prison Panopticon [1]. The difference between the image of prison and that of the State is that the State keeps under its supervision and control with the help of ideological apparatus and the power of discursive practices instead of physical enforcement. One more important aspect of the language of authorities is the art of rhetoric. Overall, persuasive speaking or writing is the ability of not only transmitting the information but also of influencing the beliefs, attitudes and the whole mindsets of the audience. The main tool for persuading listeners or readers is the creation of strong arguments that are based on logical connections and do not contradict the evidence in the real world. Nevertheless, persuasive speaking is also about utilizing appropriate body language (poses, gestures, facial expressions) since it can have a great impact on the audience from a psychological perspective. Speaking about the historical context, Aristotle classified the way in which people are persuaded into three strategies: logos, ethos, and pathos. Logos is this exact creation of strong arguments which are rational and relevant to the topic introduced. Ethos is connected with the attitude that an audience has to a speaker or writer. It is also called a personal credibility that shows how the producer of this or that message is perceived by others. Even though one of the main means of persuasion is an argument, it is still very important to consider how the audience is connected to the speaker or writer and whether they are regarded as a credible information source or not. Finally, pathos is an emotional appeal which makes cold and hard facts the way they should influence the audience, either positively or negatively. Eventually, the ideology may infiltrate the lifestyle and thinking of an audience by means of language and communicative strategies [7]. It interchangeably demonstrates the use of language units for the creation of ideological meanings. Political speeches, election campaigns, the literature with political topics raised in it - all of this can be an example of how language works in the process of forming and disseminating information. Thus, the political sphere clearly represents the influence that discursive practices may have on people's attitudes, customs and convictions. In most cases, the power is exercised not by the physical reality but through words and strong messages affecting

minds. Hence, the language of authorities plays a significant role as one of the disciplinary discourses.

1.3 The language of authorities as a regulator of discourse in fiction

The sphere of literature can be considered as a powerful means of producing effects on its readers. As all other types of discourses, literary domain has certain functions which determine how the information is organized, presented or shared with its recipients. Fiction is one of the main sources of literature which can show the exact impact that discursive practices possess and the results or consequences of such an ideological distribution in real life. The political discourse is usually presented in fiction as actively penetrating the usual way of life. Literature observes what happens in people's minds when politics occupies a leading position in the production of knowledge and creation of attitudes towards various aspects in life. Secondly, politics is embodied in literary works for the reason of providing the general overview on different political systems and theories and uncovering an underlying message. It may either create a utopian or dystopian picture of society guided by particular principles of the State. Political ideas in literature, or artistic discourse, have quite an important peculiarity. Liu Hong indicated the final implementation of ideas as the cornerstone of political fiction in comparison with the political discourse in its pure form [8]. During political speeches, speakers have a distinct control over what is said, having the ability to strengthen or soften the expression of ideas. In fiction, political discourse may have a hidden sense or connotation of this or that ideological statement. This happens because an author can transmit ideas either consciously, or unconsciously. Everything depends on how the readers will perceive and interpret the information. Literature raises an important question of the public awareness of the methods of influence on them by the authorities. Therefore, it is necessary to study special uses of language in the literary environment to understand how the manipulation and popularization of an ideology is realized in the minds, values, and patterns of people's behavior.

All of this is examined by one of the discourse approaches which is called Critical Discourse Analysis (CDA). In comparison with other approaches, the Critical Discourse Analysis deals with the ways linguistic units are utilized in the process of communication “to construct and maintain power relationships in society” [9, p. 393]. Critical Discourse Analysis is an approach that is concerned with the power relations and the subsequent creation of knowledge. CDA does not only analyze how the conversation or speech is structured but also deliberately observes why particular words and phrases are used in this or that situation. This method is closely connected with Michel Foucault’s idea of discursive practices, through which the reality comes into being. Ideological meanings include values and beliefs of a certain social group. Therefore, the analysis of speeches or writings by those in power with the help of CDA helps to understand how a way of thinking is formed and promoted to the audience. It is the analysis of discourse and its superficial linguistic structures that leads to an understanding of the linguistic mechanisms of political influence [10]. Furthermore, discourse analysis is a social practice which highlights functions of language and the idea that meanings are discursively constructed and therefore in most cases should be observed in cultural, social, historical, and political contexts. Historical context, one of the main tools when analyzing fiction, shows the time frame the exact piece of writing was produced in or the described events happen in. It helps to understand the way of thinking imposed on society of a particular time and their lifestyle. It is highly connected with the cultural context which presents people’s beliefs, customs and values at the period literature was created or at the period demonstrated in a writing itself. Social and political contexts are needed to highlight various social positions that the social structure consists of and relationships between them in everyday life. If previously it was written about the context of discourse, now it is also important to mention the co-text when considering literature. If the context refers to the physical environment in which a composition appeared, then the co-text is about its linguistic environment, that is, it shows “the context of a text itself” [11, p. 8]. Some of the main tools that are applied when analyzing works in terms

of the co-textual context are grammatical and lexical cohesion. Grammatical cohesion includes reference, substitution, ellipsis, and conjunction. Reference is implemented to show how someone or something is addressed in the text. For this purpose, authors usually utilize pronouns. Substitution indicates the replacement of one language unit by another, which is close in meaning with the first one. The deliberate omission of some words is called ellipsis. This device is used when it is clear from the context what linguistic unit is initially dropped. Conjunction establishes connections between words or clauses to outline the logic of ideas. Lexical cohesion enables devices that demonstrate how ideas are structured from the point of lexical units and word associations. These include repetitions of the same words or phrases within the text to create a stronger statement, synonyms to diversify the language and make it more appealing to the audience, and antonyms to contrast meanings and pay attention to particularly important moments in a text. These two means of creating co-text can demonstrate how well the speech is constructed, what moments are intentionally omitted, and what is done for the audience to impose and promote an ideology. Therefore, it can be related to Aristotle's concepts of ethos and pathos determining logical arguments and emotional background, respectively.

Key findings of Chapter 1

In Chapter 1, we have covered the history of discourse, how it was and it is defined when considering the process of communication. This chapter also observes the language of authorities as one of the sides of political discourse. Finally, the peculiarities of the language of those in power were examined in the context of representation in literature.

The key findings of the first chapter are mentioned below:

- Discourse is the overall production of speech in both written and oral form which outlines the whole psychological features (beliefs, values, behavior) of a certain society.

- French philosopher Michel Foucault developed the idea of multiplicity of discourses and discursive practices which maintain power relations and the subsequent knowledge creation.
- The language of authorities is considered as one of the sources for promoting ideology through three Aristotle's strategies: logos, ethos, and pathos.
- The language of those in power is used in the artistic context, particularly in literature. Its power in literary works is shown through the duality of perception of ideological ideas by the audience.
- Critical Discourse Analysis is conducted to present the particular way in which the language is used to create and sustain power relations within a society.
- Context and co-text are important components when analyzing the language of authorities as they facilitate the process of understanding of the influence that political discourse may have on the recipients.

Chapter 2. The representation of the language of authorities in the context of George Orwell's 1984

The second chapter focuses on a practical part which is subdivided into two comprehensive parts: the analysis of the text with the help of methods of the Critical Discourse Analysis and the representation of the language of authorities in the book itself. The first point comprises such components as different kinds of context and co-text, and lexico-grammatical constituent that can be identified during the analysis. The second paragraph discusses the image of the language which is created in the framework of the novel *Nineteen Eighty-Four*.

2.1 The context behind

2.1.1 George Orwell's political background

George Orwell (1903-1950), an English novelist and critic, wrote one of the most influential works of the 20th century in 1949 paying people's attention to the controversial issues of the time period they lived in. In his essay "Why I Write" the author pointed out that one of his aims is to reveal the lie spreading in the world, and particularly regarding social and political questions [12]. George Orwell expressed the ideas against poverty, totalitarianism and imperialism not only in fiction but also in real life. It led to the rejection of upper class lifestyle, change of his political beliefs, and eventual quitting of the imperial police. The writer was sure that "political change was needed to end poverty and unemployment" [13, p. 2]. That is why Orwell can be considered a socialist fighting against inequality and calling for mutual coexistence and development of political and social spheres of life.

In the period from 1941 to 1943 the author became an active opponent of propagandistic ideas and wrote articles for *the Tribune* socialist newspaper [14]. The ideas that the writer expressed in the left-wing magazine were opposing communism and the Soviet regime, in particular. George Orwell emphasized the destructive influence of the political limits which are imposed on citizens in the context of strict political ideologies such as communism, fascism, and so on. That is why the book *1984* exposes the effects of the totalitarian regime, and presents the outlook on the propaganda which is spread across for people to absorb and put into their mundane lives.

The author of *Nineteen Eighty-Four* himself was a volunteer in the battlefield of the Spanish Civil War against Francisco Franco's Nationalist uprising and a member of the Home Guard in World War II. The methods utilized by communists to oppress revolutionists caused Orwell to become an open adversary of the Stalinist doctrine. To attack those kinds of regime more explicitly and demonstrably the writer and editor of *the Tribune* turned to be a war journalist for *the Observer* [15].

According to the mechanisms of the Critical Discourse Analysis, major social and political events in George Orwell's personal and public life had a significant impact on what was displayed in the novel *1984*. With the help

of the writings the author tried to resist established ideologies and challenge propagandistic views within the social order.

2.2 Co-text of the novel

2.2.1 The place among other dystopias

Another component of the discourse analysis is the co-text of a text itself, when referring to the content and the position of a work in the literary domain. Speaking about the *Nineteen Eighty-Four*, it is necessary to mention some of the influences that George Orwell was inspired by to write the well-known composition. First of all, 1984 is a dystopia which obviously implies that the main problem should consist in the fact that a society is suppressed by different limits and control, showing various kinds of inequality in the course of life of characters. The genre of dystopia became popular at the time when the book was created, thus there are some other novels of Orwell's contemporary authors which expose the idea of a suffering society. For instance, *Brave New World* (1932) by Aldous Huxley presents a future society being artificially born and developed into intelligent rivals for the sake of science prosperity. Moreover, Ray Bradbury's *Fahrenheit 451* (1953), with the society forced to live without books to reinforce a new type of ideology produced. When taking a look at these examples and the reviewed book *Nineteen Eighty-Four*, it becomes clear that one of the common topics that unite these works is the destroying of the past. Huxley's writing tries to show the world where all natural methods of human creation or biological features are transformed into an environmentally limited 'conveyor production,' where people are obliged to not only forget the life in the past but even condemn it. Bradbury wrote his novel with the issue of knowledge elimination and cultural extinction. In George Orwell's book 1984, the writer presented the image of a 'memory hole' which "exaggerated and simplified the mechanisms for controlling the past" [16, p. 210]. One more important feature of dystopias is the main character or characters who attempt to rebel against the entrenched system violently imposed on a society. Even though they initially oppose the

ideology in their minds, the heroes do not actually reveal it in real life since they are threatened by structures in power, or government. George Orwell's main character Winston Smith is one of the few who understands the futility of being and dangers of political suppression. Nevertheless, the fear of being caught and killed because of inappropriate behavior or even thoughts was far more powerful than the desire to withstand the deteriorating order of life. On the contrary, the majority of people in such dystopias follow the 'herd' mentality not being able to understand that their way of living is enforced by those in power but not according to their free will. This is how such novels demonstrate society that is unaware of the means by which it is controlled and guided. One of these tools in *Nineteen Eighty-Four* is the use of special language allowing the government to advance only those ideas, opinions, and attitudes that are beneficial for managing authorities.

Therefore, concerning the co-text of the whole book amid other dystopian literature, it is crucial to highlight the common features helping authors to uncover the underlying meaning of the regulating power of politics and its discourse in their books. That is, presenting similar peculiarities in the content of literary works novelists make them "a warning... to escape such a dark future" [17, p. 520]. Political discourse is one of the main tools which assist in a vivid representation of control and surveillance that characters cannot escape even if they want to do so. So, the linguistic context of George Orwell's dystopia proves the ability of governing bodies to impose particular ideological concepts through diverse mechanisms, including strict supervision and banning or promotion of some sources of information.

2.2.2 The co-text of events

After the analysis of phenomena that George Orwell witnessed in personal life and was inspired by to write *Nineteen Eighty-Four*, we also need to emphasize how the events particularly described in the work are connected with the historical background. Many moments in an Orwell's dystopian novel have parallels with historical facts and personalities. The most obvious similarities are those with the Soviet Union and the Nazi German regimes.

To begin with, the world in the novel is divided into three main countries: Oceania, Eurasia, and Eastasia. All three states are at war with each other which can serve as a parallel with the USSR and Germany in the period of the Great Patriotic War. This representation of how the war goes on between the main rivals and their allies is “clearly based on the 1939 Nonaggression Pact between Hitler and Stalin” [18, p. 609]. Each of the three states can make a military alliance with another if they understand that will bring more benefits to the overall ability to maintain power and status on the international arena. Moreover, the writer creates an image of the state called Oceania that lives according to the strict totalitarian ideology where the authorities monitor behavior and the way of thinking of every person. This kind of pressure on citizens was spread by the doctrines of Nazism and Communism. For instance, Thought Police can be compared to the structure named NKVD which was operating in times of the Stalinist regime. The surveillance was so constant that “there was of course no way of knowing whether you were being watched at any given moment” [19, p. 5]. The opposing thoughts and personal opinion of characters in the novel lead to lethal consequences and is partly referred to the system of Stalin’s Purges when innocent people were accused of dissent. Furthermore, personality is another important point for making parallels with history. The Big Brother is often linked with either of the two leaders, Adolf Hitler or Joseph Stalin. The description gives a clear picture on the appearance of both dictators, noting his face being “black-haired, black-moustachio’d, full of power and mysterious calm” [ibid., p. 20]. The overall attitude of the whole society towards the Big Brother is often compared to Stalin’s cult of personality, when the ruler was exalted above everyone and everything and considered a fearless, invulnerable, and divine power that must have sacrificed everything for the benefit of people. Another significant figure in 1984 is Emmanuel Goldstein who, like Leon Trotsky from the Soviet Union, was recognized as a traitor to the system and who was exiled and condemned in society for inappropriate way of thinking. Finally, the Oceanian state structure resembled the structure of the USSR and Nazi Germany, where management was conducted on behalf

of the Party headed by its chairman. The Party possessed a continuous desire to advance social control and strengthen the positions of the ruling bodies. Citizens were constrained by a rigid hierarchy and strong propaganda which was hard to rebel against. Hence, the co-text of the events and figures present in the book's content shows the image of the reality, though hyperbolized, that people lived in at a certain period in history in different parts of the world. This demonstrates how the political discourse may develop its negative impact on the citizens if it is not managed adequately. With the help of the historical parallels the Critical Discourse Analysis identifies hidden values in the society and government, disclose the relationships between different social classes and elicit the tools through which those in power exercise control over the civilian population.

2.3 The language of authorities and cohesion

2.3.1 Newspeak

The language of authorities in *Nineteen Eighty-Four's* reality plays one of the key roles in facilitating the monitoring process. The language of Oceania is called Newspeak and artificially created to replace the so-called Oldspeak for the sake of the advancement of ideology and new life philosophy. Even though many people still spoke Oldspeak, they tended to utilize more words and phrases from the *Newspeak*. It was a government's prospect that by the age of 2050 all people would speak only a new type of language responding to the needs of the Party and the doctrine as a whole. First and foremost, as was mentioned above, the language was devised for the Party to gain benefits from the population. *Newspeak* allowed political leaders "narrowing the horizons of a person's thoughts" in order to prevent any cases of committing not only a physical but also a thought crime [20, p. 19]. 'Doublethink' is the term invented in the superstate to define every attempt of a person to express their thoughts in the way which is different from the one proposed by authorities. *Newspeak* is supposed to eliminate any double perception and expression of ideas and messages.

Concerning the peculiarities of *Newspeak*, it is necessary to underline the fact of its firmness and some kind of inflexibility. Dictionaries of the new language that are compiled in Oceania show no double meaning of words or phrases. Thus, there is only one idea behind one linguistic unit, which promotes ‘good thinking’. Another crucial message of *Newspeak* is that “words that express forbidden ideas and concepts” should be removed and “the names abbreviated” for the reason of avoiding any unaccepted intention [21, p. 405]. As there should not be dual understanding of words or phrases, the synonyms and antonyms are also eliminated so that only the main and initial message remains in daily use. The principle of the *Newspeak* dictionaries is far different from that of any dictionary that we have in a modern world. That is, the vocabulary of *Newspeak* is constantly being decreased, so as to avoid any possibility to think in a wrong way and provide the opportunity to always speak directly and in compliance with the main rules of ideology. Every day the proles, proletariat citizens of Oceania, witness how a word that was used in a new language vocabulary one day was irrevocably deleted from all sources of information and, consequently, from people’s minds the following day. The situation of the world’s arena, where one country becomes either an ally, or an enemy for Oceania, can also be a cause of a lexical change. The instability of *Newspeak* can be demonstrated by the way of dealing with literature in the novel. Literary works from the period before Ingsoc, the superstate’s political system, were either exterminated, or semantically changed to make it in accordance with the contemporary system of values, opinions, and attitudes towards the Party and the Big Brother. This is a clear representation of how the past and history are rewritten and depend on authority’s will. Taking everything into account, it is obvious that *Newspeak* as a language of authorities is a distinct tool intended to assist people in power to realize the potential of their power. The origin, development, and peculiarities of a new language are designed to create a relation between politics and ordinary citizens through the language. Thus, with the help of discursive practices that are introduced within the society, ideology penetrates into people’s minds by itself and produces the desired effect.

2.3.2 Grammatical cohesion

Grammatical cohesion is a tool which is supposed to make a text from a set of sentences, by drawing up logical cause-and-effect relations and linking separate phrases together. For the political discourse, grammatical cohesion is especially important as it tends to realize the regulating function exerting an impact on the audience. Initially, it should be mentioned that the author's writing style is quite specific and corresponds to the reality of the novel itself. The sentences are typically short and sharp, involving the minimum of extra clause elements. In the essay "Politics and the English Language" [22], Orwell unveiled some of the core principles of writing. Some of them included the idea of a simple deletion of redundant units, not contributing to the main message of a sentence, and making words or phrases as uncomplicated as possible [19]. This is examined in the following set of sentences: "Your attention, please! ... Here is the newflash" [ibid., p. 33]. It was done in order to extend the influence of the direct and unambiguous *Newspeak* on the readers and show the big picture of the language as a means of the dissemination of ideological power. The first element that can be analyzed in the context of the novel 1984 is references. The most common type of reference in the text is exophoric, which generally indicates someone or something beyond the scope of a disciplinary discourse. For instance, the phrase 'Big Brother' itself is considered as a reference to the name of the leader known to everyone who lives in Oceania. It is a reference since the readers will never know the real name of the dictator, the appearance of whom is so well described in the book. Two other examples of exophoric references are likewise connected with the nickname of the ruler being addressed to as "My Saviour!" and "B-B!" [ibid., p. 21]. The function of the exophoric reference contributing to the grammatical cohesion is in its ability to assist "the speaker in producing meaning and... listener in determining meaning" [23, p. 193]. Additionally, to make the political speech sound more reliable and truthful, George Orwell implemented substitution. This device is applied in seemingly contradictory moments in order not to provoke any wrong thoughts. This can also be

related with the use of euphemisms in public performances or speeches when uncomfortable moments are veiled so as not to offend someone's feelings. When discussing how *Newspeak* is used in the socio-political sphere, it is hard to ignore the damaging characteristics of this language, with clichés and different kinds of substitution. For example, the word 'killed' was successfully transformed as in this abstract: "You were abolished, annihilated: VAPORIZED was the usual word" [19, p. 24]. The way how different layers of society were called, that is, the Inner Party, the Party, and the Proles, is also the case of substitution. As was mentioned above, George Orwell wanted to create the language as precisely as possible, that is why extra words that were just for the effect of wordiness were eventually omitted. This assisted in the process of full immersion in the atmosphere of Oceania and the language with which the authorities promoted ideology to the masses. That is why the technique called ellipsis was widely used throughout the text to show a dry and straightforward approach provided to the middle or lower class citizens by those in power. Speaking about the connection between clauses and sentences overall, it needs to be mentioned that Oldspeak and *Newspeak* are quite unequal in their use of conjunctions. Oldspeak, which is used by the majority of the population and the media, has distinct grammatical structures contributing to the perceiving information in a pleasant and easy way. That is, news is transmitted in a cohesive way, given that various types of conjunctions are involved. On the other hand *Newspeak* employs quite an incomprehensive, as it may seem sentence structure, often missing some words helping in the creation of logical messages. This phrase may serve as an example: "times 3.12.83 reporting bb dayorder doubleplusungood refs unpersons rewrite fullwise upsub antefiling" [ibid., p. 49]. The fact that *Newspeak* was not applied in political speeches or news distribution outlines both the Party's unwillingness to switch to another language in the process of transmitting important information and desire to manipulate people's minds by producing knowledge through the familiar linguistic environment and smoothly preparing the population for the transition to a new language. Therefore, considering the grammatical cohesion point, everything was done

in order to convince citizens of the “right” position and to avoid the possibility of a thought crime. Special silencing of some moments, frequent abstract references outside conversations allowed such a statement of thoughts which would seem straightforward. However, it would be difficult to blame power structures for silencing because simple and direct sentences were used, essentially without unnecessary words or combinations. Overall, it can be mentioned that “political discourse consists, largely of euphemism, question-begging and sheer cloudy vagueness” [Crowley, 24].

2.3.3 Lexical cohesion

Lexical cohesion is another element for examination during the Critical Discourse Analysis to monitor how vocabulary may participate in enhancing the impact in a political discourse. *Nineteen Eighty-Four* is a great example when considering the use of lexical units for persuading people.

Repetition is one of the most frequently used techniques throughout the whole novel. The repetition of such phrases as “THE BIG BROTHER IS WATCHING YOU” or slogans embedded in people’s minds “WAR IS PEACE...” conveys the atmosphere of dictatorship citizens experienced in the text [Orwell, 3; 6]. One more example of applying the repetition device is when the main character tried to imitate the speech of the leader giving us the understanding of the manner in which announcements in Oceania are made. The abstract is the following: “What lessons do we learn from this fact, comrades? The lesson—which is also...” [ibid., 59]. Such moments are needed to attract the audience’s attention and to make them remember the information required by the Party. It would be fair to mention that the role of synonyms and antonyms in the novel is underestimated. The reason for this is that the higher structures are determined to remove unnecessary words from the vocabulary of residents in order to leave only the basis of the word and avoid crimes of thoughts in the end. Winston’s colleague Syme highlighted himself that “...there are hundreds of nouns that can be got rid of as well. It isn’t only the synonyms; there are also the antonyms.” [Orwell, 66].

Thus, such devices as synonyms and antonyms are disregarded by adherents of *Newspeak* to avoid verbosity and achieve straightness.

So, considering lexical cohesion, it should be said that the words are not that significant tool while promoting ideology in the novel since the main idea of a new language is to get rid of extra words that can produce a dual meaning.

2.3.3 Lexical cohesion

In Chapter 2, we have examined the peculiarities of the language of authorities suggested in the novel *Nineteen Eighty-Four* and the impact it produced on citizens in the text. The chapter was developed with the help of the Critical Discourse Analysis techniques. The key findings of the second chapter are mentioned below:

- The historical context that is extracted from George Orwell's personal life and experience greatly influenced what the author eventually illuminated in the novel.
- The historical events that are reflected in the content and books written around the same time contributed to the co-text of 1984, because it gives the characteristic of the environment linguistically constructed by the writer.
- *Newspeak* as a language of authorities is one of the core points for the analysis since it provides a clear picture of how exactly the manipulation and persuasion were materialized.
- Grammatical and lexical cohesion as tools for making an authorities' language more powerful were studied to show which techniques are utilized and which are components are simple omitted to create the feeling of plainness.

Conclusion

The research was devoted to the study of the language of authorities, its historical and cultural background in the context of discourse, language

peculiarities, and its representation in the literary work by George Orwell. The main purpose of the study was to reveal the influence of language in the political discourse. Moreover, it was significant to trace the ways it can be utilized in order to control and persuade society. In order to reach the goal of the study, the researcher had to solve the tasks given in the introduction. The results include gaining a better understanding of such phenomena as the language of authorities, and investigating the methods of how to examine written discourse in practice. Therefore, for the sociolinguistic analysis we used the Critical Discourse Analysis in combination with the structural method to disassemble the novel. The main idea of the paper was to demonstrate the influence of language and its change on society through CDA and Content analysis. The book 1984 clearly demonstrated how the government's desire to infiltrate a certain language or change the old way of speaking may transform the way people think. The principal hypothesis of the study was that literature may display the relation between language use by those in power and ordinary people's eventual perception of information or knowledge. The hypothesis proved convincing in the way that language's influence can be recognized through the critical discourse and structural analysis of the text.

The research confirmed that through the Critical Discourse Analysis and the analysis of the literary content, it is possible to find out power relations of authorities and society with the focus on language. Finally, we tried to elicit discussion about the development of the language of power and its functions in relation to political behavior.

Список литературы

1. Barry, Peter. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester University Press, 2002.
2. Керимова В. Типологическая характеристика дискурса // *Scientific News of AUL*, – 2018. – №. 2. – С. 102-106. ResearchGate, www.researchgate.net/publication/324830974_1typological_characteristics_of_discourse.
3. Foucault, Michel. "History, Discourse and Discontinuity." *Salmagundi*, translated by Anthony M. Nazzaro, no. 20, 1972, pp. 225–48. JSTOR, www.jstor.org/stable/40546718.

4. Chilton, Paul. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. 1st ed., Routledge, 2003.
5. Muradyan, Ayarpi A. "Political Discourse Through Literary Quotations." *Language and Text*, vol. 7, no. 4, 2020, pp. 99–106, <https://doi.org/10.17759/langt.2020070408>.
6. "Ideology." Cambridge Online Dictionary, 2022, dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ideology. Accessed 2 May 2022.
7. McKeon, Richard. "Power and the Language of Power." *Ethics*, vol. 68, no. 2, 1958, pp. 98–115. JSTOR, www.jstor.org/stable/2379200.
8. Hong, Liu. "Elements of Political Discourse in Literary Texts: Problem Statement." *Political Linguistics*, no. 3, 2017, pp. 31–41. eLibrary, www.elibrary.ru/item.asp?id=29861708.
9. Holmes, Janet. *An Introduction to Sociolinguistics*, 4th Edition (Learning About Language). 4th ed., Routledge, 2013.
10. Андриюхина Т. Язык власти и власть языка: политический дискурс // Право и управление. XXI век. – 2013. – №. 3. – С. 62-69.
11. Cutting, Joan. *Pragmatics and Discourse: A Resource Book for Students*. 1st ed., Routledge, 2002.
12. "Why I Write." Orwell.Ru, www.orwell.ru/library/essays/wiw/english/e_wiw. Accessed 23 June 2022.
13. Meyers, Valerie. "George Orwell." *Orwell's Life and Work: The Political Context*, Palgrave HE UK, 1991, pp. 1–21.
14. "George Orwell (1903 - 1950)." BBC, www.bbc.co.uk/history/historic_figures/orwell_george.shtml. Accessed 22 June 2022.
15. "George Orwell." New World Encyclopedia, www.newworldencyclopedia.org/entry/George_OrwellPolitical_views. Accessed 22 June 2022.
16. Enteen, George M. "George Orwell and the Theory of Totalitarianism: A 1984 Retrospective." *The Journal of General Education*, vol. 36, no. 3, 1984, pp. 206–15. JSTOR, www.jstor.org/stable/27797000.
17. Baccolini, Raffaella. "The Persistence of Hope in Dystopian Science Fiction." *PMLA/Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 119, no. 3, 2004, pp. 518–21. Crossref, <https://doi.org/10.1632/003081204x20587>.
18. Freedman, Carl. "Antinomies of Nineteen Eighty-Four." *Modern Fiction Studies*, vol. 30, no. 4, 1984, pp. 601–20. JSTOR, www.jstor.org/stable/26282794.
19. Orwell, George. 1984. Secker and Warburg, 1949.
20. Яковлева, Е. Ю. (2016). Особенности перевода авторских окказионализмов в романе Джорджа Оруэлла «1984» на русский и испанский язык. // Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), 2016. Научный корре-

спондент, nauchkor.ru/pubs/osobennosti-perevoda-avtorskih-okkazionalizmov-v-romane-dzhordzha-oruella-1984-na-russkiy-i-ispanskiy-yazyk-587d365a5f1be77c40d58d72.

21. Feder, Lillian. "Selfhood, Language, and Reality: George Orwell's "Nineteen Eighty-Four." *The Georgia Review*, vol. 37, no. 2, 1983, pp. 392–409. JSTOR, www.jstor.org/stable/41398529.

22. "Politics and the English Language." *Orwell.Ru*, www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit. Accessed 23 June 2022.

23. Rings, Lana. "Exophoric Reference in Beginning Textbooks." *Die Unterrichtspraxis / Teaching German*, vol. 19, no. 2, 1986, pp. 193–99. JSTOR, www.jstor.org/stable/3530702.

24. Crowley, Tony. "Orwell and Williams: Language and Socialism." *A Journal of Cultural Materialism*, no. 14, 2016, pp. 23–37. JSTOR, www.jstor.org/stable/26920408.

References

1. Barry, Peter. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester University Press, 2002.

2. Karimova, Valida. "Typological Characteristics of Discourse." *Scientific News of AUL*, no. 2, 2018, pp. 102–06. ResearchGate, www.researchgate.net/publication/324830974_1typological_characteristics_of_discourse.

3. Foucault, Michel. "History, Discourse and Discontinuity." *Salmagundi*, translated by Anthony M. Nazzaro, no. 20, 1972, pp. 225–48. JSTOR, www.jstor.org/stable/40546718.

4. Chilton, Paul. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. 1st ed., Routledge, 2003.

5. Muradyan, Ayarpi A. "Political Discourse Through Literary Quotations." *Language and Text*, vol. 7, no. 4, 2020, pp. 99–106, <https://doi.org/10.17759/langt.20200708>.

6. "Ideology." *Cambridge Online Dictionary*, 2022, dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ideology. Accessed 2 May 2022.

7. McKeon, Richard. "Power and the Language of Power." *Ethics*, vol. 68, no. 2, 1958, pp. 98–115. JSTOR, www.jstor.org/stable/2379200.

8. Hong, Liu. "Elements of Political Discourse in Literary Texts: Problem Statement." *Political Linguistics*, no. 3, 2017, pp. 31–41. eLibrary, www.elibrary.ru/item.asp?id=29861708.

9. Holmes, Janet. *An Introduction to Sociolinguistics*, 4th Edition (Learning About Language). 4th ed., Routledge, 2013.

10. Andriukhina, Tatiana. "The Language of Power and the Power of Language: Political Discourse." *Journal of Law and Administration. XXI Century*, no. 3, 2013, pp. 62–69.

11. Cutting, Joan. *Pragmatics and Discourse: A Resource Book for Students*. 1st ed., Routledge, 2002.

12. "Why I Write." Orwell.Ru, www.orwell.ru/library/essays/wiw/english/e_wiw. Accessed 23 June 2022.

13. Meyers, Valerie. "George Orwell." *Orwell's Life and Work: The Political Context*, Palgrave HE UK, 1991, pp. 1–21.

14. "George Orwell (1903 - 1950)." BBC, www.bbc.co.uk/history/historic_figures/orwell_george.shtml. Accessed 22 June 2022.

15. "George Orwell." *New World Encyclopedia*, www.newworldencyclopedia.org/entry/George_OrwellPolitical_views. Accessed 22 June 2022.

16. Enteen, George M. "George Orwell and the Theory of Totalitarianism: A 1984 Retrospective." *The Journal of General Education*, vol. 36, no. 3, 1984, pp. 206–15. JSTOR, www.jstor.org/stable/27797000.

17. Baccolini, Raffaella. "The Persistence of Hope in Dystopian Science Fiction." *PMLA/Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 119, no. 3, 2004, pp. 518–21. Crossref, <https://doi.org/10.1632/003081204x20587>.

18. Freedman, Carl. "Antinomies of Nineteen Eighty-Four." *Modern Fiction Studies*, vol. 30, no. 4, 1984, pp. 601–20. JSTOR, www.jstor.org/stable/26282794.

19. Orwell, George. 1984. Secker and Warburg, 1949.

20. Yakovleva, Ekaterina Yurievna. "Features of Translation of Author's Occasional Expressions in George Orwell's Novel '1984' Into Russian and Spanish." *St. Petersburg State University, 2016. Scientific Correspondent*, nauchkor.ru/pubs/osobennosti-perevoda-avtorskih-okkazionalizmov-v-romane-dzhordzha-oruella-1984-na-russkiy-i-ispanskiy-yazyk-587d365a5f1be77c40d58d72.

21. Feder, Lillian. "Selfhood, Language, and Reality: George Orwell's Nineteen Eighty-Four." *The Georgia Review*, vol. 37, no. 2, 1983, pp. 392–409. JSTOR, www.jstor.org/stable/41398529.

22. "Politics and the English Language." Orwell.Ru, www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit. Accessed 23 June 2022.

23. Rings, Lana. "Exophoric Reference in Beginning Textbooks." *Die Unterrichtspraxis/ Teaching German*, vol. 19, no. 2, 1986, pp. 193–99. JSTOR, www.jstor.org/stable/35372.

24. Crowley, Tony. "Orwell and Williams: Language and Socialism." *A Journal of Cultural Materialism*, no. 14, 2016, pp. 23–37. JSTOR, www.jstor.org/stable/26920408.

УДК/UDC 378.1

Возможности мобильных приложений при изучении иностранного языка

Мандрикина Лина Альбертовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный Аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: l.mandrikina@mail.ru

Аннотация

В XXI веке информационное пространство позволяет человеку все больше и больше расширять свои возможности в получении новых знаний в режиме реального времени. В период глобализации наука, техника, культурное наследие-все это выходит на первый план. Учёные работают по всему миру, осваивая новые технологии и рассказывая о них миру. Для того, чтобы студент мог воспользоваться знаниями зарубежных ученых, принять культурное наследие других стран и с уважением ему необходимо знать иностранные языки. Процесс глобализации затрагивает все сферы жизни человека. Современное поколение полностью погружено в информационное поле и пользуется его возможностями для обучения и расширения своего кругозора. Статья посвящена актуальной проблеме возможностей использования информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранному языку. Автор раскрывает концепцию мобильного обучения и рассматривает его преимущества в обучении иностранным языкам. В статье представлен краткий обзор мобильных приложений для преподавания английского языка и опыт их использования в самостоятельной работе студентов.

Ключевые слова: система образования, мобильные приложения, интерес к изучению, иностранные языки, английский язык, характеристика приложений.

Features of mobile applications when learning a foreign language

Mandrikina Lina Albertovna

student of the faculty of law

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: l.mandrikina@mail.ru

Abstract

In the XXI century, the information space allows a person to expand more and more his opportunities to acquire new knowledge in real time. In the period of globalization, science, technology, cultural heritage-all this comes to the fore. Scientists work all over the world, mastering new technologies and telling the world about them. In order for a student to take advantage of the knowledge of foreign scientists, to accept the cultural heritage of other countries and respectfully he needs to know foreign languages. The process of globalization affects all spheres of human life. The modern generation is completely immersed in the information field and uses its opportunities for learning and expanding their horizons. The article is devoted to the actual problem of the possibilities of using information and communication technologies in the process of teaching a foreign language. The author reveals the concept of mobile learning and considers its advantages in teaching foreign languages. The article provides a brief overview of mobile applications for teaching English and the experience of their use in students' independent work.

Key words: education system, mobile apps, interest in learning, foreign languages, English, app characteristic.

В образовательный процесс любого учебного заведения сегодня внедряются новые формы обучения, так или иначе связанные с информационными технологиями, которые открывают для преподавателя новые методические возможности подготовки и проведения занятий по дисциплине «Английский язык», повышают эффективность и качество обучения, развивают внимание, творческую активность, повышают интерес к предмету и дисциплинированность студентов. В связи с этим значительно возрастает роль иностранного языка в подготовке специалистов в образовательных учреждениях высшего образования, в которых курс иностранного языка носит коммуникативно-прагматический и профессионально-ориентированный характер [1]. Вполне очевиден тот факт, что каждое учебное учреждение стремится не просто модернизировать содержания учебных курсов, но и внедрять инновационные подхо-

ды и технологий при формировании иноязычной коммуникативной базы выпускников. Именно преподавание английского языка, в отличие от других дисциплин, всегда неразрывно связывалось с использованием технических средств обучения, которые составляют основу реализации принципа наглядности, позволяют организовать групповую и самостоятельную работу на занятии и вне аудитории, способствуют дифференцированию процесса обучения, решают проблему дефицита времени и повышают производительность занятия. Ускорить процесс обучения, повысить интерес к предмету, улучшить качество усвоения материала, сделать обучение индивидуально направленным позволяют современные средства обучения. Так, широкое применение получили средства воспроизведения иноязычной речи, обучающие программы, тренажеры, электронные словари, лингафонные кабинеты и пр.

Согласно убеждениям Полат Е.С., новые образовательные технологии и педагогические приемы, используемые в настоящее время или только находятся на этапе апробации, неразрывно связаны с применением современных информационных технологий. Одним из направлений информатизации образовательного процесса связано с применением мобильных технологий, которые могут быть использованы для обучения различным предметам.

Говоря об изучении любого иностранного языка в аспекте использования различных гаджетов, следует отметить, что это легкодоступный, интересный и сравнительно новый способ, который приобретает популярность среди многих пользователей планшетных компьютеров и смартфонов. Изучение иностранного языка с помощью мобильных устройств, позволяет сделать процесс изучения непрерывным, что является отличной возможностью повышения мотивации, качества и интенсивности обучения.

Статистические данные говорят о том, что сегодня в мире насчитывается почти в три раза больше мобильных устройств, чем компьютеров. Мобильное устройство-один из наиболее удобных способов получения информации из разных сфер, в том числе и образовательной.

Мобильное обучение (Mobile Learning (ML) вызывает интерес у многих преподавателей в отечественных и зарубежных образовательных учреждениях. Такое обучение иностранному языку носит название «Изучение иностранных языков с применением мобильных технологий» (Mobile Assisted Language Learning (MALL).

Сегодня на научных конференциях и различных форумах широко обсуждается практика использования мобильных приложений и гаджетов. Международная конференция «MLearnCon», посвященная проблемам интеграции мобильных технологий в обучение, созданию и использованию мобильного обучающего контента, впервые была проведена в 2002 году. В рамках работы Конференции были рассмотрены результаты исследований в области мобильного обучения, а также достижения в этой области [2]. На сегодняшний день также проводится множество международных конференций, на которых изучаются и разбираются новые тенденции в использовании нестандартных подходов и инновационных технологий изучения иностранных языков. В большей степени данные мероприятия приобрели форму online формата, что является одним из примеров интеграции мобильных технологий. Это позволило привлечь большее количество участников конференции, которые высказывают свое мнение и слушают мнение других, а также общаются с носителями других языков, что позволяет улучшить разговорные навыки. В рамках таких площадок появляется возможность исследовать влияния мобильных средств обучения на улучшение доступа к образованию, независимо от социального и экономического статуса, возраста, пола, религии, этнической принадлежности и физических недостатков. Крупные зарубежные проекты уже сегодня разработали и успешно внедряют мобильные технологии в создание принципиально новой виртуальной среды обучения. В целом, большинство отечественных и зарубежных исследователей, в частности, С. В. Титова [3], В. А. Куклев [4], А. Т. Анисимова [5], Х. Джарвис [6], М. Файн [7] приходят к выводу, что уникальность мобильного обучения по сравнению с традиционными подходами высока, поскольку современные методы, такие как электронное или смешан-

ное обучения. Имея в своем телефоне или планшете доступ к учебным материалам всегда, учащийся без труда, в любое удобное время может начать или продолжить обучение.

Таким образом, фундаментальное различие между традиционными методами и современными подходами заключается в двух моментах:

- неформальный характер обучения, при котором увеличивается доля самостоятельной работы студентов, по сути, контролируемое или управляемое самообразование;
- непрерывный процесс усвоения знаний, стирающий границы между учебными занятиями и внеклассным временем, работой с преподавателем и без него.

В данной статье рассмотрим мобильные приложения онлайн магазинов Appstore и PlayMarket. Проанализированы некоторые из них, автор выделяет пять основных сфер влияния мобильных приложений на обучение студентов иностранному языку:

1. Лексические тренажеры. Для удовлетворительного восприятия текстов на английском языке у студентов в запасе должно быть, по крайней мере, 5000 лексических единиц. Учитывая количество часов, отводимое на изучение языка и факт нахождения вне языковой среды, у студентов нет возможности практиковать все изученные слова в рамках аудиторных занятий и это приводит к определенным трудностям в обучении. Решением данной проблемы может послужить использование мобильных приложений. Среди приложений, которые предназначены для развития лексических навыков и расширения словарного запаса можно выделить следующие:

- а) приложение «My Word Book». Оно разработано в виде интерактивной записной книжки для изучающих английский язык. Лексика представлена в виде наборов интерактивных флэш-карточек, распределенных по уровням сложности. Каждая карточка дает определение и приводит пример использования из словаря издательства Кембридж-

ского университета, переводом и полями для заметок. К каждой карточке прилагается аудио-образец и изображение. Помимо изучения слов приложение предлагает отработку лексических единиц в разделе «Практика» и содержит пять типов заданий, после выполнения которых, пользователь может переместить слово в список изучаемой лексики.

- б) приложения «Полиглот», «Duolingo», «Memorise». Эти приложения дают пользователю возможность создавать индивидуальные списки слов, озвученные слова, рассматривать их в контексты использования в предложениях, индивидуальный график обучения, различные типы интерактивных обучающих тренажеров, а также содержит карточки для повторения пройденного материала и имеет балльная система оценивания.

— Следует отметить, что не все приложения обладают качественным языковым контентом, различными типами задач и не в полной мере используют технические возможности современных мобильных устройств.

2. Грамматические тренажеры. Грамматика является неотъемлемой частью языка. Изучать грамматические конструкции и практиковать их использование также можно с помощью мобильного устройства. Современные приложения в автоматическом режиме исправляют грамматические ошибки пользователей и предлагают огромный выбор различных по форме и уровню грамматических задания. Среди мобильных приложений, предназначенных для работы над развитием грамматических навыков, выделим следующие:

- а) приложение «Learn English Grammar». В нем представлены грамматические упражнения различных уровней сложности. В учебных заданиях используются 10 типов упраж-

нений, таких как множественный выбор, заполнение пробелов и сопоставление вопросов с ответами.

- б) приложение «Johnny Grammar's Word Challenge» - разработано в форме викторины по английскому языку, которая помогает проверить не только общий уровень владения грамматикой, но и орфографию, словарный запас, используемый в повседневном английском языке. Тесты разделены на категории (лексика, грамматика, правописание) в рамках различных уровней трудности.
- в) приложение «My Grammar Lab Course» от Pearson содержит интерактивные игровые упражнения пяти уровней. Приложение позволяет пользователю выбирать вопросы и темы, а также создавать свои собственные подборки упражнений и тестов. Этот курс подходит как для самостоятельного изучения, так и для использования в рамках аудиторных занятий по дисциплине «Английский язык».
- г) приложение «English Test» - это еще одно удобное приложение для проверки знаний английской грамматики. Приложение содержит 60 тестов, каждый из которых посвящен отдельному разделу в грамматике. После завершения теста приложение предоставляет список правильных и неправильных ответов, а также простые и понятные комментарии о допущенных ошибках.

3. Приложения для развития навыков чтения. Новые технологии также затронули и процесс обучения чтению, для того, чтобы сделать его более интерактивным и доступным для изучающих иностранный язык. Наиболее интересными примерами таких приложений являются:

- а) приложение «Top Reader». Пользователь имеет возможность загрузить книги в нескольких форматах, посмотреть перевод слова, а также послушать произношение, выде-

лить словосочетание и увидеть наиболее распространенное его значение.

- б) приложение «Readore». Здесь представлены книги разных жанров, отсортированных по уровню сложности. Есть встроенный словарь и при нажатии на слово открывается перевод и примеры предложений из соцсетей. Есть возможность отрегулировать яркость, изменить цвет фона и шрифт.
- в) приложение «KyBook Ebook Reader». В облачном хранилище данного приложения хранятся все известные форматы электронных книг. Есть возможность переводить отдельные слова, фразы или предложения. Кроме перевода также при нажатии предлагается сделать заметки, послушать произношение, посмотреть другие определения и пометить слово.
- г) приложение «Smart Book» содержит много интересных книг как бесплатных, так и платных. Есть возможность скачать, а также загрузить книгу в разных форматах. При нажатии на незнакомое слово появляется его перевод с транскрипцией, произношение и определение. Приложение имеет функцию статистики, которая показывает время чтения.

4. Приложения на развитие навыков аудирования. Аудирование – это тот вид речевой деятельности, который нельзя сделать целиком и полностью автоматизированным. Навыки аудирования можно сформировать лишь на уровне узнавания фонем, слов и грамматических конструкций. Формирование умений аудирования должно реализовываться на материале типов текстов, с которыми студенты столкнутся в реальной жизни при посещении или обучении в стране изучаемого языка.

Мобильные приложения можно довольно эффективно использовать для развития навыков аудирования, благодаря тому, что современ-

ные мобильные устройства обладают богатыми техническими возможностями для просмотра прослушивания аудиофайлов, просмотра видео, записи фрагментов речи и видеоклипов. Разработчики представляют приложения для тех, кто хочет улучшить их навыки произношения, распознавание звуков на слух и соотнесение звука и визуального образа слова.

К наиболее успешным продуктам относятся:

- 1) приложение «Sounds Right» (Британский совет) и приложение «Macmillan Education» (Звуки и произношение). Эти приложения включают интерактивные фонетические таблицы для британской и американской версии английского языка, интерактивные упражнения, игровые задания, тесты на отработку. С точки зрения развития навыков восприятия и понимания речи на слух чрезвычайно ценны приложения, с помощью которых учащиеся могут получить доступ к аудио-, видео- и текстовым материалам.
- 2) приложения «BBC Learning English», «Simpler». Эти приложения также могут быть использованы для развития других иноязычных компетенций, поскольку они включают специализированные разделы, посвященные изучению грамматики, лексики, развитию навыков общения и разговорной речи.
- 3) приложения «Apple Podcasts», «Google Podcasts», «Castbox» и «Puzzle English», построенные на обучении восприятию речи на слух, также представляют значительный интерес для преподавателей и студентов изучающих английский язык. В них содержится огромное количество ресурсов и задач для работы над этими очень популярными и часто недостаточно развитым навыками среди студентов.
- 4) приложение «You Tube». Просмотр фильмов на английском языке - эффективный способ улучшить произношение, пополнить словарный запас и начать воспринимать звучащую иноязычную речь. Речь идет также и об эстетическом удовольствии.

ствии, которое можно получить от настоящей, живой речи актеров.

В целом, все эти приложения обладают высоким мотивационным потенциалом благодаря широкому разнообразию тем и форм, поэтому их можно использовать для самостоятельной работы студентов.

Приложения, направленные на развитие коммуникативных навыков. По завершению курса изучения английского языка, выпускник должен владеть коммуникативной компетенцией, уметь применять в реальных условиях полученные знания. Современные студенты легко могут погрузить в реальную среду общения на иностранном языке через мобильное приложение. Мобильные устройства открывают доступ к огромному количеству социальных сетей, которые позволяют найти собеседника в любой точке мира.

Стоит отметить, что самые востребованные мобильные приложения для изучения иностранного языка – это приложения смешанного типа, и редко направленные только на формирование одного навыка.

По результатам исследований ЮНЕСКО были выделены следующие преимущества использования мобильных приложений:

- расширение возможностей и обеспечение равного доступа к образованию,
- индивидуальный подход к обучению,
- реализация обратной связи и оценка результатов обучения,
- мобильность образования,
- эффективное использование времени на занятии,
- формирование новых групп общения,
- поддержка ситуационного обучения,
- помощь учащимся с ограниченными возможностями,
- высокое качество коммуникации и управления.

Следует отметить, что уже сегодня разработано достаточно большое количество мобильных программ для изучения иностранного языка, направленных на формирование различных компетенций. Довольно широкий ассортимент современных ресурсов позволяет выбирать при-

ложения в соответствии с индивидуальными запросами, интересами и уровнем владения языком.

Практика показывает, что применение мобильных приложений в обучении позволяет повысить учебную мотивацию и эффективность процесса овладения иностранным языком. Все это значительно улучшает уровень подготовки студентов. Используя новые подходы и технологий для изучения языка, каждый студент способен превратить процесс его изучения из серьезного, отнимающего много время, процесса в увлекательное занятие.

Таким образом, применение современных средств обучения в контексте мобильного образования позволяет индивидуализировать обучение, способствует интенсификации образовательного процесса, а также позволяет обеспечить эффективную аудиторную и самостоятельную работу студентов, повышает мотивацию и ускоряет процесс обучения языку.

Список литературы

1. Анисимова, А. Т. Компетенции владения иностранным языком в современном образовательном контексте / А. Т. Анисимова // Социально-экономический ежегодник-2012 : Сборник научных статей. – Краснодар : Южный институт менеджмента, 2012. – С. 177-182. – EDN RNWNSL
2. Зу Б. Изучение мобильных приложений для преподавания и заучивания английского языка / В. Зоц, Дж. Ли // Материалы конференции EUROCALL 2015. - Падуя, Италия, 2015. - стр. 564-568.
3. Титова С. В. Мобильное обучение сегодня: стратегии и перспективы / С. В. Титова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2012. - № 1. - с. 9-23.
4. Куклев В. А. Формирование системы мобильного обучения в открытом дистанционном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. ... Доктор педагогических наук / В. А. Куклев. - Ульяновск, 2010. - 48 с.
5. Анисимова, А. Т. Образовательный потенциал когнитивно-коммуникативного подхода в лингводидактике / А. Т. Анисимова, Н. В. Стетюха // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 433.

6. Джарвис Х. От компьютерного обучения языку (CALL) к мобильному вспомогательному использованию языка (MALU) / Х. Джарвис, М. Ахиллеос // Электронный журнал по английскому как второму языку. - 2013. - Том 16, № 4. - с. 1-12.

7. Файн М. Мобильное обучение в образовательном процессе: зарубежный опыт. Современный Научные исследования и инновации, - 2015- № 1.

References

1. Anisimova, A. T. Competence of foreign language proficiency in the modern educational context / A. T. Anisimova // Socio-economic yearbook-2012 : Collection of scientific articles. – Krasnodar : Southern Institute of Management, 2012. – pp. 177-182. – EDN RNWNSL

2. Zu B. Studying mobile applications for teaching and learning English / B. Zou, J. Lee // Proceedings of the EUROCALL 2015 conference. - Padua, Italy, 2015. - pp. 564-568.

3. Titova S. V. Mobile learning today: strategies and prospects / S. V. Titova // Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. - 2012. - No. 1. - pp. 9-23.

4. Kuklev V. A. Formation of a system of mobile learning in open distance education: abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences. ... Doctor of Pedagogical Sciences / V. A. Kuklev. - Ulyanovsk, 2010. - 48 p.

5. Anisimova, A. T. Educational potential of cognitive-communicative approach in linguodidactics / A. T. Anisimova, N. V. Stetyukha // Modern problems of science and education. – 2016. – No. 6. – p. 433.

6. Jarvis H. From computer language learning (CALL) to mobile auxiliary language use (MALU) / H. Jarvis, M. Achilleos // Electronic Journal of English as a second language. - 2013. - Volume 16, No. 4. - pp. 1-12.

7. Fine M. Mobile learning in the educational process: foreign experience. Modern Scientific Research and Innovation, - 2015- No. 1.

УДК/UDC 8144

Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении

Михайлова София Эдуардовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный Аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: conj2611mixai@gmail.com

Аннотация

Проведение судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении является предметом исследования теории и практики экспертной деятельности. Для проведения эффективного специального исследования необходимо понимать, что именно означает понятие «оскорбление», а также «неприличная форма». Установление объективных критериев исследования позволит избежать субъективности при исследовании, обеспечит единственный и категорический вывод, что в свою очередь, позволит принять решение по делу. Экспертная деятельность предусматривает решение задач, связанных с определением методологии исследования, которое должно быть основана на общенаучных методах и принципах. Судебно-лингвистическая экспертиза представляет собой форму использования специального познания, предусматривает использование современных возможностей языкознания, позволяет оценить конфликтный текст. Честь и достоинство личности неразрывно связаны с его именем, утрата доброго имени или искажение социального портрета может привести к утрате социальных связей, статуса в правоотношениях. В данной связи честь и достоинство представляют собой важнейшие социально-правовые ценности, которые охраняются государством.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, значение, методология, честь и достоинство личности.

Linguistic expertise in cases of insult

Mikhailova Sofia Eduardovna

student of the faculty of law

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: conj2611mixai@gmail.com

Abstract

Conducting a forensic linguistic examination in cases of insult is the subject of research on the theory and practice of expert activity. To conduct an effective special study, it is necessary to understand exactly what the concept of "insult" means, as well as "indecent form". The establishment of objective research criteria will avoid subjectivity in the study, will provide a single and categorical conclusion, which in turn will make it possible to make a decision on the case. Expert activity provides for the solution of tasks related to the definition of research methodology, which should be based on general scientific methods and principles. Forensic linguistic expertise is a form of using special cognition, provides for the use of modern linguistics capabilities, allows you to evaluate a conflicting text. The honor and dignity of a person are inextricably linked with his name, loss of a good name or distortion of a social portrait can.

Key words: linguistic expertise, insult, meaning, methodology, honor and dignity of the individual.

Методологическая состоятельность судебно-лингвистической экспертизы подтверждается наглядностью доводов, их аргументированностью, надежностью научного обоснования прогнозируемых результатов. Методологическая надежность судебно-лингвистической экспертизы по делам об оскорблениях также подтверждается этапами исследования. В рамках исследования проводится анализ поставленных вопросов, устанавливается уровень образования эксперта, соблюдение процессуальных требований к проведению экспертизы. Положения ст. 5.61 Кодекса об административном правонарушении предусматривают в качестве объекта посягательства честь и достоинство. Преступное посягательство на данные объекты связана с унижением, которое выражается в неприличной форме. [1]

Однако относительно понятия «неприличная форма» имеются различные мнения. В частности речь идет о субъективности и размыто-

сти данных понятий, об отсутствии юридического определения понятия «оскорбление». На данный момент такие понятия как «неприличная форма», «унижение чести и достоинства» остаются субъективными. Сложности связаны с использованием законодателем оценочных суждений. В частности, свойства, признаки и детали правовых явлений отражены в оценочных понятиях, которые не предусматривают подробного законодательного разъяснения. [1]

В результате оценка таких понятий основана на практике, положениях нравственности, обычаях. Однако зачастую содержание тех или иных понятий нельзя определить однозначно, их значение может зависеть от конкретной обстановки. Зачастую такие понятия исследователи обозначают как неопределяемые. Законодатель может закрепить в виде правовой нормы стандарт оценочного понятия, установить существенные признаки. В таком случае понятие перестает быть оценочным. Специфика оценочных понятий заключается в том, что у них нет легального определения. Для юридической оценки таких понятий нужна юридическая строгость, которая предусматривает максимальную однозначность ответа. Зачастую для того, чтобы установить, является ли то или иное деяние унижающим честь и достоинство, необходимо обратиться к специальным познаниям, а именно провести судебно-лингвистическую экспертизу. [2]

В прежней редакции УК РФ оскорбление было включено в состав статей Особенной части, рассматривалось законодателем как преступление. На квалификацию преступлений с формальным составом не имеет значения психическое отношение виновного к совершенному деянию, не важно, хотел ли виновный нанести оскорбление или сделал это без намерения оскорбить. При проведении экспертизы и исследовании намерения, сложно установить критерии искренности. В рамках проведения судебно-лингвистической экспертизы, при установлении наличия словесного оскорбления, важно понимать степень оскорбительности, общий эмоциональный фон, определить степень смятения и неприязни.

В науке оскорбление рассматривается как резкое высказывание против кого-либо, обличение. Оскорбление выражается различными язы-

ковыми средствами, которые угрожают ценностям другого человека. В качестве примера приведем лингвистическое исследование А.Т. Анисимовой студенческих отзывов о преподавателях, размещенных в открытом публичном медиапространстве. "Лучший преподаватель!!!!!! Которого с интересом слушают многие студенты"; "Супер преподаватель! Таких больше не бывает! Успехов, любви и самого огромного счастья!"; Анализируя языковое воплощение интересующего нас жанра, а именно обратившись к структуре оценочных текстов, логике смыслового развертывания, мы выделили следующие речевые формы в нашем массиве текстов.

Холистические оценочные высказывания, дающие итоговую аксиологическую характеристику личности преподавателя:

«Важнейший человек и огромной души»; «Хороший профессор и человек!» «Самая красивая!!! Самая умная и чудесная)))»; «Очень необязательный человек».

Данная форма оценки характерна только для русскоязычных отзывов, что, очевидно, свидетельствует о роли авторитета у студентов именно личностных качеств преподавателя.[3]

Квалификация использованных слов и выражений осложняется тем, что границы лексики размыты, поскольку в языковую сферу проникают жаргонные и просторечные выражения, оценочные языковые единицы разнятся исходя из контекста употребления. Ситуации общения могут быть разными, начиная с межличностной, заканчивая массовой коммуникацией. В русском языке не предусмотрено языковых единиц, которые позволяют расценить высказывание как приличное или неприличное. Далеко не всегда вербальная агрессия ведет к искажению социального портрета личности, однако речь опирается на систему социальных стереотипов, предусматривает воздействие на субъективные установки.[4]

Адресная негативная информация о лице приводит к формированию в сознании людей нового образа, которые имеет отличия от первоначального. В случае адресно направленной агрессии возникает угро-

за снижения социальной привлекательности личности, поэтому можно говорить, что лицо подверглось коммуникативному насилию. Лингвисты для обозначения оскорбления используют термин «коммуникативная перверсия», которая представляет собой речевое решение, связанное с выбором тактических ходов, которые ведут к нарушению социальных и культурных норм, наносят вред социальной привлекательности. Юридические свойства оскорбления связаны со способностью представить объем определенной информации, которая отражается в языковых формулах.[5]

При покушении на социальную значимость формируется желание восстановить ее путем норм социального контроля. Для установления признаков оскорбления в вопросно-ответной конструкции, может быть использовано условие, связанное с установлением оскорбительной лексики в современном русском языке. Перед экспертом могут быть поставлены вопросы, которые связаны, с отношением высказываний к оскорбительной лексике. В рамках судебно-лингвистической экспертизы устанавливаются факты, которые относятся к оскорбительной лексике. На данный момент в исследованиях можно встретить много классификаций оскорбительной лексики. В юридическом смысле при проведении экспертизы устанавливаются критерии возможности допустимости и адекватности смыслов проклятия, иронии, сарказма, шутки, насмешки, травли. При этом анализируются понятия, вовлеченные в определенный дискурс.[6]

Проведение судебно-лингвистической экспертизы предусматривает наличие организационных сложностей, которые могут быть связаны с установлением компетенции эксперта, обеспечением самостоятельности исследования, наличием специального терминологического аппарата экспертной деятельности. На данный момент не получила теоретического осмысления вопросно-ответная процедуры, которая создает субъективные предпосылки для принятия обоснованного юридического решения. Кроме того, отсутствуют специальные процессуальные нормы, а также

специальное образование, что не всегда позволяет эксперту выразить особое мнение.[7]

Экспертные оценки не всегда дают однозначный результат, поскольку имеются объективные причины, связанные с отсутствием правил проведения лингвистической экспертизы, отсутствием развитого теоретического аппарата. Лингвистическая экспертиза представляет собой экспертную интерпретацию спорного текста, научно подтвержденный вывод, который предусматривает вынесение того или иного решения. [8]

При проведении судебно-лингвистической экспертизы по делам об оскорблении необходимо установить смысловое значение спорного выражения, а также его эффект. Установление приличного и неприличного находятся на уровне представлений о языке. Многие исследователи говорят о необходимости включения специальных знаний в правовую сферу. Для установления истины по делу часто требуются специальные познания. При этом количество нормативно-правовых актов увеличивается, усложняются современные правовые институты, расширяются процессы информатизации. Содержание правовых норм меняется, они создаются человеком, который стремится организовать определенные рациональные правила, которые будут меняться с течением времени и социальных условий.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // "Собрание законодательства РФ 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Анисимова, А. Т. Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах / А. Т. Анисимова // Жанры речи. 2021. № 2(30). С. 109-117.
3. Анисимова, А. Т. Лингвистические параметры студенческой оценки преподавания / А. Т. Анисимова // Язык. Общество. Культура : Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 01 октября 2020 года / Ответственный за выпуск Усенко Анатолий Сергеевич. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен 2020. С. 16-22.

4. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. С. 3.

5. Пищальникова В.А. Язык как регулятивный механизм деятельности // Языковое бытие человека и этноса. М., 2019. Вып. 9. С. 154.

6. Стернин И.А. О понятии "неприличная форма высказывания" в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. 2018. № 1. С. 16 - 21.

7. Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: Монография. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2019. С. 41.

8. Южанинова А.Л. Вопросы методологического обеспечения судебно-психологического экспертного исследования // Известия Саратовского университета. 2018. Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 109.

References

1. "Collection of Legislation of the Russian Federation 07.01.2002, N 1 (part 1), art. 1.

2. Anisimova, A. T. Student review of a teacher as an evaluative speech genre in Russian and American educational discourses / A. T. Anisimova // Genres of speech. 2021. No. 2(30). pp. 109-117.

3. Anisimova, A. T. Linguistic parameters of student assessment of teaching / A. T. Anisimova // Language. Society. Culture : Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, October 01, 2020 / Responsible for the release of Usenko Anatoly Sergeevich. Krasnodar: Limited Liability Company "Epomen 2020. pp. 16-22.

4. Ganzha Yu.V. Crimes against the honor and dignity of the individual: criminal law and criminological characteristics: Dis. ... cand. jurid. sciences'. Rostov n/A, 2017. p. 3.

5. Pishchalnikova V.A. Language as a regulatory mechanism of activity // Linguistic being of a person and an ethnos. M., 2019. Issue 9. p. 154.

6. Sternin I.A. On the concept of "indecent form of utterance" in linguistic expertise // Voronezh Lawyer. 2018. No. 1. pp. 16-21.

7. Cherkasova M.N. Speech forms of aggression in media texts: Monograph. Rostov n/A: Rostov State University of Railways, 2019. p. 41.

8. Yuzhaninova A.L. Issues of methodological support of forensic psychological expert research // News of Saratov University. 2018. Vol. 8. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. Vol. 2. p. 109.

УДК/UDC 808.5:811.161.1

Русский язык для иностранных студентов программы академического обмена: некоторые особенности организации и содержания практических занятий

Моисеева Вероника Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: nika-m14@mail.ru

SPIN- код: 3288-9282

Аннотация

В статье излагаются особенности организации практических занятий по русскому языку для иностранных студентов, приезжающих в Россию на учёбу по обмену. Отмечается специфика, связанная как с учебным процессом, так и с программой по русскому языку и содержанием занятий, которые проводятся для иностранных студентов в Санкт-Петербургском государственном университете. Особое значение в содержании занятий придаётся комплексному подходу, предполагающему одновременное обучение аспектам языка и видам речевой деятельности. Значительную роль при работе с данной категорией обучающихся играют страноведение и внеаудиторная работа. При организации занятий по русскому языку как иностранному также учитываются следующие факторы: основная специальность, которую осваивает студент, время обучения в России, цели изучения русского языка, перспективы и дальнейшие планы в отношении учёбы, научной или практической работы. Данные особенности организации занятий по русскому языку помогают сделать обучение данной категории иностранных студентов продуктивным и интересным.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Программа академического обмена, практическое занятие, содержание обучения, нефилологические специальности, оптимизация учебного материала.

Russian for International Students of the Academic Exchange Program: some features of their organization and practical classes content

Veronika Leonidovna Moiseeva

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department Russian Language for Humanities and Natural Sciences of Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

e-mail: nika-m14@mail.ru

SPIN code: 3288-9282

Abstract

The article describes the features of organizing practical classes of Russian language for foreign exchange students in Russia. The author outlines the specifics of the educational process, the Russian language program and the content of classes for foreign students at Saint Petersburg State University. Particular importance in the development of the content of classes is given to an integrated approach which involves simultaneous teaching of aspects of language and types of speech activity. Regional studies and extracurricular projects play a significant role in working with this category of students. The arrangement of classes of Russian as a foreign language also takes into account such factors as the student's major, the time they are going to study in Russia, their purposes of studying Russian, their further prospects and plans concerning their study, research or practical work. These features of the organization of Russian language classes help to make the course productive and interesting for this category of foreign students.

Key words: Russian as a foreign language, Academic Exchange Program, practical classes, teaching content, non-philological majors, educational materials optimization.

Foreign students in Russian universities study in core (bachelor's degree, specialist degree, master's degree, and postgraduate courses) and additional education programs. One of the forms of study that has remained popular with foreign students for many years is the Academic Exchange Program. Department of Russian Language for Humanities and Natural Sciences Departments of Saint Petersburg State University teaches practical

classes in Russian as a foreign language for students of non-philological majors studying in the core academic programs, including the Academic Exchange Program.

The organization of practical classes in Russian as a foreign language for exchange students has its own specifics: students come to study for a short period, which is usually one, or, less often, two terms. Special subjects include both compulsory and elective courses. Non-philology students do not have to learn Russian, but many of them choose to do so, their goals in learning being quite clear: to get to know Russia better, master the language of their specialisation, acquire skills of business communication in Russian, and communicate with Russian people.

Students come from different countries and have different general cultural experience and different level of Russian. Students are assigned to groups based on the results of written and oral assessment conducted in accordance with the Curricula of the Department of Russian Language for Humanities and Natural Sciences Departments [3]. The number of classroom hours is one hundred and twenty-six per term, and eight per week.

For students who have B1, B2 and C1 level in Russian, classes are held as follows: six hours a week of comprehensive practical classes in a group, and two hours a week of special seminars planned and taught by teachers of the department. Special seminars are lectures and practical classes combined; they are original courses, and students choose those that correspond to their goals and interests. This format of the program helps students not only to improve their command of Russian, but also to learn more in-depth information related to the regions, history and culture. The seminar topics suggested for students include, for example, *Russian Colloquial Speech*, *New Russian Vocabulary*, *Language of the City*, *Russian for Business Communication*, *A Short Course of Russian for Business: Conversational Aspect*, *Improving Pronunciation*, *Russian North*, *Saint Petersburg: History, Culture, Architecture*, *Analytical Reading*, *Russian Classics on the Screen*.

A special type of exchange students are foreigners who do not speak Russian and have never studied it before, those who start from scratch. At

some departments of our university, classes are held not only in Russian, but also in English, which helps such students to complete the chosen courses successfully. Many foreign students choose to take a course in Russian language. Russian at elementary level is usually taught for at least twenty hours a week (and thirty to thirty-six at preparatory departments), whereas our course is taught for eight hours a week, so the usual course of Russian for beginners has to be adjusted. Some topics, which are studied in several stages in traditional courses with more academic hours, with in-depth practice and mastering the material, in the situation described here are included and expanded only to the extent that they are relevant and important for foreign students in terms of the development of stable communication skills. For example, when students learn the meanings and forms of cases, they practice using them not only with singular and plural nouns, but also with adjectives, as well as personal and possessive pronouns; the category of the verb type and the system of verb forms is also introduced earlier in the course; it is advisable to present some grammar forms earlier than usual, including degrees of comparison of adjectives and adverbs, various types of complex sentences, in particular, with a subordinate determinative with the word *который* (which), and types of indirect speech.

Of course, at the end of the term, it is necessary to consolidate the material covered in the course, so the language material has to be optimized by adapting it in a flexible manner in accordance with the level of students, their goals and capabilities.

The Russian language program can be adapted in different ways. While speaking and listening skills remain a priority, it is also necessary to pay sufficient attention to other types of speech activity, in particular, to reading and writing, as well as to such language aspects as grammar, vocabulary, and phonetics. Therefore, in practical classes of Russian as a foreign language taught in short-term courses it is advisable to use textbooks that have comprehensive content and combine material of different levels, e.g. beginner level study pack "Once upon a time" which contains material of elementary

and basic levels [2], "Word," a vocabulary and conversational practice book for A2/B1 levels [1], as well as "Speak Russian" textbook [4].

At the end of the course (at the end of the term), students fill out anonymous questionnaires with both general and specific questions about their Russian language classes, including on the teaching of various types of speech activity, aspects of the language, the textbooks and educational materials used in the classroom, and whether some topics should be studied or not. The last item of the questionnaire asks the students about their wishes about the course; the answers here are very diverse, and, of course, this helps teachers to make their classes more interesting and effective.

Список литературы

1. Ермаченкова В.С. Слово. Пособие по лексике и разговорной практике. – СПб.: Златоуст, 2020. – 208 с.
2. Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих. Учебник. – СПб.: Златоуст, 2019. – 152 с.
3. Учебные программы кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Отв. ред. В.В. Химик. – СПб.: СПбГУ, 2008. 446 с.
4. Хавронова С.А. Говорите по-русски: учебное пособие для иностранцев. – М.: Русский язык. Курсы, 2019. – 208 с.

References

1. Ermachenkova, V. S. Word. Vocabulary and conversational practice book. - Saint Petersburg: Zlatoust, 2020. – 208 p.
2. Miller, L.V., Politova, L.V., Rybakova, I.Ya. Once upon a time... 28 lessons of Russian for beginners. Textbook. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. – 152 p.
3. Educational programs of the Department of the Russian Language for Humanities and Natural Sciences, 2nd edition, revised and enlarged edition. Edited by V.V. Khimik. - Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2008. – 446 p.
4. Khavronina, S.A. Speak Russian: a class book for foreigners. — Moscow: Russky Yazyk. Kursy, 2019. – 208 p.

УДК/UDC 81-23

Роль ономатопов в создании образа персонажа (на примере мериканского комикса Scott Pilgrim)

Моисеенко Александра Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки»

Санкт-Петербургский университет путей сообщения

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: sasha-kochergan@inbox.ru

Аннотация

Данная статья посвящена фоносемантическому анализу речи главного героя одноименного американского комикса Scott Pilgrim. Актуальность исследования обусловлена тем, что работа проводится на базе малоизученного пласта текстов – комиксов. Целью нашего исследования является изучение влияния английских ономатопов на восприятие образа главного героя и сюжета комикса. Объект работы – ономатопись в английском языке, предмет – влияние фонетических особенностей ономатопов английского языка на создание образа главного героя в представленной серии комиксов. В статье дается краткий обзор понятий фоносемантики и звукоподражательности, а также комикса как литературного жанра. Исследование рассматривает потенциал фоносемантического анализа для раскрытия образа персонажа и мотивировки его поступков. Для этой цели проведен статистический анализ использования ономатопов персонажами, в том числе и по гендерному признаку. Семантический анализ позволил разделить ономатописи на тематические группы (описание персонажа, повседневная жизнь, поведение в бою). Результаты исследования показали, что проведенный анализ достаточно полно выявляет характер и поступки главного героя и раскрывает его взаимоотношения с другими персонажами.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоподражания, ономатопись, анализ текста, комикс.

Role of onomatopoeia in creating the image of the character (based on american comics Scott Pilgrim)

Moiseenko Alexandra Michailovna

candidate of philology, Associate professor
St. Petersburg State Transport University
Saint Petersburg, Russia
e-mail: sasha-kochergan@inbox.ru

Abstract

The article focuses on phonosemantic analysis of onomatopoeic words in the speech of the main character in American comics Scott Pilgrim. The topicality of the research is that comics have not been well investigated from the linguistic point of view. The same is true of onomatopoeia which plays an important role in creating the image of characters in comics. The goal of our research is to study the way English onomatopes effect the perception of the main character's image and the plot of the comics. The object of our investigation is English onomatopoeic words, the subject – the influence of onomatopoeic words on creating the image of the main character in comics Scott Pilgrim. The research focuses on the potential of phonosemantic analysis for revealing the image of the main character and his motivation. The statistical analysis of onomatopoeic words was also conducted including the gender one. Semantic analysis helped to divide onomatopes into thematic groups (the description of the character, his daily routine, fighting). The results of the research showed that conducted analysis fully reveals the personality and actions of the main character in his daily routine and while fighting as well as opens his relationship with other characters.

Key words: phonosemantics, onomatopoeia, onomatopoeic words, text analysis, comics.

Данное исследование выполнено в русле фоносемантики, изучающей звуковую изобразительность как необходимую, существенную, повторяющуюся и относительно устойчивую произвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата [4, 18]. Денотат – это (от лат. *denotare* — отмечать, обозначать) предмет или явление окружающей нас действительности, с которым соотносится данная языковая единица» [6, 43]. То есть, фоносемантика утверждает наличие у звуковых единиц собственной семантики. Семантика – это «всё содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматиче-

ской формой слова, словосочетанием, предложением)» [12, 441]. Иными словами, звук так же несет в себе определенное сообщение, как и слово или текст.

Фоносемантика тесно взаимодействует с теорией звукоподражательности, которая была оформлена и представлена М. Мюллером в 1880 году. Согласно его теории, базовые корни слов появились в результате имитации звуков животных и предметов окружения, и подобные имитации легли в основу лексического состава языка [13, 358]. В XX веке швейцарский ученый Ш. Балли стремился доказать, что количество так называемых «мотивированных» слов, о которых говорил один из основоположников классической лингвистики Ф.д. Соссюр [8], намного больше, чем предполагают сторонники других теорий. Он ставил под сомнение абсолютную произвольность языковых знаков, и данную точку зрения в дальнейшем поддержали языковеды С. В. Воронин [3] и А. П. Журавлев [5].

Д. Э. Розенталь в «Словаре лингвистических терминов» определяет звукоподражательные слова как «слова, по своему звуковому оформлению являющиеся воспроизведением рефлекторных восклицаний людей, звуков и криков, издаваемых животными и птицами, звуков явлений природы, звуков, издаваемых предметами и т.д.» [7, 405]. Важно отметить, что термины «звукоподражание» и «ономатопея» в русском языке являются синонимами и обозначают одно и то же понятие и явление.

С.В. Воронин, освещая данный термин, вводит понятие звукосимволизма, хотя данное явление долгое время считалось стоящим за пределами науки: «звукоподражание – закономерная, непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом)» [3, 5]. Звукосимволические слова, или идеофоны, чаще всего обозначают световые явления, различные виды движения, свойства поверхности, физическое и эмоциональное состояние человека. Однако звукосимволическими словами являются не только звукоподражательные слова, мотивированность которых очевидна, но и те слова, в которых

мотивированность ослабла, из-за чего она не ощущается современными носителями языка, но может быть выявлена с помощью метода фоносемантического анализа.

В нашем исследовании мы рассмотрим оноματοпею применительно к современным американским комиксам и покажем ее роль для раскрытия образа персонажа и понимания идеи произведения.

Согласно большому энциклопедическому словарю, термин «комикс» происходит от английского слова “comic” («смешной») и представляет собой «серию рисунков с краткими текстами, образующих связное повествование, обычно приключенческого или юмористического характера» [2].

Первые комиксы появились в конце 19 века в США и изначально печатались в газетах, тогда как к 20 веку комикс стал одним из самых популярных жанров массовой культуры. Комиксы относятся к текстам с полной креолизацией, в которых вербальная и невербальная части неотделимы друг от друга, поскольку они характеризуются «спаянностью элементов», которые воспринимаются читателями как единое целое [1, 76].

Отличительной особенностью комиксов является значительный объем звукоподражательной лексики. Это может быть объяснено тем, что оноματοпы участвуют в создании экспозиции – они могут изобразить звуки местности, в которой оказывается главный герой, а так же второстепенные действия самого персонажа. Кроме того, оноματοпея существенно дополняет и в то же время упрощает сюжет: описание в художественном произведении занимает от одного предложения до страницы связного текста; в комиксах идентичную информацию можно передать с помощью одного или нескольких емких звукоподражаний. Наконец, звукоподражательная лексика передает пафос произведения, который является важной составляющей любого литературного жанра.

К оноματοпам мы относим звукоподражательные междометия, которые в сочетании с графическим оформлением несут в себе определенную смысловую нагрузку, собственно звукоподражательные слова,

в точности соответствующие определению «воспроизведение определенных звуков», такие как *click*, *bark*, и звукоизобразительные слова, значение которых частично предопределяется их звучанием, или слова, произошедшие от звукоподражаний, но со временем утратившие принадлежность к этому классу из-за отдаления значения и/или звучания.

Таким образом, на основе данных критериев нами отобрано 433 ономатопа из 6 серий комикса американского издательства *KaBOOM* под названием *Scott Pilgrim*.

По результатам статистического анализа, было определено, что больше всего звукоподражаний было употреблено для описания главного героя Скотта (39%). Далее идут описания главной героини Рамоны (16%) и главного «злодея» Гидеона (6%). Также можно отметить, что при описании женских персонажей ономатопы используются чаще, чем при описании мужских. На наш взгляд, это связано с большим количеством ономатопов, описывающих эмоции, мимику и жесты, у девушек (в среднем, 0,81 ономатопа на 1 мужского персонажа и 5,25 ономатопа на 1 женского). Поэтому можно сделать вывод, что женские персонажи в комиксах более выразительные и эмоциональные, нежели мужские.

Проанализированные ономатопы были нами разделены на следующие группы: 1) описательные категории (категории, описывающие внешность персонажа, его манеру поведения, эмоции и реакции: «выражение эмоций», «упасть, пролететь, споткнуться», «приемы пищи, напитков», «мимика и жесты», «переместиться», «взаимодействие с другими»); 2) бытовые категории (категории, описывающие повседневную жизнь и быт персонажа: «субъект воздействует на объект», «приготовление пищи», «другое»); 3) категории поведения в бою (категории, характеризующие персонажа во время боя и подготовки к нему: «подготовиться к удару», «промахнуться», «удар», «удар с помощью инструмента», «блок»).

Исходя из проведенного исследования, 19% от общего числа ономатопов иллюстрируют воздействие субъекта на предмет. Чаще всего подобные ономатопы изображают звук, издаваемый предметом в тот момент, когда на него взаимодействует субъект: стук в дверь, щелчок вы-

ключателя света и пр. Это соотношение может объясняться преимущественно бытовым сюжетом и, вследствие этого, частым взаимодействием с предметами повседневной жизни. Меньше всего в выбранных нами комиксах представлены онomatопы, обозначающие блокирование удара (2%) и подготовку к удару (2%), поскольку действия в битве чаще всего происходят спонтанно и динамично, и подготовка к удару невозможна. По той же причине онomatопы перемещения встречаются гораздо чаще, чем блок (в 5 раз чаще).

Первичный анализ с применением описательного метода показал, что звуки одной и той же категории у многих персонажей индивидуальны (например, онomatоп «врезаться в стену» у Скотта и Рамоны не совпадает (*wump* и *crunch* соответственно)); есть звуки, совпадающие у всех персонажей (*chop-chop-chop* – нарезать овощи, *brush-brush-brush* – чистить зубы); онomatопы, означающие одни и те же действия или звуки, могут не совпадать у одного и того же персонажа («влететь в мусорные баки» у Скотта в одном случае *wump*, в другом – *kboomp*); один и тот же онomatоп может изображать схожие звуки, но различные действия (*zzip* – расстегнуть кофту и застегнуть куртку); у разных персонажей встречаются различные вариации одного и того же онomatопы (*kiss* у Скотта, но *kissy* у Рамоны при схожем контексте).

В качестве материала для фоносемантического анализа мы взяли согласные фонемы, так как в английском языке они являются слоогообразующими и передают основные оттенки смысла, а также более различимы в речи в отличие от гласных, которые в безударном положении часто редуцируются до нейтрального безударного монофтонга [ə].

На основании проделанной работы с источниками было определено соотношение фонем, их сочетаний и значений, например: звук [b] в начале слова имеет значение начальный, первый, большой, пустой, взрывной, лопающийся (*bumbumbum* (громко стучать в дверь); *bok* (уронить голову на стол)); [b]-[b] в начале и середине слова – маленький, детский (*bob* (толкнуть в плечо)); [br] в начале слова – шумный, прочный, разрушающий (*brush-brush-brush* (чистить зубы)) и т.д.

Фономематический анализ показал разнородный состав ономато-пов, используемых для характеристики отдельных персонажей. Поскольку у главного героя и главной героини звукоподражательный пласт существенно больше, принято решение разделить ономато-пы на три основные группы (описание персонажа, повседневная жизнь, поведение в бою). У главного антагониста все ономато-пы отнесены к группе «поведение в бою», поскольку только в боевых сценах используются ономато-пы для описания данного персонажа и его поведения. Помимо этого, у некоторых персонажей (Стивен, Нил, Мэтью, Лукас, Отец Шо, Кен, Кайл, Негаскотт) не удалось выделить характерные черты, поскольку ни соотношение ономато-пов, используемое героями, ни их фонемный состав не показали каких-либо закономерностей.

Представим фоносемантический анализ ономато-пов и их влияния на раскрытие образа персонажа на примере главного героя комикса Скотта. В описании персонажа следующие преобладают фонемы/сочетания фонем: [s] – 16, [w] – 10, [t] – 7, [gl] – 6, [k] – 5:

[t] - У Скотта есть предрасположенность к резким, быстрым, слегка нервным движениям. Скотт постоянно крутит что-то в руках (например, стаканчик с кофе), сильно и хаотично жестикулирует, особенно, когда нервничает, как при поиске работы [17, 62].

[j]+[s] - Он не всегда может открыто выражать свои чувства и эмоции, ему свойственна скрытность и некоторая зажатость. Скотт убежал после неожиданного поцелуя с Найвз [14, 67].

[s] - Он мало делится своими переживаниями с окружающими, сомневаясь в важности своих чувств и собственной важности. Скотт постоянно спрашивает Рамону, все ли ее устраивает в отношениях с ним; он даже готов постричься ради нее, хотя стрижка напоминает ему о неприятном эпизоде в его жизни [17, 14].

[p]+[s] - Скотт обладает большим скрытым потенциалом, но комплексы и неуверенность в себе мешают ему раскрыться полноценно. Несмотря на все издевательства по стороны друзей и врагов, Скотт

успешно может обезвредить даже очень сильного соперника, как в случае с Роксаной [17, 95].

[w] - В характере преобладают феминные черты, которые указывают на повышенную эмоциональность, ориентацию на построение взаимоотношений с окружающими людьми, нежели на достижение целей. Скотт очень боялся расстаться с Найвз и тем самым расстроить ее, поэтому он смог на это решиться только после ультиматума Уоллеса [15, 39].

[k] - Повышенная эмоциональность, не находящая выхода, вызывает нервозность и даже тревожность, и это способствует появлению множества внутренних противоречий. Скотт был на грани истерики, подумав, что Рамоне не нравятся его длинные волосы [15, 58].

[j]+[k] - Из-за данных противоречий Скотту тяжело как принимать простые, повседневные решения, так и делать сложные выборы. Скотт очень долго не мог найти работу, потому что у него не хватало энтузиазма даже заняться ее поиском [17, 60].

[gl] - Однако у Скотта есть потребность быть ярким и заметным, ему нравится находиться в центре внимания и выступать на сцене, что объясняет выбор его хобби – Скотт играет на гитаре в группе [17, 98].

При описании поведения Скотта в бою преобладают следующие звуки и звукосочетания: **[k]** – 6, **[p]** – 5, **[s]**- 4, **[w]**и **[kr]** – 3:

[p] - В бою Скотт старается подробно проработать свою стратегию и изучить своего соперника. После поражения в драке с Лукасом, Скотт решает поговорить с ним; во время разговора Лукас расплакался, и Скотт узнал его слабости и страхи [15, 114].

[p]+[w] - Он до последнего будет придерживаться намеченного плана, тяжело подстраиваться под новые неожиданные обстоятельства, реагируя на последние крайне эмоционально. Скотт очень расстроился, когда Лукас ликвидировал сам себя, потому что не успел взять у него автограф [15, 122].

[k]+[s] - Хотя чаще всего Скотт не дает эмоциям взять над ним верх во время боя и старается действовать хладнокровно, что очень тя-

желю дается его эмоциональной натуре. Скотт смог победить Роксану, взяв себя в руки и забыв о разрыве с Рамоной [17, 189].

[kr] - Во время боя он совершенно забывает о безопасности окружающих людей и сохранении помещения: крушит, ломает и разрушает, мало обращая внимания на последствия. Скотт лишился работы в кафе из-за того, что подрался там с бывшей девушкой Рамоны [17, 137].

Описание повседневной жизни Скотта характеризуется следующими звуками: [f] – 8, [p] – 6, [gr] – 4:

[f] - В повседневной жизни Скотт очень рассеян и невнимателен (в моменты, связанные с негативными эмоциями, у Скотта может происходить полная или частичная потеря памяти, из-за чего он не помнит многих важных или очевидных вещей) [Scott Pilgrim vs. the World, 2012, p. 167].

[p]+[f] - В его комнате постоянный беспорядок, такой же, как и в его голове. В одном из эпизодов Рамона составляет список недостатков квартиры Скотта, и список получается довольно длинный [15, 103].

[gr]+[p] - Скотт очень беспомощный в вопросе распределения времени, часто опаздывает или не приходит на встречи (закупку продуктов, необходимой мебели и решение вопросов с арендодателем осуществляет исключительно сосед Скотта) [17, 19].

[p] - При этом он очень привязан к дому и местам, которые он посещает, для него важны не столько материальные удобства, сколько сама атмосфера в доме, которую он быстро определяет. Хотя Скотт очень устал и хотел спать, он предпочел сразу же покинуть свою квартиру, когда там оказались друзья Уоллеса, которые поддерживали его алкоголизм [17, 73].

[gr] - Чаще всего людей вокруг крайне раздражает его рассеянность и неряшливость, но попытки что-то изменить крайне редко могут увенчаться успехом. Стивен постоянно злился на Скотта, что тот не выполняет свою работу аккуратно и постоянно роняет еду [18, 235].

На заключительном этапе исследования мы выяснили, как влияют на восприятие персонажей читателями комикса. Для выполнения данной

задачи был создан опрос на платформе GoogleForms про трех главных героев серии комиксов. Каждый вопрос включает в себя 4 варианта ответов, один из которых совпадает с характеристикой персонажа, полученной во время проведения фоносемантического анализа. Например, для категории «описание персонажа» были составлены подобные вопросы:

1. Как бы вы описали жестикуляцию Скотта?
 - *Резкие, слегка нервные движения;*
 - Спокойные, размеренные движения;
 - Персонаж не использует жесты, чтобы передать эмоции;
 - Отточенные, выверенные движения.
2. Как бы вы охарактеризовали Скотта?
 - Открытый, позитивный;
 - *Скрытный, зажатый;*
 - Чуткий, отзывчивый;
 - Жестокий, агрессивный.

Вопросы, отражающие наиболее существенные характеристика персонажей, были составлены для категорий «повседневная жизнь» и «поведение в бою».

Статистический анализ показал, что среднее арифметическое всех совпадений, демонстрирующее идентичность ответов респондентов с характеристиками, полученными нами во время фоносемантического анализа, составляет 70,3%.

Таким образом, по данным нашего исследования, ономаины действительно являются особым способом описания персонажей, поскольку они дополняют сюжет, диалоги и ситуации, в которые попадают герои комикса. Фоносемантический анализ, проведенный на основе составленной нами характеристики согласных фонем, помог нам лучше понять героев комиксов, определить их мотивацию и выделить дополнительные смыслы их действий и поступков. Соответственно, ономаины так же влияют на восприятие читателей, как и другие элементы комикса, например, диалоги и изображения. Следовательно, анализ фонемного состава ономаинов, присутствующих в тексте, может стать частью комплексного

анализа, в котором фоносемантический анализ не только может подтвердить тезисы, полученные при стилистическом анализе текста, но и выдвинет на обсуждение новые, иные характеристики героев. В дальнейшем возможна разработка фоносемантического анализа звукоподражаний в сочетании со стилистическим анализом текста, что существенно дополнит комплексный анализ текста.

Список литературы

1. Anisimova E. E. Integrity and coherence of creolized text. *Philologicheskiye nauki* [Philological sciences], 2006, no. 5, pp. 74-84 (in Russian).
2. Bolshoi entsiklopedicheskiy slovar [Big encyclopedia]. Available at: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9A%D0%9E%D0%9C%D0%98%D0%9A%D0%A1> (дата обращения: 10.01.2023) (in Russian).
3. Angliiskiye onomatopi: Phonosemanticheskaya klassifikatsiya [English onomatopoeia]. St. Petersburg, Gelicon Plus, 2004, 328 p. (in Russian).
4. Voronin S. V. Osnovi phonosemantiki [Basics of phonosemantics]. Leningrad, 1982, 412 p. (in Russian).
5. Zhuravlev P. A. Zvuk i smisl [Sound and meaning]. Moscow, Prosveshcheniye, 1991, 103 p. (in Russian).
6. Nechaev G. A. Lratkiy lingvisticheskiy slovar [Brief linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Rostiv university, 1976, 278 p. (in Russian).
7. Rozental D. E., Telenkova M. A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh termonov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosveshcheniye, 1976, 520 p. (in Russian).
8. Sossur F. Zametki po obshchei lingvistike [Notes on general linguistics]. Moscow, Progress, 2001, 463 p. (in Russian).
9. Tichonov A. N. Mezhdometiya I zvukopodrozhniya – slova? [Are conjunctions an onomatopoeia word?]. Moscow, Russkaya rech, 1981, 382 p. (in Russian).
10. Tishina E. V. Russian onomatopoeia: diachronic and synchronic aspects. Candidate's thesis. Volgograd, 2010, 183 p. (in Russian).
11. Shlyachova S. S. Phonosemantic marginalia in Russian speech. Extended abstract of candidate's thesis. Perm, 2006, 42 p. (in Russian).
12. Yartseva V. N. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1990, 539 p. (in Russian).
13. Muller, F.M. Lectures on the Science of Language : Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Muller. - New-York: C. Scribner and Co., 1866. — 416 p.

14. Scott Pilgrim Vol. 1 (of 6) – Scott Pilgrim’s Precious Little Life (2012, Oni Press, Inc.);
15. Scott Pilgrim Vol. 2 (of 6) Scott Pilgrim vs. the World (2012, Oni Press, Inc.);
16. Scott Pilgrim Vol. 3 (of 6) Scott Pilgrim and the Infinite Sadness (2013, Oni Press, Inc.);
17. Scott Pilgrim Vol. 4 (of 6) Scott Pilgrim Gets It Together (2013, Oni Press, Inc.);
18. Scott Pilgrim Vol. 6 (of 6) – Scott Pilgrim In His Finest Hour (2015, Oni Press, Inc.).

References

1. Anisimova E. E. Integrity and coherence of creolized text. *Philologicheskiye nauki* [Philological sciences], 2006, no. 5, pp. 74-84 (in Russian).
2. Bolshoi entsiklopedicheskiy slovar [Big encyclopedia]. Available at: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9A%D0%9E%D0%9C%D0%98%D0%9A%D0%A1> (дата обращения: 10.01.2023) (in Russian).
3. Angliiskiy onomatopi: Phonosemanticheskaya klassifikatsiya [English onomatopoeia]. St. Petersburg, Gelicon Plus, 2004, 328 p. (in Russian).
4. Voronin S. V. Osnovi fonosemantiki [Basics of phonosemantics]. Leningrad, 1982, 412 p. (in Russian).
5. Zhuravlev P. A. Zvuk i smysl [Sound and meaning]. Moscow, Prosveshcheniye, 1991, 103 p. (in Russian).
6. Nechaev G. A. Lratkiy lingvisticheskiy slovar [Brief linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Rostiv university, 1976, 278 p. (in Russian).
7. Rozental D. E., Telenkova M. A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosveshcheniye, 1976, 520 p. (in Russian).
8. Sossur F. Zametki po obshchei lingvistike [Notes on general linguistics]. Moscow, Progress, 2001, 463 p. (in Russian).
9. Tichonov A. N. Mezhdometiya I zvukopodrozhniya – slova? [Are conjunctions an onomatopoeia word?]. Moscow, Russkaya rech, 1981, 382 p. (in Russian).
10. Tishina E. V. Russian onomatopoeia: diachronic and synchronic aspects. Candidate’s thesis. Volgograd, 2010, 183 p. (in Russian).
11. Shlyachova S. S. Phonosemantic marginalia in Russian speech. Extended abstract of candidate’s thesis. Perm, 2006, 42 p. (in Russian).
12. Yartseva V. N. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1990, 539 p. (in Russian).

13. Muller, F.M. Lectures on the Science of Language : Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Muller. - New-York: C. Scribner and Co., 1866. — 416 p.

14. Scott Pilgrim Vol. 1 (of 6) – Scott Pilgrim’s Precious Little Life (2012, Oni Press, Inc.);

15. Scott Pilgrim Vol. 2 (of 6) Scott Pilgrim vs. the World (2012, Oni Press, Inc.);

16. Scott Pilgrim Vol. 3 (of 6) Scott Pilgrim and the Infinite Sadness (2013, Oni Press, Inc.);

17. Scott Pilgrim Vol. 4 (of 6) Scott Pilgrim Gets It Together (2013, Oni Press, Inc.);

18. Scott Pilgrim Vol. 6 (of 6) – Scott Pilgrim In His Finest Hour (2015, Oni Press, Inc.).

УДК/UDC 0.0.0

Корейская поэзия жанра каса – отражение национального менталитета и мировоззрения корейцев

Ноева Виктория Васильевна

Студентка

Дальневосточный Федеральный университет

г. Владивосток, Россия

e-mail: noeva.vv@students.dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу поэм в жанре каса и поиску в них отражения национального менталитета и мировоззрения. Жанр каса создавался в тяжёлое для Кореи время – Имджинская война, набеги маньчжуров, распад корейского правящего класса, создание Восточной и Западной партии. Все эти события нашли свое отражение в стихотворениях. На примере творчества Чон Чхоля и Пак Инно можно узнать, что чувствовали корейцы в средневековье. В итоге в статье сделан вывод о том, что поэзию жанра каса можно анализировать не только как пейзажную и любовную лирику, но и как патриотическую.

Ключевые слова: каса, поэзия, Корея, литература, Чон Чхоль, Пак Инно, поэма, жанр, менталитет, мировоззрение.

Korean poetry of the gasa genre is a reflection of Koreans of the national mentality and worldview

Noeva Victoria Vasilievna

Student

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

e-mail: noeva.vv@students.dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of poems in the genre of gasa and the search for a reflection of the national mentality and worldview in them. The gasa genre was created during a difficult time for Korea – the Imjin War, the Manchu raids, the collapse of the Korean ruling class, the creation of the Eastern and Western Parties. All these events found their relation in the poems. Using the example of the work of Jeong Chol and Park Inro, you can find out what Koreans felt. As a result, the article concludes that the poetry of the gasa genre can be analysed not only as landscape and love lyrics, but also as patriotic.

Key words: gasa, poetry, Korea, literature, Jeong Cheol, Park Inro, poem, genre, mentality, worldview.

В истории корейской традиционной литературы поздний период Чосон — это переходный период от средневековья к современности, в течение которого многие литературные ветви разделяются и соединяются. Песни, сиджо, каса, народная музыка, пансори и муги, которые были популярны в поздний период Чосон, имеют много схожих выражений, которые ориентированы на прозу и развлечения, несмотря на различия в классе и культуре общества. В соответствии с этой атмосферой, в поздний период Чосон сиджо и каса переплетаются друг с другом и активно демонстрируют меняющиеся аспекты.

Каса – это традиционная средневековая корейская поэма, период возникновения которой – середина XV в. Жанр каса возник в результате синтеза пейзажного хянга, многострочных каё и даосско-чаньских веяний.

Стихотворная строка в каса состоит из двух полустиший, каждое полустишие, как правило, включает по две четырехсложных стопы:

4 — 4 / 4 — 4

Исследователи корейской литературы отмечают, что структура каса прослеживается в первых поэтических произведениях, записанных новым корейским письмом — «Дракон летит в небе. Песнь» и «Луна, запечатленная в тысячах рек». Однако классическую форму жанра впервые предложил Чон Гыгин (1401-1481) в поэме «Славлю весну». «Напевные

строфы» Чон Гынгин написал во время ссылки в родной деревне в Чхунчхоне во время правления государя Сонджона. Там, в уединении, поэт воспел красоту весны и гармонию жизни в единении с природой. Литературные творения кася представляют учёное сословие, которое вынужденно или по своей воле покинуло службу и поселилось вдали от столицы. Выделяются три центра распространения кася, все они связаны с южными районами страны: провинциями Чолла, Кёнсан и Кёнги.

Период расцвета корейской поэзии в жанре кася пришёлся на XVI век, который ознаменовался такими событиями как распад корейского правящего класса, создание Восточной и Западной партии и Имджинская война (1592-1598), что нашли своё отражение в поэмах жанра кася.

Литература и история связаны неразрывно. Человек с детства связан с событиями, происходящими в государстве, в котором он родился и вырос. Таким образом, произведение искусства представляет собой отражение того времени и событий, в которых живет автор. Благодаря литературе мы можем узнать больше об исторических событиях того времени и об отношении народа к ним.

В XVI в. жанр кася получил большое распространение в первую очередь благодаря гениальному стихотворцу Чон Чхолью, творившему под псевдонимом «Сонган». Время, в которое творил поэт, было весьма трудным для Кореи. Это эпоха массовых бегств крестьян из родных мест, народных волнений, причины которых заключались в росте крупного землевладения и ослаблении центральной власти в государстве. Возникновение в 1575 году двух объединений – «западного», составляющего старую корейскую знать, и «восточного», отражавшего интересы молодых конфуцианских ученых, привели к ожесточённым распрям среди политической верхушки страны. Весь этот междоусобный раздор ослаблял государство прямо накануне еще более нелегкого испытания для корейского народа – Имджинской войны.

Имджинская война стала одним из узловых моментов в истории Кореи. Стране был нанесен мощнейший удар, она подверглась разграблению, на преодоление последствий которого потребовалось огромное ко-

личество сил и времени. Не все из утерянных во время войны достижений в сфере культуры удалось до конца восстановить.

Как писал видный государственный деятель и выдающийся мыслитель Ли И о делах в стране: «Страна погибнет через несколько лет, если так пойдёт и дальше, то народ взбунтуется...»

Все эти события являлись пищей для размышления для всех тех, кто трепетно и неравнодушно относился к судьбе родной страны. Именно поэтому в творчестве Чон Чхоля переплетены такие темы, как обречённость и любовь к жизни, непринятие существующих в стране порядков и верность интересам родине.

Чон Чхоль – творческий человек и патриот своей страны. Он никогда никому не льстил, ни королю, ни государственному служащему, что не всем нравилось, а потому в жизни поэта была такая чёрная страница, как изгнание. И всё равно до конца своей жизни Чон Чхоль никогда не изменял себе, оставался таким же прямолинейным, бескорыстным и неподкупным.

В конце мая 1592 г. началась Имджинская война. У Южных ворот дворца король Сонджо обратился к народу. Как только он закончил говорить, из толпы вышел глубокий старец и громко попросил для Чон Чхоля прощения. Поэт был прощен государем и освобожден из ссылки особым указом. Ведь только в таких людях, как Чон Чхоль, народ видел освободителя страны от порабощения.

Чем же поэт вызвал такую народную любовь? Конечно же, своим творчеством. Следует заметить, что, прежде всего, его поэзия невероятно музыкальна и затрагивает самые потаенные струны человеческой души. Красивые строки стихов наполнены глубоким лиризмом, любовью к людям. Каса Чон Чхоля были настолько лаконичны и ясны, но в то же время масштабны, динамичны и экспрессивны, что корейский народ не мог не полюбить их. Конечно же, поэзия Чон Чхоля не могла быть поэзией Чон Чхоля, если бы в своих стихах он не выражал свои эмоции, возникавшие у него на протяжении жизни. Чаще всего они создавались под впечатлением каких-либо событий, личных или общественных.

Мировоззрение Чон Чхоля было противоречивым. Это отразилось и на его творчестве.

О, зачем столько леса
На стропила и балки!
И зачем столько споров,
Чтобы дом перестроить!
Зря с линейкой и тушью
Мастера суетятся.

Под покосившимся домом поэт подразумевает корейское государство, а «плотники» – занятая распрями придворная знать.

Ох, рубят, безжалостно рубят
Высокие, гордые сосны!
Коль дать подрасти им немного,
Какие бы вышли стропила!
Вдруг тронный покой покосится...
Ну, чем подпирать его будем?

В этом стихотворении можно заметить довольно прозрачную аллгорию на бессмысленную и ожесточённую борьбу партий, жертвой которой стали многие талантливые люди в стране.

Самая большая и внушительная по содержанию каса Чон Чхоля – это поэма «Путешествие в Квандон», которую он написал в 1580 году. В ней он воспел красоту Алмазных гор, которые и до этого были излюбленной темой живших ранее поэтов. Однако именно в поэме Сонгана красоты корейской природы были настолько философски и поэтически осмыслены, нигде ни до, ни после Чон Чхоля виды родной страны не были описаны с такой впечатляющей силой.

В первых строках поэмы воссоздана картина того времени, когда, уйдя от дел под предлогом болезни, Чон Чхоль поселился на родине, в провинции Чолладо:

Мучимый тяжким недугом,
Долго я ждал исцеленья,
Жил я в бамбуковой роще

Среди рек и озер.
Но государь повелел мне
В Квандон необъятный ехать,
И тотчас за назначением
В столицу я поспешил.

Упомянутая в стихотворении бамбуковая роща – место, где собирались и обменивались своими размышлениями и умозаключениями семь мудрецов: Цзи Кан, Лю Лин, Жуань Цзи, Жуань Сянь, Сян Сю, Ван Жун и Шань Тао. В этой роще они сочиняли сатирические и критические поэмы, направленные против королевского двора и власти.

Благодаря упоминанию бамбуковой рощи Чон Чхоль одним намеком-штрихом воссоздает атмосферу своих вольных творческих дней. Однако он счастлив вновь возвратиться к государственной службе и отправляется в путь с мыслью о предстоящей деятельности. Поэтому логичными и естественными выглядят исторические реминисценции поэта, которые и составляют первый план поэмы. Все они выдержаны в строго конфуцианском духе:

Отсюда, казалось, я вижу
Дворец Кунье знаменитый,
Над которым сегодня
Только сороки кричат.
Им, быть может, известны
Тайны паденья и взлета,
Расцвета и возвышенья
И гибели государств?
О, если бы можно было
Вернуть величье и славу
Добрых времен минувших
Правления Цзи Чжан-жу!

Кунье – один из крупных феодалов, основавший государство на севере Силла Тхэбон. Чон Чхоль вспоминает его, считая Кунье достойным правителем и мечтает о том, чтобы старые порядки вернулись.

Поэт, будучи истинным последователем конфуцианства, готов с верой и покорностью служить государю. Согласно конфуцианскому учению, совершенный человек служит государю и тем самым содействует процветанию страны. Поэтому в его творениях можно часто встретить слово «ним», которое переводится как «государь, хозяин, господин», что позволяет трактовать почти все его кася, в частности «Тоскую о миллом» и «Разговор двух женщин», как послания наказанного поэта к вану Сонджо. Однако Чон Чхоль, в отличие от других придворных, не готов гнаться за властью или благосклонностью короля. Зачастую под «государем» поэт подразумевает не одного лишь вана, а целое государство. В своих строках он печалится о верности, без тени лести и преклонительности. И это благородная откровенность дорого ему обходится, ведь из-за интриг завистников он не раз оказывается в изгнании, но одновременно вселяет в него силы во всех опасных ситуациях.

В те времена строгая конфуцианская сдержанность не позволяла в открытую выражать интимные чувства к любимым, из-за чего Чон Чхоль вынужден был прибегать к поиску других методов выражения своих чувств, чтобы другими словами написать поэтические строки на тему любви. Поэтому значительно чаще под словом «ним» Сонган подразумевает «любимый, любимая», подчеркивая наивысшую форму почитания и любви, которая может возникнуть между мужчиной и женщиной.

Именно поэтому обращения Чон Чхоля к «королю» при переводе заменены во многих случаях обращениями к «любимой», а если героиня женщина, то к «любимому». Такова особенность лирической поэзии эпохи средневековья.

Чон Чхоля назначили командующего армиями провинций Чолладо и Чхунчхондо, где он провел несколько удачных боевых операций против японской армии. В 1593 г. он возглавил посольскую миссию в Китай. После успешной миссии Чон Чхоль вернулся на остров Канхвадо, где и скончался 7 февраля 1594 года. С болью писал о нем его современник, поэт Квон Пхиль в стихотворении на ханмуне «Проходя мимо могилы Сонгана»:

Опадает листва с дерев,
Дует ветер, дождь моросит
Отрешенно звучат слова
В песне той, что создал поэт.
Как печально мне одному
Не с кем выпить чашу вина!...
Он вчера лишь стихи слагал –
Он сегодня в могиле спит.

Другой видный поэт, творивший произведения в жанре каса – патриот Пак Инно, чей псевдоним – Роге. Пак Инно – активный участник Имджинской войны 1592–1598 гг. и фигурирует в разгроме японской армии и флота. Патриотические настроения эпохи отразились в написанных им во время и после войны каса «Песня о мире», «Думы на корабле», также они перекликаются со стихами национального героя корейского народа флотоводца Ли Сунсина (1545–1598). После войны Пак Инно остался на военной службе.

Каса «Думы на корабле» была сложена поэтом во время войны. Поскольку поэт не желал отсиживаться в крепости, когда его товарищи страдают и погибают; он писал о стремлении сразиться с японскими захватчиками. Лирического героя Пак Инно не волнуют болезнь и старость, ведь долг патриота – готовность умереть за свою страну. Своим стихотворением Пак Инно поддерживает общий боевой дух и показывает пример воина, который готов претерпеть любые невзгоды, чтобы вернуть долг родине:

Старого и немощного направили меня на военный форт.
И летом в год ыльса я прибыл в Чиндон.
На этом важном участке обороны я, несмотря на болезнь,
Не мог усидеть на месте.
Повесив на боку длинный меч, поднялся на корабль,
Глазами, полными гнева, вглядываюсь в остров Тэмадо.
Облаков повсюду ветер грудami нагнал,
Далекие синие волны одного цвета с бескрайним небом.

Япония и Южная Корея являются географическими соседями, но учитывая сложную совместную историю, между странами сложились нестабильные отношения. Вполне естественно, что во время Имджинской войны Япония представляется главным врагом, и все отрицательные образы – японские. В этой касе Пак Инно выразил свое сильное стремление к миру и готовность отстаивать независимость родины:

Эй вы, копошащиеся там дикие японские орды,
Скорее сдавайтесь!
«Сдающихся, не убивают» – есть изречение
Этим вы спасетесь от гибели!
Добродетель нашего короля
Распространится на вас,
И в умиротворенном мире
Наступит золотой век Яо и Шуня
И мы, пересев с военных кораблей
На рыбачьи ладьи,
Запоем песни,
Радостно встречая новое утро в блеске солнечных лучей,
Будем наслаждаться
Красотой осенней луны и свежестью весеннего ветерка,
И снова наступит счастливый век,
И улягутся всякие бури и треволнения.

Каса «Слово о мире» Пак Инно написал после того, как армия прогнала японских оккупантов с территории Кореи. Страна была в таком упадке после всех этих боев, что поэт молил небо ниспослать мир на измученную корейскую землю.

О небо! Помоги отчизне,
Бессмертие ей дай!
От нас военные невзгоды
Навечно отврати!
Мы за работою на пашнях
Прославим в песнях мир!

С подобным сложным положением дел в стране правящая верхушка не могла справиться, потому она не заботилась об обороне государства. Видя это, Пак Инно в знак протеста оставил службу. Он вернулся в деревушку на юге Кореи, где много сочинял и занимался земледелием, много писал. Он создал еще шесть поэм: «Захолустье», «Песня Рённама», «Песня о Роге» и др.

В поэме «Песня Рённама» Пак Инно выразил свое сочувствие крестьянам, которые больше всего пострадали из-за военных действий. Увы, на их плечи с еще большей тяжестью опустилось бремя налогов.

Что стали делать люди, вернувшись
На землю разоренного Рённама,
Когда стремглав от нас враги бежали
И кончилась Имджинская война?
Среди руин, заросших лопухами,
На пустырях землянки стали рыть,
И надо было вновь пахать и сеять
На брошенных давно уже полях!
Забот и тягот у людей не хватало,
Повинностей у них не стало меньше!

Ярко выраженный патриотизм, направленность на демократию и поэтическое мастерство – вот что отличает творчество Пак Инно.

Анализируя произведения в жанре каса, можно прийти к выводу о том, что в большинстве своём они отражает следующие национальные традиции корейского народа: человеческие взаимоотношения, религиозные мотивы, уважение к природе. Также в поэмах каса мы можем найти такие темы как патриотизм и отношение народа к власти. Много тем затронуто в каса, написанных авторами в то непростое для Кореи время: нежелание сдаваться врагам, готовность сражаться до конца, любовь к государю и критика действий правящей верхушки. Благодаря этим произведениям мы можем узнать, какие события волновали народ и что они чувствовали.

В своих произведениях поэты затрагивают самые актуальные на тот момент проблемы корейского общества. Имджинская война, маньчжурские набеги, феодальная междоусобица – всё то, что пришлось пережить корейцам в ту нелёгкую и смутную эпоху.

Чон Чхоль, Пак Инно и другие поэты в своих каса пытались выразить то, что хотели сказать обычные люди, а порою проявляли сочувствие к тем, кто этого не успел сделать. Конечно же, было в напевных строфах и место для общечеловеческих тем, актуальных всегда – дружба, любовь, восхищение пейзажами корейской флоры. Именно благодаря отношению к этим элементам, мы можем больше узнать о национальных традициях корейцев.

Список литературы

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII–XIX веков / Сост. Л. Концевич; пер. А. Жовтиса; предисл. М. Никитиной; примеч. Л. Концевича, М. Никитиной. М.: Наука, 1978. – 322 с.
2. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 16. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии – М.: Художественная литература, 1977. – 928 с.
3. Гурьева, А. А. О некоторых особенностях корейской поэзии на родном языке XVIII–XIX вв. (поэма-каса «Песнь о цветке сливы»). – СПб.: Вестник Санкт-Петербургского университета, 2011.
4. Жовтис А. Эхо: Стихотворные переводы. Алма-Ата: Жазушы, 1983.
5. Корейская классическая поэзия / Пер. А.Ахматовой. М.: ГИХЛ, 1958. – 260 с.
6. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. – 680 с.
7. Л. Е. Еременко, В. И. Иванова. Корейская литература – М.: Наука, 1964. – 156 с.
8. Осенние клёны. Антология корейской поэзии VIII–XIX столетий в русских поэтических переводах / Сост. Л.Р.Концевич. СПб.: Гиперион, 2012. – 352 с.
9. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. – 323 с.
10. Чон Чхоль. Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI века / Перевод А. Жовтиса. М.: ГИХЛ, 1975. – 224 с.

References

1. Bamboo in the snow. Korean lyrics of the VIII–XIX centuries / Comp. L. Kontsevich; per. A. Zhovtis; preface by M. Nikitina; note by L. Kontsevich, M. Nikitina. M.: Nauka, 1978. – 322 p.
2. Library of World Literature. Series one. Volume 16. Classical poetry of India, China, Korea, Vietnam, Japan – Moscow: Fiction, 1977. – 928 p.
3. Guryeva, A. A. On some features of Korean poetry in the native language of the XVIII–XIX centuries. (the poem-casa "The Song of the Plum Blossom"). – St. Petersburg: Bulletin of St. Petersburg University, 2011.
4. Zhovtis A. Echo: Poetic translations. Alma-Ata: Zhazushy, 1983.
5. Korean classical poetry / Per. A. Akhmatova. M.: GIHL, 1958. – 260 p.
6. Kurbanov S. O. History of Korea: from antiquity to the beginning of the XXI century. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2009. – 680 p.
7. . L. E. Eremenko, V. I. Ivanova. Korean literature – Moscow: Nauka, 1964. – 156 p.
8. Autumn maples. Anthology of Korean poetry of the VIII–XIX centuries in Russian poetic translations / Comp. L.R.Kontsevich. SPb.: Hyperion, 2012. – 352 p.
9. Trotsevich A.F. History of Korean traditional literature (before the XX century): Textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2004. – 323 p.
10. Jeon Chol. A lonely crane. From the Korean poetry of the XVI century / Translated by A. Zhovtis. M.: GIHL, 1975. – 224 p.

УДК/UDC 82

Женское поэтическое творчество занимает важное место в корейской литературе средних веков

Павлюшина Екатерина Владимировна

Студентка

Дальневосточный Федеральный университет

г. Владивосток, Россия

e-mail: pavlyushina.ev@students.dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению корейского женского поэтического творчества средних веков. Главная цель исследования – доказать, что женское поэтическое творчество занимает важное место в корейской литературе средних веков. В статье были рассмотрены произведения традиционной литературы Кореи, написанная женщинами. Также были выделены факторы, которые повлияли на развитие женского поэтического творчества в средневековой Корее. Было рассмотрено женское поэтическое творчество и его развитие. Материалом послужили стихотворения и дневниковые записи, составленные женщинами, жившими в Корее в средние века. В результате был сделан вывод, что стихотворения корейских средневековых поэтесс включают в себя национальные черты корейского народа, а также отражают частицы душевной жизни человека. Таким образом, рассмотренные нами жанры занимают свое, на наш взгляд, особое место в традиционной литературе Кореи.

Ключевые слова: литература, корейская литература, корейский язык, женская поэзия.

Women's poetic creativity occupies an important place in medieval Korean literature

Pavlushina Ekaterina Vladimirovna

Student

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

e-mail: pavlyushina.ev@students.dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of Korean women's poetic creativity of the Middle Ages. The main purpose of the study is to prove that female poetic creativity occupies an important place in Korean literature of the Middle Ages. The article reviewed the works of Korean traditional literature written by women. The factors that influenced the development of women's poetic creativity in medieval Korea were also highlighted. Women's poetic creativity and its development were considered. The material was poems and diary entries compiled by women who lived in Korea in the Middle Ages. As a result, it was concluded that the poems of Korean medieval poetesses include the national features of the Korean people and reflect the particles of a person's spiritual life. Thus, the genres we have considered occupy, in our opinion, a special place in the traditional literature of Korea.

Key words: literature, Korean literature, Korean language, women's poetry.

В эпоху средних веков в качестве самостоятельного направления получила развитие корейская поэзия в жанре «сиджо» и «кюбан-каса». Средневековая литература, написанная в данных жанрах, помогает нам увидеть состояние эпохи, какими ценностями руководствовались люди того времени. Корейское средневековое общество было сформировано по конфуцианским канонам, появление женской поэзии считалось революционным. Положение женщины многие столетия оставалось без изменений. Женщины не имели права и возможности для проявления своей индивидуальности и самостоятельности в обществе. У многих женщин той эпохи не было возможности изучать «ханмун», так как он считался языком высоких жанров и для женщин он был недоступен. Но с появлением «хангыля» для женщин не составило труда писать литературные произведения на родном языке, который был более тесно связан с народной средой и фольклором. Нам бы хотелось разобрать литературные произведения женщин знатных семей, живших при дворе короля, а также творчество кисэн. Благодаря их положению и придворные дамы, и кисэн имели возможностью изучать китайский язык, который на тот момент являлся единственным письменным языком в Корее.

Многие литературные произведения средних веков глубоко пропитаны духом конфуцианства. Темы преданности государю, дружбе, природе, службе чаще всего отдавались мужчинам. А темы частной жизни, плавно перешли в сферу деятельности женщин, и они без оглядки на должное поведение и правила приличия писали о желании быть любимыми, жить вместе с любимым человеком, о невыносимости одиночества и горестях разлук.

Аделаида Фёдоровна Троцевич в учебном пособии «История корейской традиционной литературы (до XX в.)» утверждает, что поэтический жанр «сиджо» — это самый известный в традиционной корейской поэзии. Смысл термина корейские исследователи толкуют как «напевы нашего времени» или «напевы времен года». «Сиджо» много унаследовал от предшествующего жанра «хянга», который был распространён до конца эпохи Силла. Также Аделаида Фёдоровна пишет, что с XVI в. частная, интимная жизнь человека, никак не связанная с государственными интересами, появляется в «сиджо» как самостоятельная тема. Говорить на эту тему в поэзии могли прежде всего те, кто стоял в стороне от государственной службы.

Чаще всего в жанре «сиджо» писали кисэн. О кисэн сохранилось очень мало сведений. На данный момент мы знаем настоящее имя и даты жизни лишь одной поэтессы — это Хван Джини (1506–1544). Она известна также под псевдонимом Мён Воль, дословно «Ясная луна». Ее характеризовали как женщину невероятной красоты, обладающую блистательным умом и остроумием. Ее личная жизнь стала своего рода легендой, которая нашла свое отражение и в фильмах, и в книгах. До наших дней дошло восемь её стихотворений на «ханмуне» (кореезированным варианте классического китайского языка). Все её изящные метафорические тексты так или иначе касаются темы любви, которая часто перекликается с темами преданности и разлуки.

Чаще всего женщины-кисэн писали о любви. Любовь в корейской поэзии — это ожидание встречи с любимым, печаль в разлуке с ним и верность. Например, стихотворение Кучжи:

Из высокой сосны смастерю себе лодку
и спущу на воду в реку Тэдонган.
Ветку ивы пригну,
крепко-накрепко лодочку к ней привяжу.
Пусть теперь какой-нибудь безумец
попытается ее себе забрать!

Лодка символизирует саму поэтессу, а ветка ивы – это ее возлюбленный. Лодку – Кучжи, никто не сумеет разлучить с веткой ивы – ее любимым. Образ «высокой сосны», из которой поэтесса собирается спустить лодку, означает верность любимому. Образ сосны в корейской поэзии чаще всего означает символ постоянства. В языке стихотворения используется и своеобразная игра слов: «крепко-накрепко» по-корейски звучит «кучжи кучжи», т. е. как дважды повторенное имя поэтессы, записанное двумя китайскими иероглифами, которые, в свою очередь, значат «Стремлюсь к любимому». Так, в стихотворении героиня доказывает свою преданность любимому: в открытом тексте – связь лодки с веткой ивы не разорвать, в традиционном образе – высокая сосна, и в игре слов, построенной на корейском и китайском значении имени Кучжи.

Троцевич отмечает также что, в женских стихах на китайском языке представлен индивидуальный мир поэтесс: кисэн занимает гостей и бережет любовь, чувства благородных дам отданы семье. И картины природы, которым посвящены стихи, тоже связаны с личными переживаниями женщин.

«Кюбан-каса» продолжало традиции «женской поэзии», которая начала активно заявлять о себе в XVI в. в творчестве поэтесс-кисэн, сочинявших «сиджо». Чаще всего главными темами в «кюбан-каса» выступали частная жизнь и личные чувства. Человек здесь занят только собственными переживаниями и не касается проблем долга, социальных обязательств. Мир личных чувств и повседневных семейных забот, не имеющих никакого отношения к высоким государственным интересам.

Известно не так много сочинительниц «кюбан-каса» в XVIII веке. Чаще всего это были жены чиновников высокого ранга из именитых семей.

Известным автором «каса» была госпожа Квон из Андона (1718–1784). Поэма о женской доле была написана ею в 1746 г. и называется «Отвечаю на шутку по поводу забав с рисовыми лепешками». «Каса» госпожи Квон появилось в ответ на шуточную песенку, сочиненную ее троюродным братом «Подтруниваю над женскими забавами с рисовыми лепешками». Приведем отрывок из поэмы госпожи Квон, в переводе Аделаиды Федоровны Троцевич:

Небо так неразумно —
Решило женщину создать.
Сколько ни досадуй,
Разве что-либо теперь изменишь?
Сидим на женской половине,
И только сливы у нас друзья.
Мы хорошо освоили женские занятия,
Вот и прядем, не покладая рук.
Весна, тревожа чувства,
Примчит-умчит третью и четвертую луну.
Ближние и дальние горные вершины
Оденутся в красно-золотистые наряды,
А цветы персика и сливы у деревенской околицы
Разукрасят каждую ветку.
И лишь мы у окна, затянутого шелком,
Одинок переживаем томление любви.

В этом стихотворении сестра рассказывает брату о тяжелой женской доле. Она рассказывает ему о событиях, которые происходят на женской половине дома и о том, как женщина должна следовать предписанным правилам поведения. Также следует добавить, что госпожа Квон не про-

сто объясняет брату, каково быть женщиной, но и хочет показать, что мир женщины особенный, и она сама выбирает себе забавы.

В жанре «каса» также можно встретить и серьезные произведения. Например, служить «Наставление женщинам», написанное философом-неоконфуцианцем и государственным деятелем Сон Сирёлем в XVII веке, где расписаны правила поведения невестки в доме мужа и почтительного обращения с родителями мужа. Приведем отрывок из «Наставления», оно предназначено для дочерей, которых собираются выдавать замуж:

Еще за порогом поклонись,
А потом подойди, присядь и спроси:
«Тепло ли комната согрета?
Спокойно ль почивать изволили?»
Когда спросишь их о житье-бытье,
Немножко посиди
И тотчас выйди.
А когда приготовишь трапезу,
Спроси, вкусна ли.
Закуску делай так, чтоб было вкусно.
Когда они откушают
И ты унесешь столик,
Поговори о том, что нужно сделать,
А если других дел не окажется,
Возвратись к себе в комнату
И займись своей работой.
Не делай кое-как,
Старательно, старательно все выполняй!

Благодаря данному произведению мы можем понять, что женщины в то время не воспринимались как отдельные личности и при переходе в семью мужа, по сути, становились заложницами.

«Кюбан-каса» XVIII в. не только развивают в больших поэтических произведениях уже известные темы «женской поэзии» — тоска в разлуке с любимым, жалобы на несчастную женскую долю, но, подчас, и позволяют себе некое «свободомыслие» — насмешку над партнером или дискуссию с мужчиной о праве женщины на собственные развлечения.

В целом, женская поэзия выносит на передний план множество проблем, еще раз доказывая свою важность.

Женское литературное творчество в средневековой Корее представляло собой любовную поэзию, наполненную метафорическими образами. Женщины знатного рода и девушки из простого народа кисэн были переполнены схожими переживаниями, что позволило им оставить немалый след в традиционной литературе Кореи.

Таким образом, рассматривая традиционную корейскую литературу через призму женского мировосприятия, мы можем с уверенностью сказать, что женское поэтическое творчество занимает важное место в средневековой корейской литературе. Опираясь на их произведения, мы можем не только изучить, но даже прочувствовать то, что они испытывали в своей жизни.

У корейской литературы, несомненно, есть свои особенности, как, впрочем, и у литературы любой другой страны. Образы, создаваемые корейскими поэтессами, в некоторой степени отражают лишь корейскую действительность, которая может быть слишком далека и непонятна западным читателям, незнакомым с нюансами корейской культуры. Поэтому такие произведения вызывают еще больший интерес у литературоведов, давая возможность погрузиться в ту эпоху, в которую были написаны стихи, и осознать значимость данных произведений и их место в литературном творчестве женщин, живших и творивших в средние века на территории Корейского полуострова.

Список литературы

1. Мазур, Ю.Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. – М. : Изд-во восточной литературы, 1960. – 118 с.

2. Никитина, М.И. Очерки истории корейской литературы до XIV в / А.Ф. Троцевич, М.И. Никитина - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 240 с.

3. Никитина, М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом / М.И. Никитина. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 328 с.

4. Троцевич, А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие / А.Ф. Троцевич. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 323 с.

5. Холодович, А.А. Корейско–русский словарь / А.А. Холодович. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1958. – 895 с.

References

1. Mazur, Yu. N. (1960). Korean language. Moscow. Oriental Literature Publishing House. 118 p.

2. Nikitina, M.I. (1969). Essays on the history of Korean literature before the XIV century. Moscow. Nauka Publ. 240 p.

3. Nikitina, M.I. (1982). Ancient Korean poetry in connection with ritual and myth. Moscow. Nauka Publ. 328 p.

4. Trotsevich, A.F. (2004). The history of Korean traditional literature (before the twentieth century): Textbook. Saint-Petersburg. St. Petersburg University Press. 323 p.

5. Kholodovich, A.A. (1958). Korean–Russian Dictionary. Moscow. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 895 p.

УДК/UDC 811.111-26

Анализ частотности употребления английских сложных инфинитивных глагольных словоформ в художественных произведениях первых десятилетий XIX, XX и XXI веков

Потехина Вероника Игоревна

Студентка 4 курса. Лингвистический факультет

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
г. Нижний Новгород, Россия

Маслова Ольга Игоревна

Студентка 4 курса. Лингвистический факультет

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
г. Нижний Новгород, Россия

Приходченко Петр Иванович

Кандидат филологических наук, доцент

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
г. Нижний Новгород, Россия

e-mail: pyotr@bk.ru

ORCID 0000-0001-9080-4712

SPIN-код автора: 1470-3205

Аннотация

В статье анализируются случаи употребления сложных инфинитивных глагольных конструкций с *to have* и *to be* в текстах литературных произведений первых десятилетий XIX, XX и XXI веков. Описываются функции и видовая структура инфинитива как грамматической категории. Проводится комплексное исследование сравнительной частотности использования обозначенных конструкций, а также делаются некоторые выводы о характере обнаруженных изменений.

Ключевые слова: инфинитив, сложные глагольные словоформы, *to have*, *to be*, инфинитивная конструкция, функциональные характеристики, частотность употребления.

Statistic analysis of English complex infinitive verb forms usage in the xix, xx and XXI centuries literature

Potekhina Veronika Igorevna

4rd year student, Linguistic Faculty

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Maslova Olga Igorevna

4rd year student, Linguistic Faculty

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Prihodchenko Petr Ivanovich

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail: pyotr@bk.ru

ORCID 0000-0001-9080-4712

SPIN-code: 1470-3205

Abstract

The authors produce statistical analyzes of using the Complex Infinitive verb constructions with to have and to be in the literary works of the first decades of the XIX, XX and XXI centuries. The functions and the specific structure of the infinitive as a grammatical category are investigated. The article is concerned with the comparative frequency using of the designated structures and the nature of the detected changes.

Key words: infinitive, complex verb forms, to have, to be, infinitive construction, functional characteristics, statistic of infinitive usage.

Основной целью нашей статьи является выявление изменений частотности использования сложных глагольных форм с инфинитивами to have и to be на базе сравнительного анализа литературных произведений первого десятилетия XIX, XX и XXI веков.

К задачам данной работы относятся обзор научных материалов по теме, рассмотрение видовой классификации инфинитива, изучение литературных произведений для отбора определенных инфинитивных

конструкций в художественном дискурсе, проведение анализа на предмет изменения частотности употребления *to have* и *to be* в конструкциях с инфинитивом.

Методы исследования: теоретический анализ научной и учебно-педагогической, художественной литературы, качественный и количественный анализ результатов исследования.

Научная новизна: работа представляет собой комплексное исследование изменения частотности употребления сложных глагольных конструкций с инфинитивами *to have* и *to be*.

Язык постоянно развивается и претерпевает множество изменений, однако «исследователи английского языка склонны концентрировать внимание скорее на фонетических и лексических, чем на грамматических изменениях» [1, с. 105-106]. В этой связи авторы данной работы задались вопросом: какие изменения произошли в грамматическом категориальном сознании англоязычных авторов на протяжении трех веков в рамках использования сложных инфинитивных конструкций и возможно ли их выявить на уровне статистического анализа?

Если принять за основу классическое толкование грамматики как: «строй языка, т.е. система языковых форм, способов словопроизводства, синтаксических конструкций» [2], то становится очевидным значительность даже небольших грамматических изменений, так как они влияют на всю систему языка.

М.Я. Блох, Л.А. Козлова, И.П. Иванова, Д.А. Муртазина и А.Ю. Матюхин [3,4,7,8] рассматривают инфинитив как одну из трех возможных неличных форм глагола наряду с герундием и причастием. По мнению Л.И. Минекаевой, инфинитив выражает определенный деятельностный аспект. Он может характеризоваться такими лингвистическими категориальными критериями, как вид и залог, однако не обладает проявлениями в какой бы-то ни было форме лица, числа, времени, а также наклонения – характерных для личных форм глагола. Рассматриваются также такие классификационные виды инфинитива, как маркированный и немаркированный [5]. Данное теоретическое положение является

обосновывающим фактором относительно упомянутого ранее многоаспектного проявления инфинитива в части значений, фигурирующих в его конструкционных структурах лексических единиц.

При проведении практического исследования был проведен комплексный лингвистический анализ определенного перечня художественных произведений начала XIX-XX вв. с последующим сравнением со современной англоязычной литературой (XXI). Анализ проводился поэтапно:

- общий отбор лексического материала с инфинитивами *to have* и *to be* методом фильтрации с применением цифровых технологий в соответствии с обозначенными критериями;
- классификационно-видовой анализ отобранных конструкций;
- статистический анализ количественного изменения употребления сложных инфинитивных глагольных словоформ с *to have* и *to be* с различными структурными и функциональными характеристиками.

В упомянутый перечень исследуемых материалов художественных произведений начала XIX-XX вв. вошли следующие источники:

1. Austen J. *Sense and Sensibility* – London : Thomas Nelson and Sons, 1811.- 383 с.
2. Maugham W.S. - *The Painted Veil* – London: William Heinemann, 1925. – 290 с.
3. Maugham W.S *Theatre* – London: William Heinemann, 1937. – 304 с.
4. Wharton E. *The Age of Innocence* – New York: D. Appleton and Company, 1920. – 436 с.
5. Wagh E. *A Handful of Dust* – Boston : Little, Brown, 1934. – 233 с.
6. Austen J. *Pride and Prejudice* – London : Thomas Nelson and Sons, 1813. – 408 с.

Для проведения сравнительного анализа были выбраны следующие произведения современного англоязычного художественного дискурса:

1. Cashore K. *Winterkeep*. - New York: Gollancz, 2021. - 528 с.

2. Gray A. *Beasts of Prey*. - New York: Penguin, 2022. - 496 с.
3. Green J. *The Fault in Our Stars*. - New York: LibreBook, 2012. - 272 с.
4. Karen McManus M. *You Will Be the Death of Me*. - New York: Penguin, 2021. - 336 с.
5. Moyes J. *Me Before You*. - New York: Penguin, 2012. - 528 с.
6. Sanderson B. *Skyward: The Third Skyward Novel*. - New York: Gollancz, 2018. - 395 с.

На первом этапе проводимого исследования из данных литературных произведений было отобрано около шестисот пятидесяти фактов использования инфинитивов *to have* и *to be*. При этом для большей объективности исследования произведения сравнивались по разным критериям, то есть для выборки разных конструкций брались разные художественные тексты. 305 единиц языкового материала были признаны отвечающим критериям исследования. После проведения данных этапов была осуществлена классификационно-видовая фильтрация инфинитивных конструкций и составлен соответствующий перечень языковых фактов.

Так, в ходе исследования были получены следующие результаты по использованию нижеперечисленных классификационных групп инфинитивных конструкций.

Continuous Infinitive (*to be* + Participle I), примеры отобранного материала:

“At our time of life it is not so pleasant, I can tell you, *to be making* new acquaintances every day.”(Austen J. “*Pride and Prejudice*”)

“But you would not wish *to be dancing* when she is ill.”(Austen J. “*Pride and Prejudice*”)

“Please *to be eating* your sandwich and listening.” (Green J. “*The Fault in Our Stars*”)

“Peter Van Houten was the only person I’d ever come across who seemed to (a) understand what it’s like *to be dying*, and (b) not have died.”(Green J. “*The Fault in Our Stars*”)

“I am, however, with Isaac, who seems to be decompensating” (Green J. “The Fault in Our Stars”)

“ I stopped talking because Augustus didn’t appear to be listening” (Green J. “The Fault in Our Stars”)

При проведении анализа выборки было обнаружено, что в современной литературе употребление данной формы инфинитива возросло. Так, разница в количестве употреблений составила 11 единиц, при том, что объем произведения современного автора меньше на четверть. Austen J. “Pride and Prejudice” – 50 случаев, Green J. “The Fault in Our Stars” – 61 случай.

В свою очередь, в рамках формы **Perfect Infinitive** (to have + Participle II), были классифицированы такие предложения как:

“...and herself, what their constant behaviour to each other declared to have taken place...” (Austen J. “Sense and Sensibility”)

“...but it seemed to have deprived himself of all chance of ever being otherwise.” (Austen J. “Sense and Sensibility”)

“...I entreat your forgiveness of what I can assure you to have been perfectly unintentional.” (Austen J. “Sense and Sensibility”)

“Will and I seemed to have found an easier way of being around each other.” (Moyes J. “Me Before You”)

“She appears to have flown all the way from Australia to shriek at me.” (Moyes J. “Me Before You”)

Употребление данной группы в произведениях XXI века – уменьшилось: в книге Austen J. “Sense and Sensibility” мы встретили 57 конструкций, а в Moyes J. “Me Before You” только 32.

Примеры выборки **Simple Passive Infinitive** (to be + Participle II):

“She wanted to be settled down in good time for her confinement.” (Maugham W.S “Theatre”)

“It proved that he didn’t just want to be seen with her.” (Maugham W.S “Theatre”)

“It was strangely flattering for a woman to be treated as a little bit of fluff* that you just tumbled on to a bed.”(Maugham W.S “Theatre”)

“...I don’t even think about what needs to be done until it’s too late.”(Karen McManus M. “You Will Be the Death of Me”)

“... which isn’t nearly famous enough to be sold in every random card store the way that...”(Karen McManus M. “You Will Be the Death of Me”)

Мы, что частотность употребления данной формы инфинитива в современной литературе несколько ниже. В частности, в книге Karen McManus M. “You Will Be the Death of Me” было обнаружено 48 единиц, в отличие от Maugham W.S “Theatre”, где количество было равно 55.

Perfect Passive Infinitive (to have + been + ParticipleII):

“The visit went off successfully, as was to have been expected.”(Wharton E. “The Age of Innocence”)

“...there was a distinct lowering of the temperature when she was found to have been replaced by her daughter-in-law.”(Wharton E. “The Age of Innocence”)

“She looked away, as if almost embarrassed to have been caught looking.” (Moyes J. “Me Before You”)

“It wasn’t what I remembered. Half the books seemed to have been replaced by CDs and DVDs, great bookshelves full of audiobooks, and even stands of greeting cards”. (Moyes J. “Me Before You”)

Данная форма крайне редко встречается в избранных нами для анализа произведениях, выше представлены все случаи ее использования: Moyes J. Me Before You – 2, Wharton E. “The Age of Innocence” – 2. Интересно, что один из этих двух случаев совпадает как структурно, так и лексически: «to have been replaced», что может навести на мысль о некоторой устойчивости данной инфинитивной словоформы.

При сравнении данных двух произведений был обнаружен и единственный случай употребления формы **Perfect Continuous Infinitive**:

“The film I was supposed to have been watching was now a series of slow-moving credits”. (Moyes J. “Me Before You”)

Присутствию в современном дискурсе данной сложной глагольной словоформы может свидетельствовать о сохранении в языковом сознании возможности свободного использования обозначенных грамматических категорий.

Инфинитив, согласно практически обусловленным положениям Е.А. Фроловой имеет шесть различных форм, характерных для глагола в переходном и четыре для выраженного в непереходном грамматически обусловленных аспектах соответственно [6]. При этом инфинитив может выполнять различные функции, среди которых, в частности:

- выполнение роли подлежащего в предикатном контексте; задействованный в названных обстоятельствах инфинитив может переводиться соответствующей глагольной формой русского языка («to sleep is helpful» - «спать полезно»), а также, например, как имя существительное («it is necessary to sleep now» - «сон сейчас необходим»). При отборе нужных нам инфинитивных конструкций в художественном дискурсе нами было выбрано 48 предложений с глаголом в данной функции, ниже представлены некоторые примеры:

“To be rather cold hearted and rather selfish is to be ill-disposed” (Jane Austen “Sense and Sensibility”).

“To have it done meant for me everything” (Jane Austen “Sense and Sensibility”).

- фигурирование в контекстуальном аспекте в роли обстоятельства цели, то есть инфинитив может являться своеобразной «надпредикатной» структурой, являясь при этом важным для верной её интерпретации компонентом («to try this pie they went to grandmother» - «чтобы попробовать этот пирог, они пошли к бабушке»). При исследовании 56 инфинитивных конструкции выполняли данную функцию, так, например:

To be on the side of the Industrialists we wanted to meet with the Lienid envoy at the Keep (Cashore K. “Winterkeep”).

To have a monetary benefit she sent copies to her uncle, the King of Lienid, and her friends in the Council (Cashore K. "Winterkeep").

- трансляция деятельностной компоненты, обусловленной фигурированием инфинитива в роли структурной части системного представления сказуемого как части предиката («he must go there» - «он должен пойти туда»). Мы встретили 97 единиц нужных нам инфинитивов, выполняемых данную функцию. Некоторые из таких предложений:

"You must be prepared to find that they have an unbounded admiration for him." (William Somerset Maugham "The Painted Veil").

"...even though he hated her now he must have enough human feeling in him to pity her." (William Somerset Maugham "The Painted Veil").

- выражение дополнительного аспекта общей контекстуальной структуры с выполнением добавочной систематизирующей функции высказывания или часть составного-глагольного сказуемого; при этом, подобно первой упомянутой функции инфинитива в англоязычной среде, инфинитив может быть выражен в форме фигурирующего в русской грамматике инфинитива, либо в форме имени существительного при осуществлении перевода. Нами было выявлено 174 инфинитивных конструкций, выражающих функцию добавочной систематизирующей функции высказывания, например:

"It was such a bore that Roger when he got to Eton refused to be photographed with her any more" (W.S. Maugham "Theatre").

"It was an affair that was supposed to have been going on so long that it had acquired respectability" (W.S. Maugham "Theatre").

- фигурирование в общесистемной структуре высказывания в роли определительной конструкции в отношении одного из нескольких возможных составляющих контекст обстоятельств; при переводе выполняющих данную функцию инфинитивных конструкций на русский язык, при этом, они зачастую переводятся с использованием речевого оборота «который...», содер-

жащим в себе также аспект долженствования («the girl to go there is my daughter» - «девочка, которая поедет туда – моя дочь»). При обзоре художественных произведений нами найдено 31 инфинитивная единица, содержащая to have и to be в подобных контекстах, например:

We learned everything when it comes to the books to be found on these shelves (Green John “The Fault in Our Stars”).

In this case, the woman to have been introduced was Maria (Green John “The Fault in Our Stars”).

Таким образом, мы пришли к выводу, что наиболее часто инфинитивы to have и to be выполняют добавочную систематизирующую функцию высказывания, реже всего – функцию определительной конструкции.

В результате исследования нами были сформулированы следующие выводы:

- в современном литературном английском языке наиболее часто употребляемыми сложными формами инфинитива являются Active Continuous Infinitive и Passive Simple Infinitive, которые с небольшими количественными изменениями остаются востребованными на протяжении исследуемых нами веков;
- сложные глагольные словоформы с инфинитивами to have и to be Active Perfect Infinitive заметно более широко использовались классиками XIX, XX веков, что можно обосновывать как стилистическими предпочтениями обозначенных авторов, так и отсутствием тенденции упрощения грамматической стороны речи в литературе того времени;
- присутствие единичных случаев таких сложных конструкций как Passive Perfect Infinitive и Perfect Continuous Infinitive в произведениях как предыдущих веков, так и современных свидетельствует о неизменном сохранении в языковом сознании сложных грамматических категорий и возможности их использования в конструкциях инфинитивом.

Список литературы

1. Кауфова Л.А. Синтаксические изменения в письменном стиле современного английского языка // Университетские чтения. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2014. 2015. № 3. Режим доступа: <https://scholar.google.ru/citations?user=dKN8gn8AAAAJhl=ru> (Дата обращения: 01.06.2022).
2. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 57
3. Матюхин А.Ю., Муртазина Д.А. Особенности перевода инфинитива и инфинитивных конструкций // Молодежный научный форум: гуманитарные науки - №4 (22) - 2015. - С. 33-42.
4. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. И 20 Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. / — М.: Высш. школа, 1981. —285 с. 90 к.
5. Минекаева Л.И. Перевод инфинитива и инфинитивных конструкций с английского языка на русский // Научная мысль XXI века: результаты фундаментальных и прикладных исследований : Материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 31 мая 2017 года. - Самара: Общество с ограниченной ответственностью "Поволжская научная корпорация 2017. - С. 65-66.
6. Фролова Е.А. Конструкция с расщепленным инфинитивом в английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2020. - №7. - С. 161-165.
7. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки дипломированных специалистов "Лингвистика и межкультурная коммуникация": (на английском языке) / М. Я. Блох. - Изд. 6-е, стер. - Москва : Высш. шк., 2008. — 421
8. Козлова, Л. А. Теоретическая грамматика английского языка : учебное пособие : для студентов и аспирантов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / Л.А. Козлова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Барнаул. гос. пед. ун-т". - Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 248
9. Жаворонкова А.А., Терентьева Е.В. О некоторых подходах к классификации фразовых глаголов английского языка . // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Нижний Новгород: Мининский университет, 2022

References

1. Kaufova L.A. Syntactic changes in the written style of the modern English language // University readings. Materials of scientific and methodological readings of PGLU. 2014. 2015. No. 3. Access mode: <https://scholar.google.ru/citations?user=dKN8gn8AAAAJhl=ru> (Date of reference: 01.06.2022).
2. Bim-Bad B.M. Pedagogical encyclopedic dictionary. — M., 2002. p. 57
3. Matyukhin A.Yu., Murtazina D.A. Features of translation of infinitive and infinitive constructions // Youth Scientific Forum: Humanities - №4 (22) - 2015. - Pp. 33-42.
4. Ivanova I. P., Burlakova V. V., Pocheptsov G. G. And 20 Theoretical grammar of modern English: Textbook. / — Moscow: Higher School, 1981. -285 p. 90 K.
5. Minekaeva L.I. Translation of infinitive and infinitive constructions from English into Russian // Scientific thought of the XXI century: results Fundamental and Applied Research : Materials of the International Scientific and Practical Conference, Samara, May 31, 2017. - Samara: Limited Liability Company "Volga Scientific Corporation 2017. pp. 65-66.
6. Frolova E.A. Construction with split infinitive in English // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. - 2020. - No.7. pp. 161-165.
7. Bloch, M. Ya. Theoretical grammar of the English language : textbook for students studying in the direction of training of certified specialists "Linguistics and intercultural communication": (in English) / M. Ya. Bloch. - Ed. 6th, erased. - Moscow : Higher School, 2008. — 421 p.
8. Kozlova, L. A. Theoretical grammar of the English language : textbook : for students and postgraduates of linguistic universities and faculties of foreign languages / L.A. Kozlova; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, State education. institution of higher Prof. education "Barnaul. gos. ped. un-t". - Barnaul : Publishing House of BSPU, 2005. — 248 p.
9. Zhavoronkova A.A., Terentyeva E.V. On some approaches to the classification of phrasal verbs of the English language . // Scientific discussion: questions of philology and methods of teaching foreign languages. Nizhny Novgorod: Mininsky University, 2022.

УДК/UDC 821.111

Врач в эпоху Просвещения. Литературный портрет

Станевич Светлана Владиславовна

кандидат филологических наук, доцент

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

г. Великий Новгород, Россия

e-mail: svetl.semyonova2013@yandex.ru

SPIN-код: 9869-0584

Назарова Ирина Геворковна

кандидат филологических наук, доцент

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

г. Великий Новгород, Россия

e-mail: vanarosa@mail.ru

SPIN-код: 9649-6060

Аннотация

Статья посвящена изображению врача в английской литературе XVIII века. На примере разбора романов Смоллета и Филдинга авторы приходят к заключению, что образ врача рисовался, в основном, сатирическими красками и представлял из себя пародию. Такая традиция изображения врача в литературе идёт из предшествующих эпох, что авторы иллюстрируют на примерах из художественных произведений. Обоснование сатирическому изображению врачебного сословия авторы находят в жизни английского общества того времени. Поступки и речи литературных персонажей мотивированы реальными практиками врачевания, что авторы показывают на примерах. Отдельно рассматривается роль латинского языка как средства речевой характеристики врача. Основной вывод заключается в том, что сатирическое изображение врача в Англии эпохи Просвещения было обосновано сложившимися социальными условиями того времени.

Ключевые слова: врач, литература, XVIII век, пародия, сатира, общество, Просвещение.

A Doctor in the Age of Enlightenment. Literary portrait

Stanevich Svetlana Vladislavovna
Ph.D., Associate Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: svetl.semyonova2013@yandex.ru
SPIN code: 9869-0584

Nazarova Irina Gevorkovna
Ph.D., Associate Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: vanarosa@mail.ru
SPIN code: 9649-6060

Abstract

The article is devoted to the image of a doctor in the English literature of the XVIII century. Analyzing the novels of Smollett and Fielding, the authors conclude that the image of the doctor was drawn mainly in satirical colors and was a parody. This tradition of depicting a doctor in literature comes from previous eras, which the authors illustrate with examples from works of fiction. The authors find justification for the satirical depiction of the medical profession in the life of English society at that time. The actions and speeches of literary characters were motivated by real healing practices, which the authors show by examples. The role of the Latin language as a means of speech characteristics of the doctor is considered separately. The main conclusion is that the satirical portrayal of a doctor in Enlightenment England was justified by the prevailing social conditions of that time.

Key words: Doctor, literature, 18th century, parody, satire, society, Enlightenment.

Роман Тобайаса Смоллета «Приключения Перигрина Пикля» увидел свет в 1751 году. В нём есть персонаж, который может вызвать интерес не только литературоведов, но и историков медицины. Это доктор, чей портрет автор на протяжении многих страниц рисует весьма сатири-

ческими красками. Действительно, это изображение врача больше всего похоже на пародию. Смоллет высмеивает спесь эскулапа, которая проявляется в его напыщенном поведении и речах, претендующих на великую учёность. Начиная с XVI века, во всех странах Европы национальные языки начали теснить латинский язык в качестве средства научного общения [1, с. 110]. Латинский язык служил знаком качества написанной на нём литературы. Только образованные люди могли читать по-латыни. По мнению учёных знатоков, это было хорошо, так как страховало от ошибок и искажений в практике, и, следовательно, служило сохранению здоровья и жизни пациента. Например, последователь Галена Джеймс Примроуз (James Primrose) указывал, что книги по медицине, которые пишутся по-английски, лишь упрощают и искажают науку, сводят на нет усилия и деньги, потраченные на классическое образование за рубежом [2, с. 41]. Так считали многие учёные. Так, Томас Джонсон, выдающийся фармацевт, просветитель, переводчик и популяризатор медицинской литературы, пишет в 1643 г.: «... для нас в наши дни великое препятствие в том, что мы должны быть вынуждены учить и понимать два или три языка, прежде чем мы сможем постичь какую-либо науку, тогда как древние учили только свой родной язык, так что могли тратить гораздо меньше времени на слова, а больше на изучение того искусства или науки, которую намеревались постичь и практиковать» [цит. по 3, с. 143]. Знание классических языков в XVIII веке по-прежнему считалось обязательным для врача, если он не хотел прослыть за шарлатана. Смоллет пародийно доводит эту врачебную особенность до абсурда. Его доктор доходит в своём преклонении перед древними до совершенно нелепых выходов, причиняющих неудобства окружающим. Он бесконечно цитирует древних авторов на языке оригинала, критикует всё современное, и даже устраивает обед по типу римских пиршеств, на котором всем приглашённым становится физически дурно от блюд, приготовленных по древнеримским рецептам. В беседе с Перигрином «самодовольный врач ... продекламировал одним духом сорок-пятьдесят стихов из «Илиады», ... затем, дабы упрочить свою победу, поразил его многочисленными ци-

татами, заимствованными у авторов, которых предполагаемый его конкурент не знал даже по имени. . . » [4, с. 207]. Таков обычный стиль беседы «педанта-доктора» [4, с. 207]. В данном случае, доскональное знание латыни и древнегреческого явно не пошло доктору на пользу, чьё нелепое тщеславие очевидно всем. Можно предположить, что Смоллет намеренно пародирует стиль поведения врачей своего времени, подавлявших окружающих изречениями на неведомых древних языках. Наружность доктора вполне соответствует его характеру и поведению, это был «молодой человек, чья осанка и выражение лица отличались грубоватой важностью и высокомерным самодовольством врача, в котором ещё не остыл научный пыл. . . » [4, с. 205]. Врачебная спесь, подкреплённая цитатами на непонятном пациентам языке, подчас не только не вызывала почтения, но, наоборот, - ненависть и презрение. Смоллет называет одно такое собрание врачей у изголовья больного «учёной шайкой» [4, с. 328]. В данном случае, Смоллет следует укоренившейся литературной традиции изображения врачей. Вот ещё один литературный пример, рисующий врачебный консилиум сатирическими красками:

. . . *Leeches* spouting *Hemorrhoidal* Blood,
The Artist too express'd the solemn State
Of grave *Physicians* at a Consult met;
About each Symptom how they disagree,
But how unanimous in case of Fee.
Whilst one *Assassin* his learn'd Colleague tires,
With quaint Impertinence, the Sick expires. [цит. по 5, с. 17]
Пиявки, кровь сосущие,
Вот так изобразил художник торжественных
Врачей серьёзное собрание;
У них раздор по каждому симптому,
Зато единодушны полностью в труда оплате.
Когда один учёный брат леченьем утомлён,
Другой собрат к леченью приступает,

И с лёгкой их руки больной наш умирает. (*Перевод наш* – С.С., И.Г.)

Подобная ситуация описана и в романе Смоллета. Каждый из членов врачебного консилиума агрессивно отстаивает своё мнение, определяя болезнь то как артрит, то как сифилис, а то как цингу. «Эти разнообразные мнения были подкреплены всевозможными цитатами из медицинских авторов, как древних, так и новых, но цитаты оказались недостаточно бесспорными или, во всяком случае, не настолько точными, чтобы решить спор, ибо много есть ересей в медицине, как и в религии, и каждая секта может цитировать отцов церкви в подтверждение догматов, ею исповедуемых» [4, с. 328]. Такое врачебное поведение в XVIII веке было обычным, так же как и в предыдущие эпохи, как можно судить по литературным источникам. Такую же схватку врачей у изголовья пострадавшего наблюдаем в знаменитом романе Генри Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша» (1749 г.): «эти два доктора ... единогласно объявили, что капитан безусловно мёртв, но что касается болезни, явившейся причиной его смерти, то мнения их разошлись: доктор Y полагал, что он умер от апоплексии, а доктор Z – что от эпилепсии. Это подавало повод к диспуту между учёными мужами, в котором каждый из них представил доказательства в пользу своего мнения. Доказательства эти оказались настолько равносильными, что лишь укрепили каждого доктора в своих мыслях и не произвели ни малейшего впечатления на противника. Сказать правду, почти у каждого врача есть своя излюбленная болезнь, которой он приписывает все победы, одержанные над человеческим естеством. Подагра, ревматизм, камни, чахотка – все имеют своих патронов в учёной коллегии, особенно же нервная лихорадка или нервное возбуждение. Этим и объясняются разногласия относительно причины смерти пациента. ...» [6, с. 84]. Традиция пародирования псевдонаучной речи докторов идёт из XVII века. Вот что пишет Джон Эрл в книге «Микрокосмография, или кусочек мира, явленный в очерках и персонажах» (1628): «Его учёность во многом состоит из заучивания трудных названий болезней и надписей на горшках, что расставлены на полках

его аптеки и его памяти. О болезнях он лишь умеет толковать, и говорит по-гречески всякий раз, когда чего-либо не знает» [цит. по 5, с. 15]. А вот ответ врача на вопрос о причине болезни в пьесе Томаса Миддлтона «Справедливый поединок» (1613): “Cava vena; I care but little for his wound i’ th’ oesophag, not thus much, trust me; but when they come to diaphragm once, the small intestines, or the spinal medul, or i’ the roots of the emunctories of the noble parts, then straight I fear a syncope; the flanks retiring toward the back, the urine bloody, the excrements purulent, and the dolour picking or pungent” («Полая вена; меня мало волнует его рана в пищеводе, не так уж, поверь мне; но как только заденет диафрагму, тонкий кишечник, спинной мозг или корни пищеварительных трактов благородных частей, тогда прямо я боюсь обморока; бока отступают к спине, моча кровавая, испражнения гнойные, а боль щиплющая или острая») (цит. по 5, с. 14). Органы и симптомы названы по-латыни. Шарлатанские средства, предложенные далее для лечения, также имеют латинский вид, среди них даже имеется *sanguis draconis* (кровь дракона). И чем более сей медик затрудняется в диагнозе и лечении, тем усерднее употребляет «научный» язык. В том же ключе изображают речь врачей и просветители XVIII века. Вот образчик учёной галиматии из романа Филдинга: «... мне известны случаи аппетита во время лихорадки, и это легко объяснить: кислота, вызванная лихорадочной материей, может раздражить нервы грудобрюшной преграды и тем самым возбудить алчность, которую нелегко отличить от нормального аппетита, но пища не переваривается, не усваивается желудочным соком и вследствие этого разъедает отверстия сосудов и усиливает лихорадочные симптомы. Отсюда я заключаю, что положение джентльмена опасное, и если не пустить кровь, то, боюсь, он не выживет» [6, с. 362]. Речь врачей, в том числе хирургов, пересытана латинскими словечками. В романе Смоллета врач употребляет такие латинские слова и выражения, как *liquidum nervosum*, *saliva*, *virus*, *venienti occurrite morbo* (нервная жидкость, слюна, яд, противостоять болезни) [4, с. 270]. В романе Филдинга, в речи хирурга встречаются такие слова, как *tibia*, *cutes*, *os*, *vulneris* (берцовая кость, кожные покро-

вы, кость, раны (в родительном падеже)) [6, с. 335-336]. Врачи просто вставляют в речь вместо английских слов латинские: «os ... явственно видна была в отверстие vulneris» [6, с. 336]. Ученые медики склонны также к употреблению латинских афоризмов, которые они применяют к медицинским состояниям: «О ранах справедливо и правильно сказано: nemo repente fuit turpissimus» (никто не становится злодеем вдруг) [6, с. 335].

Врачи часто появляются на страницах романов просветителей, но, в основном, как второстепенные персонажи. Когда главный герой или героиня заболевает (что нередко происходит после душевных потрясений), появляется врач. Диагноз в таких случаях однотипен – нервная лихорадка, универсальное средство лечения – кровопускание. Частыми недугами в романах были также подагра и ревматизм, но они настигали не романтических молодых героев, а их дядюшек и тетюшек, любивших плотно закусить и приложиться к бутылочке. Вообще, когда читаешь описания трапез в романах просветителей, а позже и писателей викторианского периода, трудно отделаться от мысли, что рацион был далек от принципов здорового питания. Как пример гастрономических вкусов эпохи приведём описание свадебного пира: «Огромный пилав, в состав которого входил большой кусок говядины, нарезанной ломтиками, две курицы и полгарнца риса, дымился посреди стола; рыба, плавающая в масле, была поставлена по обоим его концам. Рядом с ней красовалось лакомое кушанье, известное под названием лобскус, и блюдо сальмагонди. На смену им появился гусь чудовищных размеров, защищённый с флангов двумя цесарками, зажаренной целиком свиной тушей, солёным свиным окороком, окружённым гороховым пюре, бараньей ногой, зажаренной с картофелем, и бараньей ногой, сваренной с ямсом. Третьей переменной явилась филейная часть свиньи с яблочным соусом, козлятина, тушенная с луком, и черепаха, запечённая в своём щите, а в заключение был подан гигантский пирог с солониной и великое множество лепешек и оладьев» [4, с. 57]. Всё это мясное изобилие сопровождалось «большим количеством крепкого пива, флипа, рома, бренди, а также барбадосской

водой для леди» [4, с. 57]. Нетрудно заметить почти полное отсутствие овощей и фруктов, которые в то время считались вредными для здоровья, особенно свежие. Такая диета способствовала развитию подагры, частому заболеванию среди обеспеченного класса. Справедливости ради, надо отметить, что медицинское обоснование умеренного и благонравного, «естественного» образа жизни постепенно начинает превалировать в общественной жизни XVIII века. Распространяется медицинское просвещение: публикуются издания полезных медицинских советов, в особенности, начиная с середины столетия [7, с. 24]. Профилактика заболеваний овладевает умами медиков, соблюдение режима (питьевого, пищевого, сна, физических упражнений) ставится во главу угла и становится своего рода медицинской модой [7, с. 23-24]. Превентивная медицина развивалась на основе взглядов Гиппократов на соматический и экstrasоматический баланс. Пионерами нового профилактического направления в медицине стали Джон Арбетнот, Джордж Чейни, Томас Гарнетт, Уильям Каллен и др. Джон Арбетнот (John Arbuthnot), лейб-медик королевы Анны, член Королевского Колледжа Врачей (Royal College of Physicians), известный публицист своего времени, друг Александра Поупа и Джонатана Свифта, в 30-х гг. XVIII века написал трактаты, посвящённые теме “non-naturals” (неприродные вещества): “The Nature of Aliments” («Природа питательных веществ») и “The Effects of Air on Human Bodies” («Воздействие воздуха на человеческий организм») [8, с. 320]. Под названием “non-naturals” имелись в виду внешние факторы, влияющие на здоровье: пища, климат, физические упражнения и т.п.

Методы лечения того времени отражают общепринятые в медицинской среде взгляды на природу болезней. Гуморальная (лат. humor влага) теория Гиппократов по-прежнему считается бесспорной. В этом смысле ничего не изменилось с XIV-XV веков. Так, известный дерматолог своего времени Daniel Turner в своём труде «De morbis cutaneis» («О кожных болезнях») 1714 года определяет состояние кожи как показатель внутреннего гуморального расстройства [9, с. 467]. Даже чесотка (scabies) была заболеванием гуморального типа, по его мнению. Термин

plethora буквально означал *полнокровие* и связывался с гуморальной теорией и теорией воспаления. Термины contagion (лат. *contagio* заражение) и inflammation (лат. *inflammatio* воспаление) обозначали состояния, противоположные по своему происхождению. Воспаление было связано с plethora и требовало кровопускания. Лихорадки были следствием плохих жизненных условий и следствием плохих жидкостей организма, которому не хватало питания. Плохой гумор следовало выводить. Об этом пишут, например, William Buchan в своей “Domestic Medicine” («Домашняя медицина») и Hugh Smith в 1761 году [9, с. 469]. В речи врачей такие определения, как *холодный, сухой, горячий, влажный*, используются согласно теории жидкостей организма (кровь, флегма, жёлтая желчь, чёрная желчь). Баланс жидкостей в организме восстанавливается сочетанием холодных и горячих методов лечения. В романе Смоллета возникает спор между врачом и студентами «по вопросу о холодных и горячих методах лечения подагры и ревматизма», быстро перешедший в перебранку [4, с. 308]. «Возбуждающие напитки», и среди них cordial water (букв. сердечная вода от лат. *cor* сердце), считаются универсальным укрепляющим средством, болящие прописывают их себе сами при каждом удобном случае. Для «сердечной воды» или кордиала создавались различные смеси. Изначально такие напитки производились в итальянских аптеках в эпоху Возрождения, где искусство дистилляции было усовершенствовано в XV-XVI веках. «Сердечная вода» обычно основывалась на спирте, в котором давали настаиваться некоторым травам, специям или другим ингредиентам (иногда таким, как золото, жемчуг, кораллы, так как считалось, что они оживляют дух и предотвращают болезни). В Англии кордиалы получили широкое распространение с конца XV века. Они использовались как алкогольные лекарства, прописывались в небольших дозах для бодрости и оживления сердца, тела и духа, а также для лечения болезней. Знаменитый в истории литературы эликсир Даффи (Daffy’s Elixir), появившийся в 1647 г. благодаря священнику Томасу Даффи, тоже был «сердечной водой»: его состав, помимо алкоголя, включал анис, девясил, укроп, петрушку, ревень, сенну, испанскую

солодку и кошениль. В «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса Люси получает от Деда Мороза в подарок бутылочку с напитком: «В бутылочке, - сказал он, - напиток из сока огненных цветов, растущих в горах на Солнце. Если ты или кто-нибудь из твоих друзей будет ранен, нескольких капель достаточно, чтобы вас исцелить» (*перевод Н. Трауберг*). Собственно, это и была cordial water. Кордиалы изготавливались не только врачами, но и обычными хозяйками, которые применяли их направо и налево. В романе Смоллета «Приключения Перегрина Пикля» одна такая хозяйка, заметив, что её беременная невестка съела персик (свежие фрукты считались вредными), «сбегала за возбуждающим напитком своего собственного изготовления, который заставила проглотить свою невестку, дабы обезвредить принятый ею яд» [4, с. 37]. В другом случае, гувернёр Перегрин «укрепляет желудок» возбуждающим напитком и рекомендует его своему подопечному как «противоядие от тумана» [4, с. 310]. Врачи прописывали кордиальные напитки и себе. Так, в дневнике врача из кафедального городка Wells есть запись о том, что он принимал, когда у него была лихорадка: «очистительная пилюля, немного чая с бальзамом, затем кордиальное питьё» (цит. по 8, с. 329). Постепенно кордиалы перестали использоваться как лекарство и превратились в то, что теперь называется *ликерами*.

Кровопускание (англ. bloodletting или, научное название, phlebotomy (от латинского термина греческого происхождения phlebotomia *вскрытие вены*)) остаётся самым популярным способом облегчить состояние больного. Оно считается незаменимым средством при различных лихорадках, в том числе тифозной (typhous fever): необходимо «отворить» застоявшуюся воспалённую кровь, чтобы больному стало легче. Диагноз «лихорадка» имел очень широкую этиологию. Лихорадка делилась на подвиды в зависимости от места происхождения. В середине XVIII столетия сэр John Pringle в своих трактатах описывал camp fever, hospital fever, jail fever (лагерная лихорадка, больничная лихорадка, тюремная лихорадка) [9, с. 468]. Упоминания о кровопускании в различных обстоятельствах часто встречаются на страницах романов. Обычно это вы-

разительные жанровые сценки. В романе Филдинга этой процедуре подвергается Софья, пережившая испуг после падения с лошади: «... хирург ... привел столько доводов в пользу кровопускания и столько примеров несчастий вследствие пренебрежения этим средством, что сквайр проявил ещё большую настойчивость и решительно потребовал от дочери, чтобы она согласилась» [6, с. 166]. Кровопусканием часто занимались цирюльники. В романе Филдинга, после несчастного случая постигшего главного героя, все окружающие начинают предлагать «разные средства», при этом все «сходились на том, что надо пустить кровь. К несчастью произвести эту операцию было некому; все кричали: «Позовите цирюльника!» - и никто не трогался с места» [6, с. 333]. Надо отметить, что пациенты порой стараются увильнуть от этой процедуры, что вызывает врачебный гнев. В романе Филдинга, когда Том Джонс пытается отказаться от кровопускания, он получает следующий ответ: «Ишь какой приткий! Нет, от таких контузий скоро не поправляются. Позвольте вам заметить, сэр, что я не привык получать указания от своих пациентов и непременно должен пустить вам кровь, прежде чем делать перевязку» [6, с. 362]. Надо признать, что метод кровопускания как универсального средства для лечения любой болезни имел своих критиков и среди медиков (немногочисленных и подвергавшихся осуждению со стороны медицинских собратьев). Так, в 1824 году Nathan Smith, профессор медицины из Йеля, в своем «Трактате о тифе» подверг сомнению целесообразность применения этого средства при лечении тифа. Он даже высказал предположение, что кровопускание может ухудшать состояние больного [9, с. 465].

Характерное отношение эпохи к профессии хирурга как не вполне медицинской также отражено в художественных произведениях. Приведем как пример следующую цитату из популярной пьесы:

- Дайте мне руку – по своему ремеслу вы либо мясник, либо хирург.
- Верно, я мясник.
- Значит, можешь стать и хирургом – занятия отличаются только названием. Тот, кто может резать быка, способен резать и человека;

столь же ловко отрежешь руку или ногу, как и сломаешь мозговую кость.
[цит. по 5, с. 19]

Обязанности хирурга и цирюльника нередко совмещались одним лицом, как мы видим в романе Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша». Бенджамин, в прошлом педагог, ныне цирюльник и хирург, так говорит о разделении двух профессий, врача и хирурга: «Вы напомнили мне о жестоком разобщении двух связанных между собой братств, губительном для них обоих, как и всякое разъединение, по старинной пословице: *vis unita fortior* [*соединённые силы мощнее*], и найдётся немало представителей того и другого братства, которые способны их совместить» [6, с. 324]. Кровопускание, покой, поездка на воды в Бат или за границу подходят для лечения почти любой болезни, даже паралича: «... я отправился, по совету врача, на воды в Бат: сидячий образ жизни и глубокая удручённость привели меня к своего рода паралитическому состоянию, от которого батские воды считаются превосходным лекарством» [6, с. 420]. Если болезнь редкая, то и способ её лечения может быть экзотичен. На страницах романа Смоллета упоминается болезнь под названием греческого происхождения *hydrophobia* (водобоязнь). Для полного прояснения диагноза, врач решает облить больного водой, а лучше содержимым ночного горшка, «которое, будучи насыщено солью, подействует сильнее, чем чистая вода» [4, с. 270]. Набор лечебных средств, применяемый чуть ли не во всех случаях, традиционен и перечисляется на страницах литературных произведений: *vomit*, *purge*, *bleeding*, *clyster*, *cataplasm*, *pill* (рвотное, слабительное, кровопускание, клистир, припарка, пилюля). Все названия латинского происхождения, за исключением слова *bleeding* (кровотечение), используемого с XIV века. Нередко медики вооружены и вспомогательными средствами: *lettice cap*, *posset drink*. *Lettice cap* с XVI века обозначало белую меховую шапочку, закрывающую уши и часть щеки. *Posset drink* стоит в том же ряду укрепляющих напитков, что и уже упоминавшийся *cordial* и примыкавшие к нему *hippocras* и *julep* (гиппокрас, джулеп). Поссет – это горячий напиток

из молока, вина и пряностей. Вот цитата из популярной пьесы (Джона Флетчера и его соавторов) 1621 года:

Armies of those we call physicians;
Some with clysters, some with lettice-caps,
Some posset-drinks, some pills, twenty consulting here
About a drench, as many here to bleed him. [цит. по 5, с. 17]
Армии тех, кого зовём мы врачами;
Кто с клистирной трубкой, кто с чепчиком на меху,
С поссетами и пилюлями, не менее двадцати советуют
Выпить лекарство, и столько же требуют кровопускания.

В ряду шарлатанских средств особенно целительной считалась *mumia* (лат. мумия), используемая в форме порошка. С XVII века последователи Парацельса считали мумию практически панацеей. В одной пьесе некий остроумный персонаж так и заявляет: «Сделай из меня мумию и отошли аптекарю» [5, с. 22]. В трагедии Шекспира «Отелло» также есть намёк на веру в целительные магические свойства мумий. Отелло говорит о платке Дездемоны, подчеркивая его особенную ценность:

Волшебная таинственная ткань
Окрашена могильной краской мумий. (*Перевод Б. Пастернака*)

Надо сказать, что в обществе к врачам часто относились с пренебрежением, особенно люди высокого социального положения. Их рассматривали как буржуа, наравне с торговцами. Смоллет описывает жанровую сценку в театре, где французский дворянин, мушкетер, «без малейшего повода, но исключительно из похвальбы и задора» унижает «весьма приличного молодого человека» [4, с. 195]. Своим приятелям он объясняет своё поведение так: «Ей-богу, я думаю, что он врач», на что Перигрин Пикль с возмущением ему отвечает: «Сэр, врач может быть человеком чести» [4, с. 195]. Презрение знати к врачам было общим с тем видом презрения, которое аристократы питали к любым людям, вынужденным трудом зарабатывать себе на хлеб. Буржуа, т.е. городской слой общества, занимавшийся предпринимательством, в глазах аристократии был так же презрен, как и слуги, и крестьяне. Врач был буржуа. Не

только социальное положение врача вызывало неприязнь сограждан. На врачебном поприще часто подвизались шарлатаны. Перигрин Пикль, отличающийся острым умом и пониманием природы человека, делает ряд интересных наблюдений на курорте в Бате. «Он заметил, что среди тайных агентов злословия никто так не усердствовал, как врачи – разнообразие животных, которые обитают здесь, подобно воронам, кружащимся над трупом, и навязывают свои услуги, подобно перевозчикам. . . . Большинство из них имеет корреспондентов в Лондоне, которые занимаются тем, что наводят справки об истории, характере и слабостях каждого отправляющегося в Бат лечиться водами. . . . Прибегая к таким средствам, а также к лести и наглости, доктора часто втираются в доверие к незнакомым людям и, приноравливаясь к их наклонностям, делаются незаменимыми и потворствуют их страстям. Благодаря связи с аптекарями и сиделками они осведомлены обо всех интимных событиях в любой семье и потому имеют возможность утолять мстительное чувство затаённой обиды, рассеивать сплин брюзгливых больных и разжигать дерзкое любопытство» [4, с. 327]. Перигрин, склонный к шалостям, а иногда и к хулиганству, не раз избирал объектом своих проказ врачей. Один из персонажей романа, мизантроп Крэбтри, рассказывает Перигрину, что в своё время выдавал себя за странствующего врача и преуспевал на этом поприще, «продавая слабительные средства» [4, с. 338]. Корыстолюбие врачей, даже и не шарлатанов, часто подчёркивается в романах XVII-XVIII веков. Из художественных произведений мы можем узнать, что труд врачей неплохо оплачивался. В среднем, врач получал от клиента золотую монету (angel), что равнялось примерно 10 шиллингам [5, с. 29]. В истории сохранилось сатирическое замечание Николаса Калпепера (1616 – 1654), врача, фармацевта и ботаника: “Physicians of the present day are like Balaam’s ass; they will not speak until they see an angel” («Современные врачи подобны Валаамовой ослице; они не заговорят, пока не увидят ангела»). В данном случае имеет место игра слов: angel - не только ангел, но и золотая монета. В романе Филдинга врачи «затруднялись, чем заполнить время, которое, согласно обычаю и требованиям прили-

чия, полагается провести у постели пациента за полученную плату» и потому вступают в пустой, с виду учёный, спор друг с другом, чтобы произвести впечатление на окружающих и не упустить свои деньги [6, с. 84]. В другом месте романа врач тут же отказывается от продолжения лечения Тома Джонса, узнав от хозяйки трактира, что тот «гол как сокол» [6, с. 362]. К корыстолюбию врачей присоединяется тщеславие, из-за которого врач «сохраняет серьёзное выражение лица и многозначительно покачивает головой при самом пустячном заболевании» [6, с. 211]. Объясняется такой врачебный обычай следующим образом: «Производя хирургические операции, человек должен напускать на себя важный вид, иначе никто не станет к нему обращаться» [6, с. 374]. Таким образом, просветители не идеализировали врача, но, напротив, часто его высмеивали.

Итак, литература того времени часто рисовала портрет врача сатирическими красками. Большинство изображений являлись пародиями. Наличие большого числа шарлатанов имело свои социальные корни и было вызвано лёгкостью, с которой тогда можно было получить лицензию на врачевание: лицензии выдавались епископами, гильдиями хирургов и цирюльников, двумя университетами, и Колледжем Врачей [5, с. 32]. Только в XIX столетии профессия врача становится более регламентированной государством. Этот процесс идёт параллельно с углублением медицинского знания, упорядочением медицинского образования. В XIX столетии образ врача-викторианца в литературе заиграл новыми красками и получил гораздо более благоприятное освещение.

Список литературы

1. Johnson, F. R. (1944). Latin versus English: The Sixteenth-Century Debate over Scientific Terminology. *Studies in Philology*, 41(2), 109–135. <http://www.jstor.org/stable/4172651>
2. Wear Andrew. *Knowledge and Practice in English Medicine, 1550-1680*. Cambridge Univ.Press, 2000 – 497 p.
3. Domíniguez-Rodríguez, M. Victoria. “‘Profiting Those That Cannot Understand the Latine’: Exploring the Motives for Medical Translation in 17th – Century

England. *Neuphilologische Mitteilungen*, vol. 115, no. 2, 2014, pp. 131–152., www.jstor.org/stable/43344637. Accessed 22 Jan. 2021.

4. Смоллет Т. Приключения Перегрин Пикля. Роман. – Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1955. – 719 с. / Smollett T. *The Adventures of Peregrine Pickle. Novel.* – State Publishing House of Fiction, Moscow, 1955. – 719 p.

5. Brewster, P. G. (1962). Physician and Surgeon as Depicted in 16th and 17th Century English Literature. *Osiris*, 14, 13–32. <http://www.jstor.org/stable/301866>

6. Филдинг Г. История Тома Джонса, найдёныша: роман / Генри Филдинг ; пер. с англ. А. Франковского. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 960 с. / Fielding G. *The Story of Tom Jones, the Foundling: a novel* / Henry Fielding ; translated from the English by A. Frankovsky. – St. Petersburg : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2016. – 960 p.

7. Mallory-Kani, Amy. “‘A Healthy State’: Mary Wollstonecraft’s Medico-Politics.” *The Eighteenth Century*, vol. 56, no. 1, 2015, pp. 21–40., www.jstor.org/stable/24575124. Accessed 7 Feb. 2021.

8. LE FANU, W. R. (1972). THE LOST HALF-CENTURY IN ENGLISH MEDICINE, 1700-1750. *Bulletin of the History of Medicine*, 46(4), 319–348. <http://www.jstor.org/stable/44450817>

9. NIEBYL, P. (1977). THE ENGLISH BLOODLETTING REVOLUTION, OR MODERN MEDICINE BEFORE 1850. *Bulletin of the History of Medicine*, 51(3), 464–483. Retrieved August 6, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/44451270>

УДК/UDC 484.3

Причастно-послеложные конструкции уйгурского языка в сравнительном освещении

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович
доктор филологических наук, профессор директор этнокультурного центра
«Ренессанс»
Иссык-Кульский государственный университет
Каракол, Кыргызская Республика
e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru
SPIN-код: 1628-6467
Author-ID: 872587

Абдуллаева Гаухар Сайфуллаевна
аспирант
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
e-mail: sayfylla-ab@rambler.ru

Аннотация

В статье описываются причастно-послеложные конструкции уйгурского языка. Они являются особым типом полипредикативных конструкций. Причастно-послеложные конструкции уйгурского языка имеют параллели в других тюркских и монгольских языках. Они строятся по определенным моделям. Модели представляются при помощи специальных формул.

Ключевые слова: причастие, инфинитная форма, послелог, служебное имя, причастно-послеложная конструкция.

Participial- postpositional constructions of the Uyghur language in comparative coverage

Abdullaev Sayfulla Nurmukhamedovich, PhD, Professor
Director of the Renaissance Ethnocultural Center
Issyk-Kul State University
Karakol, Kyrgyz Republic
e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru
SPIN code: 1628-6467
AuthorID: 872587

Abdullayeva Gauhar Saifullayevna
postgraduate student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
e-mail: sayfylla-ab@rambler.ru

Abstract

The article describes participial-postpositional constructions of the Uyghur language. They are a special type of polypredicative constructions. Participial-postpositional constructions of the Uyghur language have parallels in other Turkic and Mongolian languages. They are built according to certain models. Models are presented using special formulas.

Key words: participle, infinitive form, postposition, participle-postposition construction.

Целью настоящей статьи является обращение к особому типу полипредикативных предложений аналитико-синтетического типа в современном уйгурском языке. Несмотря на то, что термин «причастно-последложная конструкция» на первый взгляд предполагает сочетание причастий и последлогов, речь идет именно о полипредикативных предложениях.

При обращении к синтаксическому строю современных тюркских и монгольских языков можно выделить отдельную разновидность полипредикативных конструкций (ППК), которые причисляются к ППК аналитико-синтетического типа. Они называются причастно-последложными конструкциями [10; 3, с. 15]. Как явствует из термина «причастно-последложная конструкция», такие структуры состоят из причастных глагольных форм, с одной стороны, и последлогов как служебных слов – с другой. Такие сочетания часто упоминаются при описании сложноподчиненных предложений в привлеченных языках, когда речь идет о средствах соединения предикативных частей в составе сложноподчиненного целого. В частности, исследователи синтаксического строя современного уйгурского языка отмечают, что синтетическая модель сложного предложения характеризуется тем, что средства связи между предложениями (аффиксы, последлоги и служебные имена) входят в состав сказуемого придаточного предложения, образуя его форму [11, с. 323]. Следовательно, сочетания

причастий с послелогоми рассматриваются как один из способов «сложного подчинения» зависимой предикативной единицы главной [11, с. 313].

Как утверждают М.И. Черемисина и Е.К. Скрибник, описывая причастно-послеложные конструкции в одном из монгольских языков – бурятском, «в работах по алтаистике, и прежде всего по тюркологии, постоянно отмечается существование разнообразных конструкций, в составе которых послелог связан с причастием; функционирование таких конструкций подобно функционированию падежных форм причастий – в составе зависимой части сложноподчиненного предложения или «оборота», распространяющего простое предложение. Однако в качестве особой, аналитико-синтетической конструкции, заслуживающей специального внимания с позиций полипредикативного синтаксиса, эти формы осознаны пока, как нам кажется, недостаточно» [14, с. 38].

Как мы отметили, из-за своей продуктивности сочетания причастий в той или иной падежной форме, с одной стороны, и послелогов – с другой часто упоминаются в лингвистической литературе по тюркским и монгольским языкам, а также по сопоставлению этих языков с языками другого строя, например, с русским или английским языками. Такие сочетания отмечаются в качестве средств соединения предикативных единиц в сложноподчиненном предложении и рассматриваются в качестве параллелей союзов и союзных слов в русском языке [Ср. 11, с. 409-421]. Так, например, Н.Х. Демесинова в своей работе «Развитие синтаксиса современного казахского языка» пишет: «Именно присоединение аффиксов и послелогов оформляет и обуславливает в таких случаях сказуемость функцию причастия» [5, с. 137].

Надо отметить, что нередко в качестве средства выражения

подчинительной синтаксической связи упоминаются только аффикс падежа и послелог. Причастие расценивается как глагольная форма сказуемого простого предложения в составе сложного целого.

В работах приверженцев Новосибирской синтаксической школы сформировался более специфический подход к названным структурам. Во-первых, причастно-послеложные конструкции стали описываться как единицы языка в виде отдельных сущностей – моделей. Во-вторых, под причастно-послеложными конструкциями стали пониматься не просто сочетание причастия и послелога, а все сложное предложение, вся ППК, где средством синтаксической связи и показателем смысловых отношений выступало сочетание аффикса конкретного причастия с конкретным послелогом [12, с. 35]. Обратимся к примеру из современного уйгурского языка:

Уйг. *Балилар ойғанғанға қәдәр, без чай ичивалдуқ* ‘Мы попили чай до того, как проснулись дети’

Это пример причастно-послеложной конструкции, построенной по модели, формулу которой можно представить следующим образом:

$\{(N_{nom} \Leftrightarrow Tv=ган//га қәдәр) (ГПЕ)\}$ – до того как

Приведенный пример-иллюстрация является реализацией ППК аналитико-синтетического типа. Послелог и морфологические показатели причастной формы на –ган и дательного падежа находятся в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), которая предшествует главной предикативной единице (ГПЕ). Послелог и соответствующая цепочка морфем показывают факт и характер синтаксического подчинения, т.е. то, что выражаются смысловые отношения предшествования во времени события главной предикативной единицы событию зависимой предикативной единицы. Подлежащее в зависимой предикативной единице употребляется в форме прямого (номинативного, именительного,

неопределенного, основного) падежа.

Ниже мы будем употреблять термин «причастно-последложная конструкция» в качестве гиперонима, включающего употребление не только причастий и собственно последлогов, но и отглагольных имен (масдаров, имен действия), а также служебных имен, которые функционально уподобляются собственно последлогам. Наше решение обусловлено тем, что во всех этих случаях используется одинаковая языковая техника, которая позволяет формировать ППК аналитико-синтетического типа. Аналитического типа, потому что используются служебные слова, а синтетического типа, потому что с последлогами и служебными именами сочетаются причастные и масдарные аффиксы, которые входят в синтетическую форму глагольной части зависимого сказуемого.

В современных тюркских и монгольских языках представлены причастно-последложные конструкции, являющиеся разновидностью полипредикативных конструкций (ППК) аналитико-синтетического типа. Такие ППК разбиваются на разряды в зависимости от того, какой формой инфинитного сказуемого возглавляется полипредикативное предложение. Кроме того, во внимание принимается то обстоятельство, какой способ подчинительной синтаксической связи реализуется при подчинении зависимой предикативной единицы главной.

В тюркологии базой для адекватного понимания и описания полипредикативных конструкций являются работы известного тюрколога Е.И. Убрятовой. Со стороны структуры выделяются ППК аналитического и синтетического типов. Они различаются по способу соединения предикативных единиц в составе ППК. В ППК аналитического типа предикативные единицы соединяются при помощи скреп типа союзов. Например, в современном уйгурском языке

в ППК

Уйг. *Балилар иссиқ кийинивалди, чўнки хава райи соғуқ еди.* – ‘Дети оделись тепло, так как погода была прохладной’

две предикативные единицы соединяются между собой при помощи аналитической скрепы – союза **чўнки**.

В ППК аналитического типа предикативные единицы устроены примерно так же, как и простые предложения. Для тюркских языков принципиальную значимость здесь исследователи усматривают в том, что сказуемые как и в простом предложении, так и в предикативных единицах в составе ППК аналитического типа имеют личную, или, как говорят алтаисты, финитную форму. Поэтому они замыкают готовые структуры, которые как кирпичики соединяются при помощи аналитических скреп. Причастно-последовательные конструкции как объект нашей исследовательской работы построены по иной типологической схеме.

Причастия как инфинитные формы глагола

Причастие в «Словаре лингвистических терминов» определяется как склоняемое глагольное имя [4, с. 363]. Причастия – активно употребляемая форма глагола в тюрко-монгольских языках. Они отличаются своей полифункциональностью. В разных конкретных языках отмечаются разные наборы причастных форм. В основном они дифференцируются по темпоральному значению. Выделяются причастные формы прошедшего времени, настоящего времени, будущего времени, настояще-будущего времени. Например, в уйгурском языке – причастие прошедшего времени на –ган, настояще-будущего времени на –ар [6, с. 314-315]. В киргизском языке выделяется причастная форма еще не осуществившегося действия на –а элек [2, с. 96-110]. Она отмечается только в сибирских тюркских языках [2, с. 96].

Выделяются следующие функции причастий: 1) функция определения 2) функция сказуемого простого предложения; 3) функция зависимого сказуемого в полипредикативном сложном предложении. В контексте нашей работы для нас более интересна третья функция, поскольку именно в этой функции причастия сочетаются с послелогоми и другими служебными словами. Например:

Тат. *Балалар зурайган саен, мэсьэлэлэр күбэйдэ* 'По мере того, как дети подрастали, увеличивались проблемы'

В этом примере причастие прошедшего времени на -ган сочетается с послелогом *саен*. Передается значение повторяемости событий, описываемых в главной и зависимой предикативных единицах. Причастие употреблено в роли сказуемого зависимой предикативной единицы, т.е. в инфинитной форме, в составе которой оно сочетается с соответствующим послелогом, управляющим падежной формой номинатива (именительного падежа).

Послелогии и послеложные конструкции

Послелогии называют «служебное слово (служебный элемент), выполняющее морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогу, но в отличие от последнего находящееся в постпозиции и нередко не обладающее свойством раздельнооормленности» [4, с. 341].

Послелогии – это одна из разновидностей служебных слов, составляющих типологическую особенность тюркских и монгольских языков. Свое название они получили потому, что, сочетаясь со знаменательными словами, следуют за ними в постпозиции. Этим они отличаются от предлогов, например, в русском языке.

Обратимся к определению послелогов на материале тувинского языка. Авторы «Грамматики тувинского языка» пишут: «Послелогом называется неизменяемая служебная часть речи, которая употребляется в синтаксическом сочетании с знаменательным словом

(существительным, местоимением и какой-либо именной формой глагола или субстантивированным словом из других частей речи), образует вместе с ним зависимый член предложения, управляемый другим членом предложения (обычно представляющим собой глагольную форму, иногда существительное, прилагательное и т.п.) и поясняющий его в пространственном, временном и различных других отношениях» [7, с. 434].

Послелог связывают не только отдельные зависимые слова со словами, от которых они зависят, но зачастую они выполняют аналогичную функцию в сложном предложении. Послелог связывают предикативные части сложного предложения, выполняя функцию подчинительных союзов [7, с. 435].

Послелог делятся на собственно послелог и функционально близкие к ним служебные имена. Еще Т.М. Мелиоранский отмечал, что к послелогам относятся слова, имеющие самостоятельное значение *алд, аст, уст* [8, с. 68]. Другие послелог, писал автор, «не имеют самостоятельного значения – *менен, бери*» [8, с. 69]. Следовательно, фактор изменяемости / неизменяемости в тюркских языках маркирует две группы служебных слов. Собственно послелог являются неизменяемыми словами, а служебные имена способны присоединять аффиксы падежей и лично-притяжательного оформления [17, с. 434].

Например:

Уйг. *Униң орниға Қумулниң веңи килип, Арсилан хан өз кейнатиси Буғузун бәғни бәлгүләди (ХА ОЧ 331) 'Вместо него Арсилан хан ваном Кумула назначил своего тестя Бугузун бека'*

В данном случае послелог *орниға* сочетается с местоимением *у* в родительном падеже.

Еще пример:

Тат. *Салкын көзге яңгыр сөякләргә кадәр үтеп өшетә (АА Т 3)*

‘Холодный осенний дождь произывает до костей’

Здесь послелог *кадэр* управляет формой дательно-панравительного падежа.

Послелог и служебные имена расширяют, дифференцируют и уточняют значения падежей. Они сочетаются со знаменательными словами, в том числе и с причастиями, в форме того или иного падежа. Поэтому говорят о своеобразном послеложном управлении [1, с. 137]. Так, в современном татарском языке выделяются послелог (бэйлеклэр), которые управляют основным, дательно-направительным и исходным падежами [16, с. 258].

Послелог и служебные имена могут сочетаться как с именами, так и с причастиями и другими глагольными формами. В целом функционирование послелогов хорошо изучено на уровне простого предложения. Особенно различие по сравнению с функционированием на уровне сложного, полипредикативного предложения заметно на материале монгольского языка [10, с. 38].

Субстантивно-послеложные сочетания функционируют на уровне простого предложения, образуя свою форму [9, с.35], а причастно-послеложные конструкции являются единицами синтаксиса сложного предложения. Другими словами, одни и те же послелог могут употребляться на двух уровнях синтаксической системы языка. Однако в разных языках встречаются отдельные послелог, которые могут употребляться только на одном уровне.

В монгольском языке отдельные авторы, обращаясь к причастно-послеложным конструкциям, выделяют 63 послелога [10, с. 38]. При этом они обнаружили, что в сфере ППК употребляются 57 послелогов [10, с. 38]. Другими словами, на уровне полипредикативных построений употребляется меньше послелогов.

Общая закономерность такова, что отдельные послелог,

используемые в простом предложении, не участвуют в построении ППК. Однако исследователи монгольского языка тем не менее пишут, что «не исключено, что некоторые послелого могут оформлять только ППК» [10, с. 38]. Наши наблюдения подтверждают истинность таких предположений. Например, в современном уйгурском языке есть такой послелог. Это послелог *сири*. Он встречается только в составе причастно-послеложных конструкций. Например:

Уйг. *Ямғур яққан сири, кочилар патқақ болувәрди* 'По мере того, как шли дожди, улицы становились грязными'

Значение периодичности повторяющихся событий в главной и зависимой предикативных единицах в других тюркских языках передается причастиями в сочетании с послелогом *саен/ сайын*. Это послелог может употребляться и в простом предложении в составе субстантивно-послеложных сочетаний. Например:

Кирг. *Айыл сайын* 'в каждом селе'

Тат. *Кеше саен* 'у каждого человека' Пример употребления данного послелога в ППК в татарском языке см. выше.

Что касается уйгурского языка, то на уровне простого предложения значение периодичности выражается при помощи частицы *һәр* 'всякий, каждый', которая употребляется с нумеративом *бир* 'один'.

Например:

Уйг. *Һәр бир өйдә* 'в каждом доме'

Обращаясь к ППК времени в современном тувинском языке, Л.А. Шамина констатирует, что «чем сложнее выражаемые моделью семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее оказывается ее структурная организация» [13, с. 69]. Это, очевидно, справедливо и в отношении причастно-послеложных ППК.

Надо отметить одну особенность падежно(субстантивно)-

последложных конструкций в простом предложении, которая находит свои параллели и на уровне причастно-последложных конструкций. Речь идет о том, что когда выражаются темпоральные логико-смысловые отношения (значение времени), то возникает необходимость указывать на временной интервал между событиями (день, два дня, три года и т.д.). Для этого в привлеченных языках применяется следующая языковая техника: между знаменательным словом и последлогом встраиваются слова, которые и называют тот временной разрыв между двумя ситуациями. Например:

Тат. *Соңгы тапкыр ул картаны моннан бер ай элек ашады* (ЭФ Т 5) 'Последний раз он ел требуху месяц назад'

В данном примере в составе субстантивно-последложного сочетания между местоимением моннан и последлогом *элек* вставляются конкретизаторы *бер ай* «один месяц».

Теперь позволим себе обратиться к причастно-последложным конструкциям с целью выяснить, как выражается информация о временном интервале между двумя развернутыми событиями. Оказывается, что языковая техника алтайских языков здесь такая же. Различие только в том, что слова, указывающие на конкретный интервал, употребляются между причастием в той или иной падежной форме и конкретным последлогом. Например:

Уйг. *Жиғин өткэндин йерим жил бурун, шәһәргә бир топ һәрбийләр келип кәткән* (ЖБ К-К 71) 'За полгода до того, как прошло это собрание, в город приезжала группа военных'

В настоящем примере мы видим, что интервал в полгода между двумя событиями – проведением собрания и приездом группы военных – выражается при помощи слов, которые вставлены между причастием прошедшего времени на -ган и последлогом *бурун*. В причастно-последложной конструкции выражается не просто

грамматическое значение предшествования события в главной предикативной единице событию в зависимой предикативной единице, а конкретизированное предшествование с указанием на конкретный разрыв во времени.

В нашей работе мы рассматриваем причастно-последложные конструкции на уровне языковых моделей. Под моделью нами понимается научный конструкт, который отражает языковую сущность, согласно которой в речи возможно построение бесконечного множества причастно-последложных конструкций на уровне речи. Модели, как уже упоминалось выше, можно представлять в научном описании специальными формулами. Например:

Уйг. *Биз эткэн чайни ичкэндин кейин, қизлар дэстиханни жиғиштурди* 'После того как мы попили аткан чай, девушки убрали со стола'

В формульной записи модель данного высказывания будет выглядеть следующим образом:

$\{(N_{nom} - T_{vган} // \text{дин кейин}) (ГПЕ)\}$ – после того как

Формула данной модели отражает в широком смысле причастно-последложную конструкцию как сложноподчиненное предложение, а также сочетание причастие на –ган в исходном падеже с последлогом *кейин* как конструктивную вершину всего предложения. Это средство связи главной и зависимой предикативных единиц. В предложении выражается грамматическая семантика следования события главной части за событием зависимой части. Ср. еще примеры данной модели:

Уйг. *Гәнжу уйғур ханлиғи болса Сумбул сулав билэн баш қошқандин кейин, қайтидин аиләвий бәхит қучқан (ХА ОЧ 331)* 'Что касается Ганжуйского уйгурского хана то после того, как женился на Сумбул сулав, он снова обрел семейное счастье'

Обратимся к примеру из татарского языка:

Тат. *Үзөбөз белән алып чыкан икмәк кимегәнгә күрә, тирә яктагы авылларда эчелгән әче әйрән, тозлы ит безнең йөрәкләрне кимерә* (АА Т 4) 'Поскольку осталось мало хлеба, который мы взяли с собой, нам доставляло страдание то, что в окружающих деревнях пили айран и ели вяленое мясо'

Модель:

{(N_{nom} ⇔ Tv=ган//на күрә) (ГПЕ)} - судя по тому, как

Еще пример другой модели:

Тат. *Жир шакырдап туңган булуга карамастан, Ташбай ялаңаяк иде* (АА Т 18) 'Несмотря на то, что земля сильно промерзла, Ташбай был на босу ногу'

Модель:

{(N_{nom} ⇔ Tv=y//га карамастан) (ГПЕ)} – несмотря на то, что

Подведем итоги. Причастно-последложные конструкции являются разновидностью полипредикативных предложений, строящихся в уйгурском языке по конкретным моделям. Одним из преимуществ модельного подхода к описанию причастно-последложных построений в языке является то, что модели поддаются количественному исчислению. Так, например, в современном уйгурском языке отмечено 28 моделей с собственно последлогами (не считая служебных имен), в современном монгольском языке выделяется 44 модели причастно-последложных бипредикативных конструкций [10]. Дальнейшей задачей исследования данного участка гипотаксиса является описание моделей в контексте их дифференциальных признаков, под которыми на данном этапе мы понимаем параметры выделения самих моделей.

Список литературы:

1. Абдуллаев С. Н. Типологические аспекты механизма зависимой предикации: причастно-последложные конструкции в уйгурском и бурятском языках // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Часть I. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – С. 134-137.

2. Абдуллаев С.Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 96-110
3. Абдуллаев С.Н. Сложные предложения аналитико-синтетического типа в тюркских языках // Тюркские языки Сибири.-Новосибирск, 1983. С. 108-122.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.-М.,1969.
5. Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка.- Алма-Ата: Наука, 1974. — 171 с.
6. Дмитриев Н.Г. Грамматика башкирского языка.-М.-Л., 1949.
7. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
8. Мелиоранский Т.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка.ч. 1. Фонетика и этимология. СПб, 1894.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. –М.-Л.: Государственное издательство, 1928.
10. Скрибник Е.К., Ельмакова И.В. К описанию причастно-последовательных конструкций монгольского языка // Морфология глагола и структура предложения. - Новосибирск, 1990. С. 38-63.
11. Строй уйгурского языка.-Алма-Ата: Наука, 1989.-424 с.
12. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем.-Новосибирск: Наука, 1986.-321 с.
13. Шамина Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка.-Новосибирск: Наука, 1987.
14. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С. 36-68.
15. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Кн. 1.-Новосибирск, 1976.
16. Абдуллаева Г.С. Төрки телләрҙәге полипредикатив конструкциялар // O'zbek tilini dunyo miqyosida keng targ'ib qilish bo'yicha hamkorlik istiqbollari»: xalqaro ilmiy-amaliy anjuman materiallari / Mas'ul muharrir – Sh. Sirojiddinov. – Ташкент, 2020..345-347ss.
17. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964.

References:

1. Abdullaev S. N. Typological aspects of the mechanism of dependent predication: participial-postpositional constructions in the Uyghur and Buryat languages // Mongol studies at the beginning of the XXI century: current state and prospects of development. Part I. – Elista: KIGI RAS, 2015. – pp. 134-137.
2. Abdullaev S.N. The participle of an action that has not yet taken place in the role of a dependent predicate // Structural and functional types of complex sentences. Novosibirsk, 1982. pp. 96-110
3. Abdullaev S.N. Complex sentences of analytical-synthetic type in the Turkic languages // Turkic languages of Siberia.-Novosibirsk, 1983. pp. 108-122.
4. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms.-M., 1969.
5. Demesinova N.H. Development of the syntax of the modern Kazakh language.-Alma-ma: Nauka, 1974. - 171 p.
6. Dmitriev N.G. Grammar of the Bashkir language.-M.-L., 1949.
7. F. Iskhakov.G., Palmbakh A.A. Grammar of the Tuvan language. M., 1961.
8. Melioransky T.M. Brief grammar of the Kazakh-Kyrgyz language.Part 1. Phonetics and etymology. St. Petersburg, 1894.

9. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific illumination. –M.-L.: : State Publishing House, 1928.
10. Skribnik E.K., Elmakova I.V. To the description of participial-postpositional constructions of the Mongolian language // Morphology of the verb and sentence structure. - Novosibirsk, 1990. pp. 38-63.
11. The structure of the Uighur language.-Alma-Ata: Nauka, 1989.-424 p.
12. Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems.-Novosibirsk: Nauka, 1986.-321 p.
13. Shamina L. A. temporary polypredicative constructions of the Tuvan language.- Novosibirsk: Nauka, 1987.
14. Cheremisina M.I., Skribnik E.K. The experience of formal description of participial-postpositional constructions of the Buryat language // Subordination in polypredicative constructions. Novosibirsk: Nauka, 1980. pp. 36-68.
15. Ubryatova E. I. research on the syntax of the Yakut language. Tsch. 2. A complex sentence. In the Book. - Novosibirsk, 1976.
16. Abdullayeva G. S. Polypredicative constructions in Turkic languages / / prospects for cooperation in the wide promotion of the Uzbek language on a global scale": materials of the international scientific and practical conference / responsible editor-Sh. Sirojiddinov. - Tashkent, 2020.345-347ss.
17. Tumasheva D. G. morphology of the modern Tatar literary language. Kazan, 1964.

УДК/UDC 81-23

В корейском языке нет будущего времени

Беляева Наталия Сергеевна

студент

Дальневосточный Федеральный Университет, Восточный Институт – школа региональных и международных исследований, кафедра корееведения

г. Владивосток, Российская Федерация

e-mail: nibelika@icloud.com

Аннотация

В данной статье обсуждается уникальная особенность корейского языка - отсутствие определенной грамматической структуры или спряжения глаголов для будущих действий, явлений или событий. Вместо этого носители корейского языка используют различные методы и инструменты, такие как присоединение суффикса -겠, использование причастия будущего времени основного глагола, служебного имени 것 и связки 이다, присоединение причастия будущего времени и -게요, использование форм настоящего времени и добавление грамматических конструкций -려고 하다 и -고 싶다 к основе глагола для выражения будущих действий, явлений или событий. В статье также приведены различные значения, передаваемые каждым из этих методов и инструментов, примеры употребления и точки зрения некоторых корейских лингвистов.

Ключевые слова: корейский язык, грамматика корейского языка, будущее время, изучение корейского языка, интерес к корейской культуре.

There is no future tense in the Korean language

Beliaeva Natalia

student

Far Eastern Federal University, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of Korean studies

Vladivostok, Russian Federation

e-mail: nibelika@icloud.com

Abstract

The above article discusses the unique feature of the Korean language in which there is no specific grammatical structures or verb conjugations for future actions, phenomena or events. Instead, Korean native speakers use various methods such as attaching the suffix -겠, using the future participle of the main verb and service name 것, and copula 이다, attaching the future participle and -게요, using present tense forms, and adding grammatical constructions -려고 하다 and -고 싶다 to the verb stem to express future actions, phenomena, or events. The above article also explains the different meanings conveyed by each of these methods, gives examples and opinions of Korean linguists.

Keywords: the Korean language, Korean grammar, future tense, learn Korean, interest in Korean culture.

Корейский язык является официальным языком Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики. На нем также говорит значительное число жителей Китая и Японии. В настоящее время корейский язык, как и корейская культура, находится на пике популярности не только во Азии, но и во всем мире. Однако в процессе изучающие сталкиваются с рядом сложностей, а затем и вовсе узнают, что в этом языке нет будущего времени. Отсутствие будущего времени и является одной из его уникальных особенностей корейского языка. Но что это означает? И как носители языка выражают намерения и вероятность совершения того или иного действия? Рассмотрим все это в сегодняшней статье.

Отсутствие будущего времени в корейском языке означает, что не существует определенной грамматической структуры или спряжения глаголов для обозначения будущих действий, явлений или событий. Вместо этого носители корейского языка используют другие методы выражения будущих действий, явлений или событий, например:

- 1) Присоединение суффикса -**ㄹ**. На русском языке значение суффикса можно передать формой будущего времени или сочетанием «хочу (собираюсь) + инфинитив». Например, «**나는 가겠습니다**», что означает «Я хочу (собираюсь) пойти». Указанный суффикс выражает относительную готовность субъекта совершить действие. Кроме того, в зависимости от контекста -**ㄹ** может выражать вероятность того или иного события не только в будущем, но и в настоящем времени.

Например, «저 산 넘어 비가 오겠습니다» («Там, за горой, кажется, идет дождь.»).

- 2) Использование причастия будущего времени основного глагола, служебного имени 것 и связки 이다. Получаем -ㄹ 것이다 – еще одну форму вероятности. В отличие от вышеуказанного суффикса -겠, ㄹ 것이다 не выражает относительную готовность субъекта совершить действие. Например, «나는 갈 것입니다» («Я пойду.»). Есть намерение, но нет предпосылки совершения действия или желания субъекта произвести это действие.

- 3) Присоединение формы причастия будущего времени и -게요.

Получаем ㄹ게요 – обещательный залог, который, исходя из своего названия, и используется, когда говорящий выражает собеседнику свое желание или намерение совершить действие. Например, «내일 책을 꼭 가지고 올게요» («Я завтра обязательно принесу книгу» = «Я обещаю обязательно принести книгу.»).
citilink.ru,

- 4) Использование форм настоящего времени. Формы настоящего времени вежливо-неофициального и вежливо - официального стилей (-예요/이에요, ㅂ니다/습니다) тоже активно используются для выражения намерения в будущем времени. Например, «- 주말에 무엇을 해요? – 극장에 가요» («- Что делаете на выходных? – Иду в кинотеатр.»). В данном случае во избежание путаницы при передачи значения зачастую добавляют наречия с указанием будущего времени: 내일 (завтра), 나중에 (потом), 다음 (следующий) и так далее.

5) Посредством присоединения грамматических конструкций – 려고 하다 и – 고 싶다 к основе глагола. Указанные грамматические конструкции также используются для выражения намерения совершить то или иное действие или для выражения желания говорящего что-то сделать. Например, «- 방학에 무엇을 하려고 해요? – 책을 읽으려고 해요». Что означает «- Что вы собираетесь делать на каникулах? – Планирую читать книги». То есть, в данном случае мы можем наблюдать стремление собеседника совершить запланированное действие. В случае же с -고 싶다 несколько другая история: это грамматическая конструкция сообщает о желании собеседника совершить действие, но не подразумевает прямой готовности: «집에 가고 싶어요» - «Хочу пойти домой».

Так, мы можем сделать вывод, что в корейском языке существует немалое количество способов сообщить о намерении совершить то или иное действие или о вероятности совершения действия, явления или события. Выше приведены лишь самые распространенные конструкции. На самом же деле в корейском языке бесчисленное множество вариантов и инструментов для описания будущего действия.

Что же думают по этому поводу лингвисты? Лингвисты по-разному относятся к отсутствию будущего времени в корейском языке. Некоторые из них утверждают, что это прямое отражение культуры на жизнь в настоящем моменте, в то время как другие предполагают, что это просто особенность уникальной грамматической структуры языка.

Одни лингвисты полагают, что в корейском языке нет четкого различия между настоящим и будущим. Вместо этого основное

внимание уделяется самому действию, а не тому, когда оно произойдет. Данный аспект рассматривается как отражение культурной ценности, придаваемой жизни настоящим моментом и не слишком беспокоящейся о будущем. Другие лингвисты заявляют, что отсутствие будущего времени в корейском языке — это не культурный феномен, а скорее результат уникальной грамматической структуры языка. Корейский язык является агглютинативным, что означает, что грамматические конструкции образуются путем присоединения морфем. Это обеспечивает большую гибкость в выражении значения, но также делает ненужным использование отдельного будущего времени.

Таким образом, независимо от причины отсутствия будущего времени в корейском языке совершенно ясно, что носители этого языка используют другие методы для выражения будущих действий, намерений, явлений или событий. Эта уникальная характеристика корейского языка дает представление о грамматической структуре языка в целом, а также о культурных ценностях его носителей.

Список литературы:

1. Ли Чжухонг. Аспектуальные и модальные характеристики будущих действий в русском языке сквозь призму корейского языка // Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. no 3. С. 22—27.
2. Рамстедт Г.Й. Грамматика корейского языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1951.
3. Мазур Ю.Н. Корейский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 361—398.
4. Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. М.: Международный центр корееведения МГУ — Издательский Дом «Муравей-Гайд», 2001.
5. Lee, Chuhong. (2015). Aspectual and Modal Characteristics of Future Actions in Russian through the prism of Korean language. 3, 22—27.
6. Lee, H.B. (1989). Korean Grammar. N.Y.: Oxford University Press.
7. Paek, Pong Cha. (2015). Grammatical Dictionary of Korean as Foreign Language. Seoul: Nau publ. (In Korean).

References:

1. Lee, Chuhong. (2015). Aspectual and Modal Characteristics of Future Actions in Russian through the prism of Korean language. Vestnik CMO MGU (Vestnik centra mezhdunarodnogo obrazovanija MGU. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika), 3, 22—27. (In Russ.).
2. Ramstedt, G.J. (1951). A Korean Grammar. Moscow: Izdatelstvo inostrannoj literatury. (In Russ.).
3. Mazur, Yu.N. (1997). Korean Language. In Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskieyazyki. Yaponskii yazyk. Koreiskii yazyk. Moscow: Indrik publ. pp. 361— 398. (In Russ.).
4. Mazur, Yu.N. (2001). Korean Grammar (Morphology. Word Formation). Theoretical course. Moscow: MSU International Center for Korean Studies — “Muravej-Gaid” publ. (In Russ.).
5. Lee, Chuhong. (2015). Aspectual and Modal Characteristics of Future Actions in Russian through the prism of Korean language. 3, 22—27.
6. Lee, H.B. (1989). Korean Grammar. N.Y.: Oxford University Press.
7. Paek, Pong Cha. (2015). Grammatical Dictionary of Korean as Foreign Language. Seoul: Hau publ. (In Korean).

УДК/UDC 811.531

Корейский молодежный сленг в Интернет-дискурсе

Герасимова Аделина Сергеевна
студентка
Дальневосточный Федеральный университет
Г. Владивосток, Россия
e-mail: gerasimova.ase@students.ru

Аннотация

В работе рассматривается сленг корейской молодежи в Интернет-дискурсе, как важный элемент общения в мессенджерах и социальных сетях. В статье отражены основные способы его образования и приведены примеры использования отдельных сленговых выражений. Глобальная сеть оказала влияние не только на форму взаимодействия людей, но и на язык их общения. Сленг, как пласт языка, вбирающий в себя особенности социальных и культурных изменений, способен отразить особенности коммуникации пользователей в Интернет-дискурсе, а также пополнить словарный потенциал языка. Результаты исследования могут быть использованы при изучении корейского языка, а также для повышения языковой культуры общественности.

Ключевые слова: корейский язык, сленг, заимствованная лексика, Интернет, социальные сети, Корея, общение в Интернете, сокращения.

Korean youth slang in Internet discourse

Gerasimova Adelina Sergeevna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
e-mail: gerasimova.ase@students.dvfu.ru

Abstract

The article is examined the slang of Korean youth in the Internet discourse as an important element of communication in instant messengers and social networks. The work considers the main ways of its formation and provides examples of the use of individual slang expressions. The global network has influenced not only the form of interaction between people, but also the language of their communication. Slang, as a part of the language, that absorbs the features of social and cultural changes, is able to reflect the features of user communication in the Internet discourse, as well as replenish the vocabulary of the language. The results of the study can be used in the study of the Korean language, as well as to improve the language culture of the public.

Keywords: Korean language, slang, borrowed vocabulary, Internet, social networks, Korea, Internet communication, abbreviations.

Язык и речь, как социально-культурные явления, способны

сохранять и отражать исторические процессы и события. Как например, налаживание международных отношений двух стран могут привести к появлению заимствований в языках обеих стран, промышленная революция способствовала появлению новых терминов и определений в сфере труда и машинного производства. Помимо новых терминов и заимствований в речи появляется сленг – отдельная группа слов и выражений, способных передать мысль точнее, эмоциональнее или лаконичнее. Другими словами, зашифрованная лексика, имеющая определенную экспрессивность, как правило употребляемая в отдельных социальных и профессиональных подгруппах. И в отличие от просто заимствованных слов для сленга характерны социально-возрастные параметры.

Несмотря на то, что сленг распространен среди разных слоев населения, разных возрастных групп и профессий, именно молодежь является основным «носителем», поскольку является наиболее гибкой группой по отношению к процессам, происходящим вокруг в современной ей действительности.

Сленг приобретает все более широкое распространение, и в Южной Корее он не ограничивается только устной речью молодежи, он часто встречается на ТВ-программах, в Интернете и даже в литературных произведениях. Сленг интересен своей структурой, нестабильностью, пластичностью и разнообразием, помогает приукрасить речь преимущественно в неформальном общении или в общении в пространстве Интернет-сети.

Огромное влияние на развитие и распространение сленга оказал Интернет. Прежде всего это пространство для межкультурной коммуникации посредством социальных сетей и мессенджеров и обучения языкам. Более того, молодежь, используя Интернет для общения, активнее придумывают и используют сленговые выражения

с целью зашифровать сообщение или сократить время, потраченное для напечатания SMS-сообщений. Например, банальное сокращение приветствия или специально неправильная замена букв в слове. Поскольку сеть Интернет является неограниченным ресурсом, вполне закономерно быстрое и широкое распространение нового сленгизма.

Такое разнообразие корейского сленга позволяет выделить несколько классификаций данного пласта языка: по способу образования, по функциональным особенностям и т.д. По способу образования Интернет-сленгизмов выделяют следующие группы:

1. Сленговые слова и выражения, образованные путем сокращения слов.

Данная группа является наиболее часто используемой, поскольку, как и все другие языки, корейский язык стремится к упрощению. Общение в социальных сетях и мессенджерах постоянно побуждает пользователя сократить свой текст. Вероятнее всего данный способ появился при распространении SMS-общения, при котором плата за отправленные сообщения высчитывалась по количеству знаков. Сейчас же, когда SMS пользуются гораздо меньшим интересом по сравнению с бесплатными Интернет-мессенджерами, основная роль сокращения как способа образования – экономия времени.

В корейском языке существует несколько способов сокращения. Первым способом можно сократить длинное выражение или даже целое предложение до одного слова, при этом с каждого слова берут по одному слогу. Чаще всего слова, образованные подобным образом, используют и в текстовых и в голосовых сообщениях.

강추 – «настоятельно рекомендую». Слово образовано по первым слогам корейских слов 강하다 («быть сильным») и 추천하다

(«рекомендовать»);

깜놀 – «сюрприз!». Сокращенная по первым слогам фраза 깜짝 놀라다/놀랐어요 («быть внезапно удивленным»).

Второй способ позволяет сократить слово до одного или двух слогов, при этом сохраняется схожесть звучания слова, поэтому при беглой речи разница не заметна. Данные слова чаще используют в текстовых сообщениях.

어케 – «как?». Слово образовано от 어떻게 («как?»), сочетание букв ㅎ и ㄱ даёт звук, соответствующий букве ㅋ;

잼게 (или 잼께) – «весело» / «веселиться». Слово образовано от 잼있게 («весело»), но поскольку изначальное слово имеет следующую транскрипцию [재미있게], при сокращении допускаются два варианта;

쌤 (или 쌤) – «учитель», «профессор», также иногда может переводиться как «доктор» (의사 선생님). Сокращение от слова 선생님, также могут допускаться два варианта сокращения.

Третий способ позволяет сокращать слово до 2 букв. Это наиболее распространенный вид сленгизмов, поскольку позволяет в наименьшее количество знаков уместить какую-либо информацию. Сленгизмы состоят из 2 согласных, с которых начинается каждый слог слова (чаще всего буква ㅇ будет означать какую-либо гласную), и используются только в текстовых сообщениях.

ㅇㅋ – «окей». От слова 오케이, заимствованного из английского языка;

ㅇㅇ – «да» / «хорошо». Сокращение от слова 응, которое в

корейском языке означает согласие;

대응 – «поздравляю» / «прими мои поздравления». Сленгизм образован от слова 축하하다 («поздравлять»), в котором основной смысл несут два первых слога;

고맙 – «спасибо». Исходным словом является слово 감사하다 («благодарить», «быть благодарным»).

2. Сленговые слова и выражения, образованные путем заимствования иностранной лексики.

Как уже было описано выше, лингвистика тесно связана с происходящими в мире процессами, поэтому тесное взаимодействие двух культур неизбежно ведет к заимствованиям терминов и определений в их языках.

В Южной Корее наиболее часто заимствованию подвергаются слова английского языка, во многом это связано с его активным изучением корейцами и расширением сфер международного сотрудничества с США. Заимствование английской лексики в корейском языке делится на две группы: «конглиш» (콩글리시, konglish = Korean + English), характеризующий смешение корейского и английского языков, и калькирование, которое подразумевает полное копирование слова, его написания, произношения и значения, но при этом слово подвергают ассимиляции.

Можно заметить, что слова, которые были заимствованы путем калькирования, являются более распространенными, поскольку их можно встретить в литературе и СМИ, в то время как слова, пришедшие из английского языка в корейский путем смешения с ним, более локальны, их чаще употребляют в социальных сетях и мессенджерах. Приведем несколько примеров слов «конглиша», употребляемых в текстовом формате:

프사 – фото профиля. Образовано от первых слогов слов프로필 («профиль») 사진 (фото). Данный сленгизм чаще всего используется в социальной сети Facebook;

모솔 – человек, который никогда не состоял в романтических отношениях. Образовано от слова 모태솔로, в котором первое слово모태 переводится с корейского как «утроба матери», а второе 솔로 звучит как английское слово «solo» («одинокий»);

호프 – «бар». Слово скопировано с английского слова «hop» («прыжок»), но при этом употребляется в другом значении.

3. Метафорические сленговые выражения

В отдельную группу также выделяют и метафорические сленговые выражения, в которых уже существующим и соответствующим литературной норме словам добавляют новый смысл. Однако в Интернет-дискурсе они используются не так часто, как вышеупомянутые примеры.

(말)씹다 – «игнорировать» (씹다 – «пережёвывать», т.е. «пережевывать речь»). Из этого слова можно выделить еще два новых сленговых выражения:

읽씹 – «игнорирование», но применяется, когда человек читает сообщение в чате и не отвечает;

안읽씹 – «игнорирование», но применяется, когда человек специально не читает сообщение и не отвечает на него.

Существуют сленговые единицы для выражения эмоций. В Интернет-пространстве активно используется группа сленгизмов, основой которого служит идея передать определенную эмоцию или

настроение «говорящего». В таком случае буквы используются не с целью составления какого-либо слова, а с целью составить какую-то картинку, чаще всего лица («смайлик»), в текстовом сообщении.

ТТ / ПП – «плачу». Очень часто Т и П используют, чтобы изобразить закрытые глаза и слезы, когда собеседник чем-то расстроен или расстроган.

О □ О – «ничего себе», «вау». Буква □ в данном случае изображает раскрытый от удивления рот, а буква О глаза. Таким образом можно через сообщение передать эмоцию удивления или потрясения.

О П О – «какая гадость», «мне это противно». Буква П используется для изображения рта. Обычно пользователи сети используют данный сленг, чтобы изобразить недовольство какой-либо публикацией или новостью.

Сложно представить современное общество без Интернета, одного из главных двигателей развития языка сегодня. Благодаря сети человек может не только общаться посредством социальных сетей и мессенджеров, но и беспрепятственно погружаться в пространство какого-либо иностранного языка. Именно общение не вживую, а через Интернет, позволяет выделить в корейском языке целую группу новых и по-разному образованных слов для изучения, определения потенциала развития словарного запаса.

Из классификации, описанной выше, можно выявить основную тенденцию в появлении сленгизмов Интернет-пространства: чаще всего они образуются путем сокращения (полного или частичного), гораздо реже – заимствованием. Это объясняется рядом причин: желание сэкономить время, передать основную информацию, лаконично выразить свои эмоции. Иногда в корейском языке не

находится нужное слово, которое способно в нужной мере передать мысль, и тогда есть возможность обратиться к заимствованиям.

Изучение сленга в наши дни становится актуальной задачей благодаря расширению международных связей Республики Корея, а также глобализации и активному проникновению в речь современной корейской молодежи английского языка. Знание корейских сленгизмов и применение их в дискурсе Интернет-коммуникаций способствуют не только пополнению словарного запаса, но и позволяют минимизировать межкультурные конфликты и избежать языковой барьер при общении.

Однако, учитывая насколько данный пласт языка пластичен, исследования в данной области затруднительны. Невозможно точно проследить за тем как возникают новые сленговые выражения и выходят из употребления старые, поскольку и так широко распространенные в устной речи слова в неоднородном Интернет-пространстве могут быстро преобразовываться во что-то другое, войти в частое употребление или вовсе не употребляться.

Список литературы:

1. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107-114.
2. Егорова К.Г., Лукина С.А. Способы словообразования корейского молодежного сленга в Интернет дискурсе (на материале социальной сети "Инстаграм") // Казанская наука. – 2020. – №12. – С. 145-147.
3. Ким Е.В. Сленг в речи современной корейской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2020. – №837. – С. 38-45.
4. Ким Енсук, Оржеховская М.А. Заимствования и сокращения в современном корейском языке // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – №2 (3). – С. 4-8.
5. 41 Konglish Words You Need To Know To Level Up Your Korean Skills. 41 слово в конглиш, которые вам нужно знать, чтобы повысить свои навыки в корейском языке. – URL: <https://thesmartlocal.com/korea/konglish-words/> (Дата обращения: 09.01.2023)
6. Korean Slang – 101 Popular Words & Phrases in 2022. Корейский сленг – 101 популярных слов и фраз в 2022 г. URL: <https://www.90daykorean.com/korean-slang/> (дата обращения: 09.01.2022)

7. Short & Sweet: A Quick Guide to Korean Text Slang for the Modern Learner. Коротко и мило: краткое руководство по корейскому текстовому сленгу для изучающих сейчас. URL: https://www.fluentu.com/blog/korean/korean-text-slang/#toc_19 (дата обращения: 09.01.2022)

References:

1. Galperin I.R. About the term "slang" // Questions of linguistics. - 1956. - No. 6. - p. 107-114.
2. Egorova K.G., Lukina S.A. Methods of word formation of Korean youth slang in the Internet discourse (on the material of the social network "Instagram") // Kazanskaya Nauka. - 2020. - No. 12. - p. 145-147.
3. Kim E.V. Slang in the speech of modern Korean youth // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. - 2020. - No. 837. - p. 38-45.
4. Kim Yongsuk, Orzhekhovskaya M.A. Loanwords and abbreviations in modern Korean language // Modern Oriental Studies. - 2020. - No. 2 (3). - p. 4-8.
5. 41 Konglish Words You Need To Know To Level Up Your Korean Skills [Electronic resource]. - Access mode: <https://thesmartlocal.com/korea/konglish-words/>
6. Korean Slang - 101 Popular Words & Phrases in 2022 [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.90daykorean.com/korean-slang/>
7. Short & Sweet: A Quick Guide to Korean Text Slang for the Modern Learner [Electronic resource]. - Access mode: https://www.fluentu.com/blog/korean/korean-text-slang/#toc_19

УДК/UDC 81

Особенности классификации наречий корейского языка по семантическому признаку на примере обстоятельственных наречий

Горшенина Софья Александровна
студентка
Дальневосточный Федеральный университет
г. Владивосток, Россия
e-mail: gorshenina.sa@students.dvfu.ru

Аннотация

Целью этой статьи является анализ особенностей наречий корейского языка, которые входят в состав лексико-семантического разряда и представляют подразряд обстоятельственных наречий. Семантическая классификация группы слов различных частей речи является наиболее распространенной во многих языках мира, поэтому в работе представлено выявление и описание комплекса именно семантических свойств наречий и определение на этой основе объема и границ лексико-семантического разряда² наречий. За основу анализа особенностей обстоятельного подразряда наречий взята упомянутая часть речи со значением места, времени и условия. Для определения специфики их образования, синтаксической функции, сочетаемости со словами других классов, позиции в предложении представлены примеры слов и предложений с переводом их на русский язык.

Ключевые слова: наречие, корейский язык, лексико-семантическая классификация, обстоятельное наречие.

Peculiarities of classification of adverbs of the Korean language according to semantic feature of circumstance adverbs

Gorshenina Sofia Aleksandrovna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
e-mail: gorshenina.sa@students.dvfu.ru

Abstract

The purpose of this article is to analyze the features of the adverbs of the Korean language, which are part of the semantic category and represent a sub-class of circumstance adverbs. The semantic classification of a group of words of various parts of speech is the most common in many languages of the world, therefore, the work presents the identification and description of the complex of the semantic properties of adverbs and the definition on this basis of the scope and boundaries of the semantic category of adverbs. The above part of speech with the meaning of place, time and condition is taken as the basis for the analysis of the features of the circumstance subcategory of adverbs.

To determine the specifics of their formation, syntactic function, compatibility with words of other classes, positions in a sentence, examples of words and sentences are presented with their translation into Russian.

Keywords: adverb, Korean language, semantic classification, circumstance adverb.

Семантика является разделом лингвистики, который изучает смысловое значение языка. Предметом лингвистической семантики является языковое мыслительное содержание, то есть содержание, заложенное в словах, морфемах, грамматических формах, синтаксических конструкциях естественного языка [1]. Исследуя в работе лексико-семантический разряд корейского языка, за основу взята классификация наречий по их значению.

Для наречий, аморфных по своему словоизменительному потенциалу, характерна семантическая классификация. Семантический разряд наречий представляет собой группу слов, объединенных общностью лексического и синтаксического значения. Рассматривая состав лексико-семантических разрядов в корейском языке, можно прийти к выводу, что каждый семантический разряд наречий представляет тематическую группу, состоящую еще из нескольких лексико-семантических подгрупп.

Исходя из теории лексико-семантической классификации корейских наречий, можно сделать вывод, что семантическая система наречий включает в себя два основных разряда: обстоятельственные и определительные наречия. Каждый из этих разрядов в свою очередь подвергается дальнейшей семантической классификации. Внутри этих двух разрядов выделяются свои семантические разновидности наречий. Таким образом, в подсистеме обстоятельственных наречий рассматриваются наречия времени, наречия места и наречия условия. Именно на примере обстоятельственных наречий будет проводиться дальнейший анализ особенностей семантической классификации корейских наречий.

Однако при всем стоит учитывать, что в корейском языке наблюдается активный переход внутри семантических разрядов: одно и то же слово может иметь разное смысловое значение в зависимости от положения в предложении, синтаксической функции, контекста, и таким образом относиться сразу к нескольким подразрядам семантической лексики.

Определение обстоятельственных наречий звучит так – это наречия, употребляемые при глаголах, указывающие на различные условия и обстоятельства совершаемых действий, в процессе которых есть внешний признак [2]. Наречия данного разряда в том числе обозначают признак внешний по отношению к его носителю, то есть характеризуются по месту, времени, условию и другим обстоятельствам. Таким образом, можно выделить следующие типы этих наречий – времени, места, причины, условия. Наряду с данными наречиями используются атрибутивные слова, указывающие на время и места происхождения события в предложении.

Один из подразрядов обстоятельственных наречий, наречия времени, обозначает когда происходит конкретное действие или протекания состояния. В качестве наречий времени употребляются существительные с именительным или дательным падежом. Также, стоит отметить, что некоторые наречия времени восходят к существительным с временной семантикой [3]: 밤 – ночью, 오늘 – сегодня, 올해 – в этом году, 어제 – вчера и другие. Однако если вышеперечисленные слова употребляются с выделительной частицей (основным падежом), то они будут являться именем существительным, если же не употребляются с этой частицей, то представляют из себя наречие. Например,

오늘은 날씨가 너무 춥다.

Сегодня очень холодно.

(2) 나는 오늘 은행에 가려고 합니다.

Я сегодня собираюсь сходить в банк.

Сравнивая эти два предложения, можно определить, что в первом случае слово **오늘** является существительным, а во втором случае – наречием.

К некоторым наречиям времени присоединяется показатель дательного падежа **-에**. Например,

- 어머니는 밤에 안 잤어요.

- Мама не спала ночью.

- 저는 일요일에 케이크를 만들었어요.

- Я приготовил торт в воскресенье.

Несмотря на то, что слова **밤** и **일요일** являются существительными, с дательным падежом они представляют собой наречие со значение времени проведения действия.

Этот разряд, в свою очередь, также богат семантическими оттенками и распадается на следующие подразряды: наречия, указывающие на начало действия: **먼저** 'прежде', 'сначала', **아예** 'с самого начала', **갓** 'только что', **이미** 'раньше'; наречия, указывающие на временной предел действия или состояния: **벌써** 'уже', **아직** 'пока что', **여태** 'до сих пор'; наречия, указывающие на постоянный характер действия или состояния: **항상** 'всегда', **못내** 'постоянно', **영원히** 'вечно', **늘** 'всегда'; наречия, указывающие на повторяемость действия: **자주**

‘часто’, 때때로 ‘время от времени’, 가끔 ‘иногда’; наречия, обозначающее время, не указывая ни на его начало, ни на его конец: 오래 ‘долго’, 늦게 ‘поздно’, 일찍 ‘рано’ [4].

Еще один разряд обстоятельственных наречий - наречия места или пространственные наречия. Их значение представляет из себя определения места проведение действия, нахождение или движение субъекта в пространстве. Соответственно, данная категория наречий несёт функцию обозначения ориентации субъекта на месте.

В качестве пространственных наречий обычно употребляются падежные формы имен существительных, в частности тех имен, которые имеют локальное значение и которые рассматриваются как послеименные послелогии. Дательный и дательно-местный падежи -에|| и -에서| соответственно, а также ряд других показывают где или в каком направлении происходит действие. Принято считать, что, как и в случае с наречиями времени, использование существительных с вышеперечисленными аффиксами, но со значением места проведение действия, означает, что они будут считаться наречиями. Например,

- 저는 학교에서 공부할 거예요 [6].

- Я буду учиться в школе.

- 할머니의 댁곁에 백화점이 있어요.

-Рядом с домом бабушки находится торговый центр.

Однако, следует отметить, что часто в корейском языке употребление окончаний считается излишним и исчезает за ненужностью. Так, подобный бессуффиксальный падеж, который формально является именительным, также может функционировать в качестве наречия [3].

Помимо образования наречий от существительных путем

присоединения вышеперечисленных падежных окончаний, существуют наречия места, образованные другими способами, которые также обозначают место совершения действия, протекания состояния или указывают на направление движения, например: 곳곳이 ‘везде’, 집집이 ‘в каждом доме’, 나란히 ‘рядом’, 죽 ‘прямо’, 도로 ‘обратно’, 바로 ‘прямо’.

Последний рассматриваемый разряд наречий — это наречия условия. Чаще всего они «отвечают» на вопрос «как?» и включают в себя наречия причины и цели. Наречия причины обозначают причину совершения действия. Например,

- 우연히 내게 오나 봐 [7].

- Похоже ты пришла случайно.

Наречия же цели соответственно отражают с какой интенцией было совершено действие. Например,

- 남동생은 이 문제에 대해서 짐짓 모르는 척했어요.

- Младший брат нарочно сделал вид, что не знает об этой проблеме.

Таким образом, обстоятельственные наречия представляют из себя группу разрядов наречий с пространственным, временным и значением обусловленности. Такие наречия примыкают к глаголам и обозначают различные условия и обстоятельства осуществления действия. Путем дифференцирования наречий внутри обстоятельного подразряда лексико-семантического класса наречий мы определили лексический состав каждого подразряда, также использование наречий в предложении и их позицию относительно определяемого слова, к которому относится наречие.

Список литературы:

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. Учебное пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
2. Рубинчик Л. И. Определительные и обстоятельственные наречия [Электронный ресурс] // Русский язык: открытый электронный ресурс. – Режим доступа: <https://russkiiyazyk.ru/chasti-rechi/narechie/opredelitelnye->
3. Рамстедт Г.Й. Грамматика корейского языка. – М.: Издательство Иностранной Литературы, 1951. – 232 с.
4. Мусаев О.С. Наречие в системе частей речи корейского языка. Языкознание. Литературоведение. Текстология. М., 1979. – 357 с.
5. Чен Ю.А. Семантические особенности наречий в корейском языке [Электронный ресурс] // Allbest: Глобальная сеть рефератов. – Режим доступа: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00948674_0.html.
6. The Korean Tutor. 예 Vs. ~에서 [Электронный ресурс] // The Korean Tutor: языковая онлайн платформа. – Режим доступа: <https://thekoreantutor.com/particle2/>
7. 로꼬, 유주 (Loco, Yuju) 우연히 봄. 가사 // 벅스 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.bugs.co.kr/track/4364212?_redir=n
Исполнители Локо, Ючжу песня «Случайная весна». Текст песни // Музыкальная стриминговая платформа Поксы

References:

1. Vasiliev L.M. Modern linguistic semantics. Textbook for universities. – M.: High school, 1990. – 176 p.
2. Rubinchik L. I. Attributive and circumstance adverbs [Electronic resource] // Russian language: open electronic resource. – Access mode: <https://russkiiyazyk.ru/chasti-rechi/narechie/opredelitelnye->
3. Ramstedt G.J. Grammar of the Korean language. – M.: Foreign Literature Publishing House, 1951. – 232 p.
4. Musaev O.S. Adverbs in the system of parts of speech of the Korean language. Linguistics. Literary criticism. Textual criticism. M., 1979. – 357 p.
5. Chen Y.A. Semantic features of adverbs of Korean language [Electronic resource] // Allbest: Global Abstract Network. – Access mode: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00948674_0.html.
6. The Korean Tutor. 예 Vs. ~에서 [Electronic resource] // The Korean Tutor: language online platform. – Access mode: <https://thekoreantutor.com/particle2/>
7. 로꼬, 유주 (Loco, Yuju) 우연히 봄. 가사 // 벅스 [Electronic resource]. – Access mode: https://m.bugs.co.kr/track/4364212?_redir=n
8. Performers Loko, Yuju song "Accidental Spring". Lyrics // Music streaming platform Pokseu

УДК/UDC 81-23

Сослагательное наклонение в корейском языке

Дедюхина Алена Игоревна
студент
ДВФУ
Владивосток, Россия
e-mail: alyonadedyukhina02@mail.ru

Аннотация

На данном этапе развития науки категорию наклонения можно считать самой сложной и неоднозначной из всех. В данной статье рассматривается вопрос, касающийся особенностей функционирования сослагательного наклонения в корейском языке. Дается общая характеристика категории наклонения в корейском языке. Категория наклонения в корейском языке является одной из основных грамматических категорий глаголов. Отмечается, что на современном этапе научных знаний не существует единого мнения относительно идентификации категории наклонения в корейском языке. В статье дается определение сослагательного наклонения, выделяются его основные особенности: временной вид, который не всегда точно можно идентифицировать, реальность и нереальность условий происходящего, а также субъективность. Также в тексте статьи приводятся и анализируются примеры функционирования сослагательного наклонения в корейском языке.

Ключевые слова: наклонение, сослагательное наклонение, корейский язык, сослагательное наклонение в корейском языке.

The subjunctive mood in the Korean language

Dedyukhina Alyona Igorevna
student
FEFU
Vladivostok, Russia
e-mail: alyonadedyukhina02@mail.ru

Abstract

In our days the category of mood can be considered the most complex and ambiguous of all. This article deals with the issue concerning the peculiarities of the subjunctive mood in the Korean language. The author gives some general characteristics of the category of mood in the Korean language. The category of mood in the Korean language is one of the main grammatical categories of verbs. The author points out that at the present stage of the scientific knowledge there is no consensus on the identification of the category of mood in the Korean language. The article defines the subjunctive mood and highlights its main features: temporal form which cannot always be identified exactly, reality and unreality of the conditions of occurrence, as well as subjectivity. Examples of the subjunctive mood in the Korean language are also given and analyzed by the author in the text of the article.

Keywords: mood, subjunctive mood, Korean language, subjunctive mood in Korean language.

Процесс использования глаголов в каком-либо наклонение дает говорящему возможность выразить свое отношение к происходящему или оценку ситуации, обозначенной глаголом. Например, он может сказать, является ли ситуация желательной или нет, расстроен он или удивлен. Человек может оценить вероятность наступления ситуации, оценить ее с точки зрения соответствия действительности и т.д.

В современном корейском языке категория наклонения является позиционной, и ее маркеры используются в основном в позиции предиката и очень редко в позиции определения. Наклонение может быть выражено либо синтаксически (конечные предикатные формы, суффиксы), либо аналитически (сложные аналитические конструкции на основе функциональных слов). Среди исследователей корейского языка нет единого мнения относительно идентификации категории наклонения 서법. В результате изучения ряда научных работ исследователей можно сделать вывод о том, что значение категории наклонения может быть выражено как на уровне финитных окончаний в рамках категории завершенности 종결법, 마침법, так и с помощью суффиксов (в рамках категории наклонения 서법 или модальности 양태) [2, 3, 4, 5, 6].

Сослагательное наклонение относится к парадигме одной из важнейших лингвистических категорий. Существует множество подходов к определению категории «сослагательное наклонение». Так, в научных изысканиях Д.Э. Розенталь, М.А. Теленковой отмечается, что «сослагательное наклонение – это наклонение, обозначающее действие, которое говорящий мыслит как желаемое или возможное»

[1]. Сослагательное наклонение, выражающее отношение говорящего к действительности, указывает на возможность, желательность или предположительность данного действия, которое может противоречить действительности, но может быть реалистичным или нереалистичным в своем исполнении.

Целесообразно выделить основные особенности сослагательного наклонения в корейском языке.

1. Категория сослагательности в корейском языке имеет временной вид, однако не всегда точно определимый. Например, говорящий произносит: 할 수 있습니다 – я бы смог это сделать. В данном случае следует обратить внимание на два совершенно разных события во временной концепции: «мог, а почему тогда не сделал или «если мог, так и сделай».
2. Категория сослагательности в корейском языке может реализовываться в реальном и нереальном относительном периоде времени. Реальное условие образуется с помощью окончания (으)면 + ㄹ 것이다. Например: 돈이 있으면 극장에 갈 것이다 – если будут/были деньги, я пойду/я бы пошел в театр. Нереальное условие образуется с помощью суффикса прошедшего времени + окончание 으면 + ㄹ 텐데요. Например: 여름 방학때 돈이 있었으면 해외 여행을 갔을 텐데요 – если бы во время летних каникул у меня были бы деньги, я бы поехал за границу.

Первое предложение касается реального периода, так как человек действительно мог бы пойти в театр, если бы какая-либо ситуация не воспрепятствовала ему. Второе предложение относится к нереальному периоду, так как каникулы уже закончились и уже

человек не сможет никуда поехать, даже, если у него появятся деньги. Из приведенных примеров видно, что для оценки реальности предположения, необходимо знать все условия: нам не известно, кем является этот человек, однако по составу фразы мы понимаем, что утверждение принимает вид реального предположения или беспочвенной фантазии.

3. Категория сослагательного наклонения достаточно субъективна.

Говорящий знает к реальному или нереальному условному периоду относится его высказывание, к будущему или прошедшему времени он его ставит. Для реципиента помочь определить использование какой-либо грамматической конструкции будет не ситуация, а употреблённое высказывание и уже на его основе мы оцениваем ситуацию. Например: 돈을 더 벌려고 공부하면서 일해요 – чтобы заработать больше денег совмещаю учёбу с работой. В данном предложении видно, что реальный период в будущем рассматривается в качестве будущего времени. Сослагательное наклонение выражается лишь в том, что говорящий не может знать, сможет ли он на самом деле заработать много денег, то есть это его предположение, хотя и высказанное с уверенностью.

Можно говорить об инвариантном значении сослагательного наклонения в предложении, но в конкретных случаях оно конкретизируется семантикой предпочтительности или необходимости. Здесь важно отметить, что наклонения часто влияют друг на друга. Например, сослагательное наклонение может быть употреблено в значение императива: 이제 이 모든 공연이 끝날 때가 되지 않았나요? – А не пора бы закончить весь этот концерт?

И наоборот, императив иногда используется в сослагательном

наклонении: 직장을 그만두지 않았다면 그녀는 지금 이 회사의 대표가 되었을 것입니다 – Не брось бы она эту работу, была бы сейчас руководителем этой фирмы. В такой ситуации определяющее значение для семантики предложения будет играть контекст и интонация.

В отличие от изъявительного наклонения, сослагательное наклонение часто встречается в придаточных предложениях. Известные как зависимые предложения, придаточные предложения содержат как подлежащее, так и сказуемое, но не могут функционировать как полные предложения. Большинство предложений в сослагательном наклонении начинаются с подчинительного союза (으) 려고 – чтобы. Например: 아프지 않으려고 따뜻한 옷을 입으세요 – чтобы не заболеть, надевайте тёплую одежду.

Таким образом, сослагательное наклонение является средством актуализации семантики возможных полей значений. Условные предложения предполагают ситуацию, противоположную состоянию реальности. Сослагательное наклонение, используемое в условных предложениях, выражает действие как желаемое (возможное или невозможное), а не как факт действительности. Оно обязательно включает в себя временные свойства, присущие семантике вероятности и проявляющиеся в грамматической форме. Поскольку примеров корейского сослагательного наклонения так много, что их практически невозможно рассмотреть в рамках одной статьи, в ней были представлены лишь основные случаи функционирования категории сослагательности.

Список литературы:

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Новое Просвещение, 2018. – 543 с.
2. Lee H.B. Korean Grammar. – N.Y.: Oxford University Press, 1989. – 216 p.

3. Martin S.O. A Reference Grammar of Korean: a Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. – Tokyo: Tuttle, 2017. 414 p.
4. Sohn Ho Min. The Korean Language. – Cambridge: University Press, 2018. – 445 p.
5. 고창운. 서술씨끝의 문법과 의미, 도서출판 박이정. – 1996. – 187 페이지. (Ко Чханун. Грамматика и семантика повествовательных окончаний. – Сеул: Изд-во Пак Иджон, 1996. – 187 с.
6. 권재일. 한국어 문법사, 도서출판 박이정. – 1998. – 319 페이지. (Квон Чэиль. История грамматики корейского языка. Сеул: Изд-во Пак Иджон, 1998. 319 с.).

References:

1. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms. – Moscow: Novoe Prosveshchenie, 2018. – 543 p.
2. Lee H.B. Korean Grammar. – N.Y.: Oxford University Press, 1989. – 216 p.
3. Martin S.O. A Reference Grammar of Korean: a Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. – Tokyo: Tuttle, 2017. 414 p.
4. Sohn Ho Min. The Korean Language. – Cambridge: University Press, 2018. – 445 p.
5. Ko Chhanung. Grammar and semantics of narrative endings. – Seoul: Park Ijeon Publishing House, 1996. – 187 p.
6. Kwon Chaeil. History of the grammar of the Korean language. – Seoul: Park Ijong Publishing House, 1998. 319 p.

УДК/UDC 347.78.034

Некоторые особенности перевода устного публичного выступления с корейского языка на русский язык

Нурзет Дарый Суге-Баадыровна
студент
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
e-mail: nurzet.ds@students.dvfu.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности перевода устных публичных выступлений с корейского языка на русский язык. В частности, проиллюстрированы вопросы, касающиеся грамматических преобразований, таких как замена частей речи, добавление и опущение; лексики, а именно подбор наиболее подходящей по семантике лексической единицы, ханмунная лексика и т.д. На примере перевода выступлений экс-президента, Мун Чжэ Ина, и нынешнего президента Республики Корея, Юн Сок Ёля, показана работа с каноническим или официальным переводом. Выявлены ошибки и проанализированы некоторые трудности, возникающие в процессе перевода ранее перечисленных языковых явлений и намечены возможные пути их преодоления. До сих пор тема статьи была в кругу интересов многих авторов, тем не менее остаётся неисчерпаемой и требует продолжения изучения.

Ключевые слова: корейско-русский перевод, публичное выступление, канонический перевод.

Some features of the interpretation of an oral public speech from Korean into Russian

Nurzet Dary Suge-Baadyrovna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
E-mail: nurzet.ds@students.dvfu.ru

Abstract

This article discusses the features of the interpretation of oral public speeches from Korean into Russian. The grammatical transformations such as substitution of parts of speech, addition and deletion as well as issues related to the vocabulary, especially the selection of the most suitable lexical unit in terms of semantics, hanmun vocabulary, etc are illustrated. The work with official translation is shown on the example of the interpretation of the speeches of the ex-president Moon Jae-in and the current president of the Republic of Korea Yoon Seok-yeol. Some difficulties, mistakes that arise in the process of translating the previously listed linguistic phenomena were analysed. Subsequently, possible ways to overcome those problems are outlined. Until now, the topic of the article has been in the circle of interests of many authors, however, it remains

horizonless and requires further study.

Keywords: Korean-Russian interpretation, public speech, official translation.

В современном мире в условиях глобализации с непрерывным потоком новой информации и интеграции, основывающейся на объединении сил в ответ на глобальные проблемы цивилизации, государству, как участнику международного общения, важно уметь сотрудничать, для чего необходимо знать, как правильно доносить свою позицию и корректно истолковывать позицию других участников интернациональной коммуникации. Фундаментальную роль в международном общении имеет перевод.

Мир стал похож на гонку, в которой изменения происходят на всё возрастающих скоростях, а язык отражает все эти изменения, в связи с чем переводчику постоянно надо следить за новшествами в языке и непрерывно пополнять свой багаж знаний. Требований к переводчику, как и критерий оценки результатов его трудов с каждым годом становится все больше. Особенно остро стоит проблема перевода устных публичных выступлений на международной арене, на подобных мероприятиях и встречах главы государств выступают перед представителями другого языка и культуры, что в свою очередь требует перевода.

До сих пор проблема перевода публичных выступлений интересовала многих исследователей, свидетельством чего может служить достаточное количество научных работ на эту тему. Среди них можно выделить статью С. К. Ким «Особенности перевода текстов публичных выступлений с корейского языка на русский язык», в которой автор рассматривает метод кейсов в качестве инструмента обучения технике перевода. В отечественной литературе вопросами проблем перевода занимался В. Н. Комиссаров [1], чьи научные труды являются своего рода эталоном и до сих пор остаются актуальными.

Особенности публицистического и других стилей корейского языка достаточно полно были раскрыты в учебном пособии В. Н. Лим «Стилистика и культура речи корейского языка». К настоящему времени написано учебное пособие по переводу корейской газеты под авторством Т. Ю. Каплан и Чон Ын Сан, учебное пособие по переводу общественно-политических текстов, авторами которого являются Чон Ин Сун и И. Л. Касаткина, эти научные труды, к сожалению, практически не имеют теоретической части и направлены на тренировку практических навыков перевода, отработку отдельных грамматических конструкций, лексических элементов и клише на корейском языке.

В статье будут проиллюстрированы особенности перевода ораторской речи с корейского языка на русский язык, а также возникающие при этом проблемы, главным образом, на примерах перевода выступлений Мун Чжэ Ина и Юн Сок Ёля.

В качестве материала исследования были рассмотрены видеоматериалы выступления Юн Сок Ёля на 77 сессии Генеральной ассамблеи ООН с синхронным переводом на русский язык, а также текст выступления на оригинальном, корейском языке [2]. Перевод видеоматериала осуществлялся с английского языка на русский язык, в связи с чем автор допускает возможность потери некоторых особенностей перевода с корейского языка на русский язык. Автором данной научной работы были проанализированы оригинал текста и в каких-то местах сделан самостоятельный перевод.

Итак, перевод устного публичного выступления имеет ряд особенностей. Но перед началом стоит отметить, что обычно текст публичного выступления, а особенно произносимой на международной арене, составляется заранее. Исходя из цели выступления, целевой аудитории, подбираются соответствующий

лексикон и темы, которые будут затронуты оратором. В этом плане могут использоваться имена личностей, которые трудно произносить, термины, упоминаться достаточно известные события и другие вещи, о которых даже самый искусный переводчик не сможет на ходу перевести. До выступления переводчику заранее сообщается тема выступления, ключевые моменты, даже вручается целиком весь текст или он составляется совместно.

В публичной речи большой процент занимают имена собственные, числительные, даты.

При объявлении выхода президента Республики Корея переводчиком были некорректно произнесены его инициалы: «А теперь ассамблея заслушает Его превосходительства, Юна Сок Юла». Заметим, что официальной транскрипцией имени оратора на русский язык является Юн Сок Ёль. Но следует отметить, что при повторном объявлении выступающего уже другим переводчиком инициалы были произнесены корректно, т.е. согласно официальной транскрипции.

Перевод рассчитан на то, чтобы заменить оригинал текста, который бы воспринимался целевой аудиторией так же, как и носителями языка оригинала исходный текст. Из-за того, что аудитория принадлежит к иной культуре, для того чтобы перевод был перевод правильно и должным образом воспринят и понят аудиторией, переводчик адаптирует текст. Перевести текст с языка оригинала на язык перевода, вообще не применяя трансформации не получится [3].

Корейский язык относится к так называемым «вежливым» языкам. При общении учитывается возраст, степень родства, социальное положение собеседника. Выделяется 6 стилей общения [4, С. 11-12]. В публичных выступлениях используется вежливый официальный стиль, для которого характерно окончание

니다/습니다.

В процессе перевода могут совершаться грамматические преобразования. Могут добавляться дополнительные, не присутствовавшие в тексте выступления оратора слова. Например, предложение «처버 커러쉬 총회 의장님의 취임을 축하합니다». – «Поздравляю председателя Генеральной ассамблеи, господина Чаба Кёрёши, со вступлением на должность». Оно было переведено на английский язык, а затем на русский язык как «Я искренне поздравляю Его превосходительство, господина Чаба Кёрёши, в связи со вступлением на пост председателя Генассамблеи ООН». Можно видеть, что было добавлено несколько слов от самого переводчика, применение которых допустимо, но не всегда оправданно. Учитывая фактор нехватки времени, восприятия перевода единожды и аудиально, считаем, что стратегия добавления слов конкретно в данном случае уместна. Однако таким образом можно прослушать и не уловить следующие слова оратора.

Проанализируем другое предложение. 의장님의 리더십 하에 이번 제77차 유엔총회가 더 나은 세계를 향해 회원국들의 지혜를 모으는 계기가 되길 바랍니다. – Надеюсь, что 77 сессия Генассамблеи под вашим руководством объединит мудрость каждого государства-члена с тем, чтобы созидать лучший мир. Здесь можно увидеть пример опущения слов: «지혜를 모으는 계기가» дословно переводится как «аппарат, собирающий мудрость». Также тут есть замена частей речи. Отглагольный послелог 을/를 향해, переводящийся как «по направлению, в сторону, к» был трансформирован в глагол «созидать».

Также из-за различий в грамматике русского и корейского языков предложения могут объединяться как в следующем примере: 유엔 헌장은 더 많은 자유 속에서 사회적 진보와 생활 수준의 향상을 촉진할 것을

천명하고 있습니다. 또한, 국제평화와 안전을 유지하기 위한 인류의 연대를 촉구하고 있습니다. – Согласно уставу ООН, мы призваны стремиться содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, а также объединять наши силы для поддержания международного мира и безопасности. Как видно, на корейском языке оратор произнёс два простых предложения, а перевод осуществлён одним союзным сложносочинённым предложением.

В плане лексики любая языковая единица имеет постоянное значение, но оно различается у отличных друг от друга языков. В связи с чем переводчик вынужден подбирать наиболее подходящее по значению слово.

이번 유엔총회의 주제인 ‘분수령의 시점’은 우리가 직면한 글로벌 위기의 심각성을 대변함과 동시에 유엔의 역할이 그 어느 때보다 막중하다는 것을 의미합니다. - Тема Генеральной Ассамблеи ООН в этом году «Переломный момент» отражает серьёзность глобального кризиса, с которым мы сталкиваемся, и в то же время означает, что роль ООН важнее, чем когда-либо.

В приведенном выше предложении слово «이번» дословно переводится как «этот (раз)», но исходя из контекста может переводиться как и «в этот год, эту неделю» и т.д. В предложении «이번» относится к слову «유엔총회» - «сессия Генеральной ассамблеи ООН», а так как сессия Генеральной ассамблеи ООН проводится ежегодно, то перевод «в этом году» обоснованный. В этом же предложении слово «직면하다» - «сталкиваться» стоит в прошедшем времени и согласно нормам языка должно переводиться в прошедшем времени, но перевод осуществлён в настоящем времени. Мы не можем утверждать о том, была ли это ошибка, но полагаем, что в данном случае можно перевести и в настоящем времени, ввиду того что кризис всё ещё продолжается.

Вообще высока частота употребления ханмунной лексики или ханджа (한자어), китайской иероглифической письменности, что объясняется способностью иероглифической морфемы лаконично и ёмко образовать термины, понятия [5, С. 139]. Каждый иероглиф может иметь определенное значение. Например, слог 대 означает «по отношению к», а слог 중 – Китай, таким образом, при слиянии этих двух слогов получается слово 대중, означающее «по отношению к Китаю». Подобным же образом можно составить и другие слова, например, при соединении слога 러 – Россия и 대, получается 러대 – по отношению к России. Сложность для переводчика состоит в том, что в словаре невозможно найти все значения слов, которые имеют иероглифическое происхождение, поэтому важно знать значение отдельных иероглифов.

Нужно также отметить, что неотъемлемый навык, которым должен обладать современный переводчик – это умение работать с каноническими переводами, то есть официальными переводами документов правительственных структур, международных организаций. Однако это занятие требует очень много времени и усилий, и в процессе, например, синхронного перевода без подготовки, переводчик не в состоянии в доли секунды, которые ему даются, найти официальные переводы. В таких случаях приходится переводить дословно. В тексте выступления Мун Чжэ Ина [6] встречается выражение 2024러시아연방 국가발전목표, которое было переведено как цели государственного развития до 2024 России, однако в оригинале фраза звучит по-другому. Мы нашли официальный документ, в котором впервые было написано данное выражение на языке оригинала. Этим документом является «Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"» [7]. На этом

примере можно видеть, что переводчик воспользовался приёмом дословного перевода и не нашёл официальный. Также стоит отметить, что так как текст воспринимался на слух, то у аудитории не было возможности заострять своё внимание на точности перевода, да и для общего понимания дословный перевод не представил помех.

К тому же в тексте выступления оратора встречается цитата: 러시아가 구원받을 수 있다면, 유라시아주의를 통해서만 가능할 것이다 - Если Россия будет спасена, то только через евразийство. Перевод корректен и соответствует оригиналу. Цитата изначально взята из интервью Льва Гумилёва и звучит она следующим образом: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [8]. Человеку, не знающему эту цитату, было бы трудно перевести, ведь 구원받다 дословно означает получать помощь, и тогда бы получилось «если бы Россия могла получить помощь, то только через евразийство», непонятное, неестественное для русскоговорящего слушателя.

Оценку переводу даёт сама аудитория, был ли он корректен, правилен, понятен. При учёте такой логики выделяются следующие ошибки перевода:

1. Лексико-грамматические (неправильное употребление терминов, опущение фраз, ошибки согласования и спряжения). В переводе выступления Мун Чжэ Ина звучит следующее предложение, которое было транскрибировано нами по видеозаписи: «Во время полета в Москву я размышлял о благоговейном трепете человека перед величием природы и о русской душе, которая эти необъятные просторы обрели глубокое понимание связи человека с природой». Предложение сложноподчинённое. В этом предложении нас смущает часть: ... душе, которая эти необъятные просторы обрели глубокое

понимание... В этом случае либо не соблюдены грамматические нормы русского языка, либо же опущены важные для понимания связи слов в предложении фразы, слова. Определительный союз «которая» в этом предложении относится к дополнению «душа» в главной части предложения, и по логике сказуемое в подчинённой части предложения слово «обрели» должно согласовываться в роде, числе с ним, но вышло иначе. Таким образом, были нарушены нормы русского языка.

2. Сорные слова и фонологические отклонения (добавление, опущение звуков, замена букв или звуков). В озвученном переводе выступления Мун Чжэ Ина переводчик сказал «крупнет надежда», при этом подразумевая «крупнеет надежда», тем самым опустив звук, совершил фонологическую ошибку [9, С. 67].

В заключении скажем, что перевод устного публичного выступления является одним из способов межкультурной коммуникации, успех которого значительно определяется качественной работой переводчика. Переводчик придерживается определенных принципов, важнейшим из которых является соблюдение норм языка, на которой производится перевод. Но также стратегия, которой придерживается переводчик, зависит от цели перевода.

В связи несовпадения «языковых картин» Российской Федерации и Республики Корея переводчик адаптирует текст, использует на практике различные приёмы: изменение порядка слов, изменение структуры предложения, замена частей речи и членов предложения, добавление слов, опущение слов для лучшего понимания текста перевода слушателями.

В процессе перевода встречаются различного рода трудности, к которым переводчик должен быть готов. В публичной речи могут

использовать различные цитаты и отсылки, реалии языка и культура, которые переводчик должен уметь перевести так, чтобы аудитория поняла посыл переведённого. Особой трудностью во время устного перевода представляется перевод слова, фразы, предложения, лозунга, который имеет «официальный перевод», на поиск которого бывает критически не хватать времени. В таком случае мы рекомендуем заранее ознакомиться с текстом выступления оратора, если имеется такая возможность.

В связи с возникающими трудностями при переводе могут совершаться ошибки, которые оценивает непосредственно сама аудитория и слушатели. Ошибки могут иметь лексико-грамматический, стилистический, фонологический характер. В основном, такие ошибки прощаются аудиторией, так как у неё нет возможности и времени заострять своё внимание на них.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены лишь некоторые особенности перевода устного публичного выступления с корейского языка на русский язык. Поэтому видим необходимость продолжения изучения этой темы.

Список литературы:

1. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
2. [전문] 윤석열 대통령, 제77차 유엔 총회 기조연설 // 정책브리핑 – URL: www.korea.kr
3. [Полный текст] Программная речь президента Юн Сок Ёля на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Политический брифинг
4. Мокрополова А.Н., Шушарина Г.А. ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 136-136;
5. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5253> (дата обращения: 25.01.2023).
6. Куротченко К. Б., Леонов М. В., Швецов Ю. И. Корейский язык: Учебное пособие. - М.: Издательство, 2005. – 253 с.
7. Лим, В. Н. Стилистика и культура речи корейского языка = 한국어문체론과 언어문화: учебное пособие / В. Н. Лим. Хабаровск: Из-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2008. – 209 с.
8. [대통령] 러시아 하원 연설문 // 주러시아 대한민국 대사관 - URL: <https://overseas.mofa.go.kr/ru-ko>

9. [Президент] Текст выступления в нижней палате Федерального собрания Российской Федерации // Посольство Республики Корея в Российской Федерации
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1>
11. Савкин, И. Лев Гумилёв: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» / И. Савкин // Журнал «Социум». – 1992. - №9(21). – URL: <https://www.ashurbeyli.ru/news/article/lev-gumilev-skazhu-vam-po-sekretu-chto-esli-rossiy-17399>
12. Аликина, Е.В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода / Е.В. Аликина. М. Восточная книга, 2010. – 192 с.

References:

1. Komissarov V.N. Sovremennoe Perevodovedenie [Modern translation studies]. Moscow, ETS, 2002. 424 p.
2. Full text of Yoon's address to U.N. General Assembly (2022). Available at: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148906095> (Accessed: January 26, 2023).
3. Mokropolova A.N., Shusharina G.A. BASIC TRANSLATION STRATEGIES Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education], 2014, no. 6-2. – p. 136. (in Russian)
4. Kurotchenko K. B., Leonov M. V., Shvetsov Yu. I. Koreyskiy yazyk [Korean language]. Moscow, Publishing house, 2005. 253 p.
5. Lim, V.N. Stilistika i kul'tura rechi koreyskogo yazyka = hangug-eomunchelongwa eon-eomunhwa [Stylistics and culture of speech of the Korean language = 한국어문체론과 언어문화]. Khabarovsk, Far East. state humanit. un-ta, 2008. 209 p.
6. [Daetonglyeong] leosia hawon yeonseolmun [[President] Speech to the Russian House of Representatives]. Available at: <https://overseas.mofa.go.kr/ru-ko> (Accessed: January 26, 2023).
7. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (Accessed: December 10, 2022). (in Russian)
8. Savkin, I. Lev Gumilyov: "I'll tell you a secret that if Russia is saved, then only through Eurasianism". Socium [Society], 1992, no. 9 (21). Available at: <https://www.ashurbeyli.ru/news/article/lev-gumilev-skazhu-vam-po-sekretu-chto-esli-rossiy-17399>
9. Alikina, E.V. Vvedeniye v teoriyu i praktiku ustnogo posledovatel'nogo perevoda [Introduction to the theory and practice of oral consecutive translation]. Moscow, Oriental book, 2010. 192 p.

УДК/UDC 659.123.15

Диалект провинции Кёнсандо, Республика Корея

Сивогорло Ирина Андреевна
Студент, Востоковедение и африканистика
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
e-mail: sivogorlo.ia@students.dvfu.ru

Сиренко Ольга Александровна
Старший преподаватель кафедры корееведения
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
e-mail: sirenko.oa@dvfu.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности диалекта провинции Кёнсандо, Республика Корея. Диалекты являются важной частью языка, и только их детальное изучение даёт возможность в полной мере взглянуть на картину мира. Несмотря на территориальную ограниченность, Корея лингвистически богата, а диалекты являются особым речевым общением, позволяющим установить контакт между людьми. Кёнсанский диалект является одним из самых выразительных в связи с яркими фонетическими, интонационными, лексическими и грамматическими особенностями, которые выделяют его из других диалектов. В статье подчеркиваются основные черты данного диалекта, приводятся примеры из корейских песен и телешоу. Также отмечается, что большинство носителей этого диалекта имеют сложности с переключением на стандартный корейский и сокрытием своей языковой идентичности.

Ключевые слова: диалекты; корейский язык; диалекты корейского языка; провинция.

The dialect of Gyeongsang Province, Republic of Korea

Sivogorlo Irina
Student, Oriental and African Studies
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
e-mail: sivogorlo.ia@students.dvfu.ru

Sirenko Olga Alexandrovna
Senior lecturer of the Department of Korean Studies
Vladivostok, Russia
e-mail: sirenko.oa@dvfu.ru

Abstract

This article discusses the features of the dialect of Gyeongsang Province, Republic of Korea. Dialects are an essential part of the language, and only their detailed study makes it possible to fully look at the world. Despite its territorial limitations, Korea is linguistically rich, and dialects are a special speech communication that allows you to establish contact between people. The Gyeongsang dialect is one of the most expressive ones due to its striking phonetic, intonation, lexical and grammatical features that distinguish it from other dialects. The article highlights the main features of this dialect, gives examples from Korean songs and TV shows. It is also noted that most native speakers of this dialect have difficulty switching to standard Korean and hiding their linguistic identity.

Keywords: dialects; Korean language; Korean dialects; province.

Язык объединяет в себе все разнообразие говоров и диалектов, классовой, сословной и профессиональной речи, разновидности устной и письменной формы речи. Диалект понимается как «разновидность общенародного языка, употребляемая сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной» [6].

На данный момент в основном принято выделять два вида диалектов - социальный и территориальный. Социальные диалекты характеризуются наличием определенной лексики, но они не содержат грамматического и фонетического строя. В данной статье особое внимание уделяется такому наиболее распространенному виду диалекта, как территориальный или, как его по-другому называют, - региональный. В нём уже явно видны отличительные особенности в фонетическом, грамматическом и лексическом отношении [2].

Специфика корейского языка характеризуется широким диалектным разнообразием. Принято считать, что самой главной и основной причиной дробления языка на диалекты является характерный для Корейского полуострова горный рельеф. В результате этого отдельные регионы были достаточно изолированы друг от друга, люди не могли так легко передвигаться по территории

полуострова, как следствие - коммуникация между жителями отдалённых друг от друга субъектов была более труднодостижима [3]. Это способствовало усилению процессов размежевания норм корейского языка в различных частях государства, поэтому люди, в основном, общались на самостоятельно возникшем с течением времени диалекте в своём регионе.

Исходя из географического признака, в Республике Корея принято выделять 6 диалектов, имеющих названия тех провинций, где они чаще всего употребляются:

1. Сеульский диалект или же диалект Кёнгидо – наиболее часто используется в столице Республики Корея, Сеуле и в провинции Кёнгидо, кроме того, повсеместно применяется в вузах не только Южной Кореи, но и других государств, где люди изучают корейский язык);
2. Диалект Канвондо (встречается в провинции Канвондо);
3. Диалект Чхунчхондо (используется в провинциях Чхунчхоннамдо и Чхунчхонпукто, включая город Тэджон);
4. Диалект Чолладо (распространен на территории провинций Чолланамдо и Чоллапукто);
5. Диалект Кёнсандо (на нём говорит население в провинциях Кёнсаннамдо и Кёнсанпукто);
6. Диалект Чеджудо (употребляется в провинции Чеджудо и на юго-западном побережье Южной Кореи) [5].

Мы разберём особенности кёнсанского диалекта, на котором говорят носители корейского языка на юго-востоке Корейского полуострова.

В провинции Кёнсандо находятся такие крупные города, как Пусан, Тэгу, Ульсан. Пусан входит в регион диалекта Южный Кёнсандо, но в Тэгу идёт такое распределение тональных категорий, которое

характеризует Северный диалект Кёнсандо. Население региона довольно большое, поэтому диалект распространён среди многих корейцев.

Многие люди, владеющие данным диалектом, используют «ㅏ» вместо «ㅡ». Поэтому часто можно услышать «엄식» вместо «음식», что значит «еда». Слово «증거», доказательство, в диалектном произношении ближе к «정거».

Основным ареалом, в котором не различаются «ㅏ» и «ㅑ», является Кёнсандо. Так, 개, собака, и 게, краб, произносятся одинаково. В последнее время становится всё более заметной тенденция неразличения этих гласных представителями молодого поколения корейцев [4].

В данной провинции прослеживается замена «-고» на «-꼬». Фраза «что ты сказал?» в стандартном корейском языке звучит как «뭐라고?», а на диалекте будет больше похожа на «뭐라꼬?».

В диалекте Кёнсандо есть характерные вопросительные окончания. Так, окончания «노» и «고» употребляются в предложениях с вопросительными словами 어디, где, 언제, когда, 누가, кто, а окончания «나» и «가» - в вопросительных предложениях, требующих ответа «да-нет»:

니 어데 갔더노? (너 어디 갔었니?) – Куда ты ходил?

그기 니 책 아이가? (그것 너의 책 아니냐?) – Это не твоя книга?

머라카노? (뭐라고 하느냐?) – Что ты говоришь? – одна из самых характерных фраз в этом диалекте. Часто она используется вместе со словом «마»: 마 머라카노? – Хэй, что ты говоришь?

Окончание «아이가» в традиционном корейском является «잡아요» и «지»:

사투리하모 갱상도 아이가. (사투리하면 경상도지.) - И если обсуждать сатхури, лучше всего диалект Кёнсандо.

구수하고 정겨운게 딱 우리 정서에 맞다 아이가. (구수하고 정겨운게 딱 우리 정서에 맞잖아.) - Он пикантный и дружелюбный, и прекрасно отражает наш менталитет. [1]

В 303 выпуске 아는 형님, когда гостями были участницы корейской K-POP группы aespa, певица Winter, родившаяся в Янсане, городе в провинции Кёнсан-Намдо, произнесла несколько фраз на своём диалекте:

호동이 마산 사람아이가? (호동이 마산 사람이지?) – Ходон, ты же из Масана?

내 양산 사람이다. (내가 양산 사람이다.) – Я из Янсана.

갱상도 아이가. (경상도지.) – Мы же из Кёнсандо [7].

Вместо глагола 먹다, который переводится как «есть», в диалекте используют слово 묵다. Так, корейская фраза «밥 먹었어?», которая дословно переводится как «ты поела?», но по значению больше похожая на «как дела?», в Кёнсандо будет звучать как «밥 묵었나?» или просто «밥 문나?».

Замена повелительного окончания «-세요» на окончание «-이소» тоже является характерной особенностью. Например, фраза «заходите» или «добро пожаловать» «어서 오세요» на диалекте Кёнсандо будет звучать как «어서 오이소».

Наиболее отличительной чертой является система тонального акцента диалекта Кёнсандо. Это единственный диалект в Южной Корее, в котором сохранена система тонов средневекового корейского языка, в то время как все остальные диалекты потеряли эту тональную систему в период около XVII века.

Диалект Кёнсандо часто называют консервативным. Из-за

тонального акцента и других сильных диалектных различий носители языка Кёнсандо имеют сложности с переключением на стандартный корейский и сокрытием своей языковой идентичности, что является несложным для носителей других диалектов.

Изучение диалектов помогает понять действующие закономерности и историю развития языка, выявить различия в структуре слов, их значениях, что служит укрепляющим фактором в дальнейших фундаментальных лингвистических исследованиях. Понимание особенностей вариаций языка позволяет расширить сферу знаний о корейском в целом.

Список литературы:

1. BTS [южнокорейская поп-группа] 팔도강산 [песня]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FWwkJ8vExmc>. - Дата доступа: 10.01.2023.
2. Jae, J. The Korean Language. Structure, use and context / Jae Jung Song. – Taylor & Francis, 2006. – 185 p.
3. Lee, Ki-Moon. A history of the Korean language / Ki-Moon Lee, S. Robert Ramsey. – Cambridge University Press, 2011. – 336 p.
4. Ли, И. Корейский язык: история и современное состояние / Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван ; перевод с корейского В. Аткинина. Региональная общественная орг. «Корейский культурно-просветительский центр «Первое Марта». – Москва: Первое Марта, 2005. – 483 с.
5. Мазур, Ю. Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. – Москва: Изд-во восточной литературы, 1960. – 120 с.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва, 1985. – 399 с.
7. 아는 형님 (Knowing Bros / Всеведущие братья) [южнокорейское развлекательное шоу канала JTBC] 303 выпуск. – URL: https://doramativ.live/knowning_brothers/series303. - Дата доступа: 05.01.2023.

References:

1. BTS [South Korean Boy's Band] 팔도강산 [song]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FWwkJ8vExmc>. – Date of access: 10.01.2023.
2. Jae, J. The Korean Language. Structure, use and context / Jae Jung Song. – Taylor & Francis, 2006. – 185 p.
3. Lee, Ki-Moon. A history of the Korean language / Ki-Moon Lee, S. Robert Ramsey. – Cambridge University Press, 2011. – 336 p.
4. Lee, I. Korean language: history and current state / Lee Exop, Lee Sanok, Chae Wang; translation from Korean by V. Atknin. Regional public org. “Korean Cultural and Educational Center “First of March”. - Moscow: First March, 2005. - 483 p.
5. Mazur, Yu. N. Korean language / Yu. N. Mazur. - Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. - 120 p.
6. Rosenthal, D. E. Dictionary-reference book of linguistic terms / D. E.

Rozental, M. A. Telenkova. - Moscow, 1985. - 399 p.

7. 아는 형님 (Knowing Bros) [South Korean variety show on JTBC] 303 episode. – URL: https://doramatv.live/knowning_brothers/series303. – Date of access: 05.01.2023.

УДК/UDC 81

Фоновая лексика как элемент отображения культуры (на материале лексикографических источников)

Калягина Ирина Геннадьевна
кандидат филологических наук, доцент
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Россия
e-mail: Irina.Kalyagina@novsu.ru
ORCID: 0000-0002-5872-5499

Аннотация

В данной статье рассматривается лингвострановедческое понятие фоновых знаний и его многоаспектность. В современной лингвистике и лингводидактике освещаются проблемы идентификации и семантизации фоновой лексики, сложности овладения фоновой лексикой в межкультурном общении. В ходе исследования предпринята попытка лексикографического описания отдельных фоновых лексем. В заключение делается вывод об актуальности решаемых вопросов, а также о необходимости дальнейших исследований как в области теоретического изучения фоновой лексики, так и прикладного использования полученных данных.

Ключевые слова: фоновая лексика, фоновые знания, лексикография, лингвострановедение.

Background vocabulary as an element of culture display (based on lexicographic sources)

Kalyagina Irina Gennadjevna
Candidate of Philological Sciences
Associate Professor
Yaroslav the Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia
E-mail: Irina.Kalyagina@novsu.ru
ORCID: 0000-0002-5872-5499

Abstract

This article examines the linguistic and cultural concept of background knowledge and its multidimensional nature. In modern linguistics and linguodidactics, the problems of identification and semantics of background vocabulary, the difficulties of mastering background vocabulary in intercultural communication are highlighted. In the course of the study, an attempt was made to lexicographically describe individual background lexemes. In conclusion, the conclusion is made about the relevance of the issues being solved, as well as the need for further research both in the field of theoretical study of background vocabulary and the applied use of the data obtained.

Keywords: background vocabulary, background knowledge, lexicography, linguistics.

Основываясь на научных положениях, доказанных в лингвистической литературе, можно с уверенностью говорить о неразрывной связи языка с культурой, о детерминации культурой содержания языковых единиц. Неразрывная связь языка с культурой и обществом делает его важнейшим компонентом национального духа. Данные положения отражены в работах В. Гумбольта, Э. Сепира, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и многих других исследователей. При изучении сложного взаимодействия языка и культуры значительный интерес занимают фоновые слова.

Термин фоновые слова был введен Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [1]. Фоновой лексикой принято считать лексические единицы с национально-специфическим лексическим фоном, содержащим ценную информацию о национальной внеязыковой действительности.

В рамках межкультурного общения, в процессе изучения и преподавания иностранного языка, национально-самобытная лексика представляет немалый интерес, позволяет «через слово» заглянуть в жизнь другого народа, увидеть в слове отражение многочисленных конкретных материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе.

Как правило, большинство фоновых слов легко переводимы на родной язык, однако, эта легкость лишь кажущаяся, поскольку, национально-специфические различия фоновых слов могут быть небольшими или, наоборот, значительными, могут затрагивать «качественную» сторону обозначаемого ими предмета, его объем или функциональную роль в обществе. Например, русское слово «лектор» и немецкое «Lektor», русское слово «доктор» и немецкое слово «Doktor», русское слово «кандидатский минимум» и немецкое слово «Rigorosum».

Важную роль в уточнении культурного компонента семантики языковой единицы занимает лексикография, задача которой описать фоновую лексическую единицу с позиции её индивидуальности и особенностей контекстуального употребления. В истории лексикографии существует множество классификаций словарей, которые по-разному представляют лексический материал и имеют разную практическую направленность, но все они регламентируют словоупотребление, и, в некоторой степени, являются справочником по культуре; неслучайно, в одной из своих работ Н.Б. Мечковская пишет, что «словарь – зеркало культуры» [2, с. 58-59].

В данной статье мы хотели бы остановиться на проблеме лексикографического описания фоновых лексем.

Так к анализу были привлечены два одноязычных толковых словаря серии Duden: Deutsches Universalwörterbuch [4] и Bedeutungswörterbuch [5], а также одноязычный толковый словарь Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache [6]. Материалом исследования послужили всего лишь три лексемы, выбранные произвольно из различных областей (кулинарная, бытовая и фразеологическая): Pumpernickel, Hampelmann, Pechvogel. Данные лексемы часто встречаются в страноведческих текстах и, как правило, не вызывают особых сложностей в понимании их значения, больший интерес вызывает вопрос как передаёт словарь тончайшие семантические оттенки значения и отражена ли их национально-культурная специфика. Так Большой двухтомный немецко-русский словарь [3] предлагает следующий перевод: Pumpernickel m -s, = 1. ржаной хлеб [пряник], ржаная пышка; 2. разг. уст. толстушка, пышка [3, 216]. Hampelmann m -(e)s, ..männer 1. марионетка (кукла); петрушка; Hampelmänner bauen спорт., воен.жарг. делать вольные упражнения; 2. кривляка, паяц; разболтанный [никчёмный] человек; и выражение als

~ fungieren играть роль шута. [3, 592]. Pechvogel m разг. неудачник [3, 185].

Universalwörterbuch даёт грамматические сведения по данной лексеме, предлагает описание внешнего вида продукта, его вкусовых качеств. Кроме того в словаре указана информация о модификации значения лексемы с течением времени. Pumpernickel, der; -s, - «Pl. selten» [wohl so benannt wegen der blähenden Wirkung; urspr. Schimpfwort, zu älter Pumper = Furz (vgl. pumpern) u. ↑3Nickel {(landsch.): eigensinniges, schwieriges Kind} [4, 1076]: schwarzbraunes, rindenloses, süßlich u. würzig schmeckendes Brot aus Roggenschrott [4, 1196]. Разница в предложенных значениях переводного и толкового словарей очевидна: «толстушка, пышка» и «упрямый, трудный ребенок».

В словаре Bedeutungswörterbuch даны грамматические сведения, предложено описание самого продукта и его вкусовых качеств. Pumpernickel, der; -s; -: schwarzbraunes, rindenloses, süßlich und würzig schmeckendes Brot aus Roggenschrot [5, 504].

Словарь Langenscheidts Großwörterbuch даёт грамматические сведения, а в описании продукта ограничивается только лишь описанием его внешнего вида, не указывая его вкусовые качества. Pumpernickel (k-k) der; -s; nur Sg; ein sehr dunkles u. festes (Roggen)Brot ohne Rinde [6, 765].

Рассмотрим следующее слово – Hampelmann. Universalwörterbuch даёт грамматические сведения, предлагает описание материала из которого изготовлена данная игрушка и принцип её работы, даёт переносное значение данного слова и описывает значение тех фразеологических единиц, в которых оно встречается. Hampelmann, der; -[e]s, ...manner [zu ↑hampeln]: a) aus Holz, Pappe o.Ä. hergestelltes, an die Wand zu hängendes Kinderspielzeug in Gestalt eines Kaspers, einer Märchenfigur etc., das, wenn man an einem daran befestigten Faden zieht,

Arme u. Beine waagerecht vom Körper abspreizt u. Unterschenkel u. Unterarme nach unten baumeln lässt: ein bunter H.; b) (ugs. abwertend) schwacher Mensch, der leicht zu lenken u. zu beeinflussen ist: dieser H. plappert nach, was der Chef sagt; *jmdn. zu einem, seinem H. machen; einen H. aus jmdm. machen (jmdn. ganz von sich abhängig machen, zu einem willenlosen, geflügigen Werkzeug machen): lass dich doch nicht zu seinem H. machen!; hampeln <sw.V.; hat> [aus dem Niederd., H.u.] (ugs.): sich [von einem Bein auf das andere hüpfend] unruhig hin u. her bewegen: hör auf zu h.! [4, 658].

Словарь Bedeutungswörterbuch не включает лексику Hampelmann в свой состав.

Словарь Langenscheidts как и словарь Universalwörterbuch даёт грамматические сведения, предлагает описание данной игрушки, но уже менее подробно, и указывает на переносное значение данного слова. Hampelmann der; 1. e-e Art Puppe aus Holz, Karton o.ä., deren Arme u. Beine sich gleichzeitig nach oben bewegen, wenn man an e-m Faden zieht 2. gespr.pej; j-d, der keinen eigenen Willen hat u. das tut, was andere wollen ≈ Schwächling [6, 439].

И, наконец, обратимся к лексеме Pechvogel. Словарь Universalwörterbuch даёт грамматические сведения, вновь предлагает помимо описания значения самого слова, историческую справку о появлении данного значения у лексики. Pechvogel der, [aus der Studentenspr., eigtl. = Vogel, der an der Leimrute (alter: Pechrute) kleben bleibt] (ugs.): jmd., der oft Pech (2) hat {unglückliche Fügung; Missgeschick, das jmds.Vorhaben, Pläne durchkreuzt} [4, 1130].

В словаре Bedeutungswörterbuch нет данных на Pechvogel. Предлагается лишь описание одного из значений слова Pech. Pech, das; -s: unglückliche Fügung, die jmds. Pläne, Vorhaben durchkreuzt /Ggs. Glück/: er hat viel P. gehabt; vom P. verfolgt sein. sinnv.: Fehlschlag, Fiasko,

↑Mißerfolg, Mißgeschick, Pechsträhne, Rückschlag; ↑Unglück. Zus.: Künstlerpech [5, 483].

В словаре Langenscheidts даны грамматические сведения, краткое описание значения слова и его синоним: Pechvogel der; gespr; j-d, der viel Pech hat ≈ Unglücksrabe [6, 730].

В заключение хотелось бы отметить, совершенно справедливо утверждение, что фоновая лексика фиксирует опыт коллектива, «картину мира» говорящего на нём народа, однако для изучающих иностранный язык определить, увидеть этот отрезок действительности, тот небольшой кусочек культуры через значение слова и его лексикографическое описание представляется не всегда простой задачей. Практически невозможно увидеть «культурный компонент» в переводном словаре. Что же касается толковых словарей, то здесь встаёт задача выбора «хорошего» словаря. Очевидно, что в лексикографическом описании фоновых слов всегда остаются неотражёнными какие-то аспекты, поскольку каждое из фоновых слов содержательно гораздо шире, чем просто лексическая единица. Эти данные свидетельствуют об актуальности решаемых вопросов, а также о целесообразности дальнейших теоретических исследований и их практического применения.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 1996.
3. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. / сост. У.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под рук. О.И. Москальской. – М.: Рус. яз., 1980. – 1416 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichenrat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverl., 1996 – 1816 S. – ISBN 3-411-05503-0.
5. Der Duden: in 12 Bd.: d. Standardwerk zur dt. Sprache. Bd.10 Duden Bedeutungswörterbuch / hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim; Wien; Zürich : Bibliographisches Institut, 1985. – 804 S. – ISBN 3-411-20911-9.

6. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / Herausgeber Professor Dr. Dieter Götz, Professor Dr. Günther Haensch, Professor Dr. Hanz Wellmann. – Berlin und München : Langenscheidt KG, 1993. – 1185 S. – ISBN 3-468-49000-3

References:

1. Vereschagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: linguistics in the tradition of the Russian language as a foreign language. – M., 1990.
2. Mechkovskaya N. B. Social linguistics. – M., 1996.
3. A large German-Russian dictionary: In 2 volumes / comp. U.I. Leping, N.P. Strakhova, N.I. Filicheva, etc.; under the hands. O.I. Moskalskoy. – M.: Rus. yaz., 1980. – 1416 p.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichenrat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverl., 1996 – 1816 S. – ISBN 3-411-05503-0.
5. Der Duden: in 12 Bd.: d. Standardwerk zur dt. Sprache. Bd.10 Duden Bedeutungswörterbuch / hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – Mannheim; Wien; Zürich : Bibliographisches Institut, 1985. – 804 S. – ISBN 3-411-20911-9.
6. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / Herausgeber Professor Dr. Dieter Götz, Professor Dr. Günther Haensch, Professor Dr. Hanz Wellmann. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 1993. – 1185 S. – ISBN 3-468-49000-3

УДК/UDC 811.531

Образование неологизмов в современном корейском языке

Матхеева Елена Викторовна
студентка
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
E-mail: matkheeva.ev@students.dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению процесса образования новых слов в современном корейском языке. Главная цель исследования – доказать, что словообразование является главным средством пополнения лексического состава языка и свидетельствует о подвижности языка. В статье была рассмотрена трактовка термина неологизм. Также были выделены факторы, которые влияют на образование неологизмов. Были установлены основные способы образования новых слов и привели примеры к каждому из них. Лексическим материалом послужили неологизмы, взятые из песен, написанных на корейском языке. В результате был сделан вывод, что благодаря процессу образования новых слов в языковой системе отражаются изменения, происходящие в обществе, и она непрерывно пополняется и обновляется. Таким образом, язык представляет собой живую и динамичную систему.

Ключевые слова: неологизм, корейский язык, способы образования новых слов.

Formation of neologisms in modern Korean language

Matkheeva Elena Viktorovna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
E-mail: matkheeva.ev@students.dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the process of formation of new words in the modern Korean language. The main purpose of the study is to prove that word formation is the main means of replenishing the lexical composition of the language and indicates the mobility of the language. The interpretation of the term neologism was considered in this article. Factors that influence the formation of neologisms were also identified. The main ways of forming new words were established and examples were given for each of them. The lexical material was neologisms taken from songs written in Korean language. As a result, it was concluded that due to the process of formation of new words, the language system reflects the changes taking place in society, and it is continuously updated. Thus, the language is a living and dynamic system.

Keywords: neologism, Korean language, ways of formation of new words.

Корейский язык постоянно меняется. Многие ученые и исследователи утверждают, что нельзя найти такого языка, который бы не находился в непрерывном движении и изменении. Ярким свидетельством динамики языка является процесс образования новых слов. Лексика, как самая подвижная и изменяемая часть языка, непрерывно обновляется вслед за развитием процессов, происходящих в социуме, поэтому ее изменение становится неизбежным.

Неологизм (от греч. *neos* – новый + *logos* – слово, понятие) – это слово или оборот речи, которые были созданы для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. Н.М. Шанский считает, что «Неологизмы – это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, еще не вошли в активный словарный запас языка. Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не войдут в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности».

Отличительной чертой неологизма является его абсолютная новизна для значительной части носителей языка. То есть, само по себе выражение может считаться неологизмом довольно недлительное время.

Закрепившись в языке, новые слова постепенно становятся общепринятыми. До тех пор, пока обозначаемые неологизмами предметы и явления окружающего мира сохраняют окраску новизны, эти самые слова продолжают восприниматься как новые. Однако, как только слово становится частью активного словарного запаса говорящих, оно сразу же теряет свою особенность новизны и превращается в общеупотребительное. Например, являвшееся в корейском языке когда-то ранее новыми такие заимствованные слова, как 앱 “приложение”, 다운로드하다 «скачать», 조깅하다 «бегать» и др.,

крайне быстро вошли в широкое употребление и стали понятными для всех.

Ежегодно корейский язык пополняется большим количеством неологизмов, что говорит о том, что данным языком и легко создаются, и легко принимаются новые слова. Правительством Республики Корея с 1992 г. ведется учет в области неологизмов, а Национальный институт корейского языка публикует ежегодный список возникших в языке новых слов. Это свидетельствует о важности данного языкового явления.

Особое внимание стоит уделить причинам, которые способствуют возникновению неологизмов. В нем задействованы две основные группы факторов – внутренние (языковые) и внешние (социальные). Как считает Л. П. Крысин, для того чтобы выявить особенности развития языка в определенную эпоху «...необходимо учитывать действие как внутренних, собственно языковых, так и внешних, в частности социальных, факторов; в их взаимодействии и кроются истинные причины языковой эволюции».

Внутренние (языковые) факторы – это комплекс морфологических законов устройства языка, которые и позволяет ему быть восприимчивым к возникновению неологизмов. Они определяются заранее заложенными в языковую структуру возможностями обновления средств языка. Под внешними же факторами подразумеваются явления, которые происходят в обществе и оказывают непосредственное влияние на образование в языке новых слов. Другими словами, это различные изменения, происходящие в общественной жизни, новые реалии в социальной, политической, экономической сферах, а также научные, технические, культурные открытия и достижения. И те, и другие факторы тесно взаимосвязаны друг с другом. На лексическую систему оказывают влияние и внешние

факторы, и внутриязыковые изменения, поэтому их влияние нужно рассматривать только в совокупности, а не отдельно друг от друга.

Способы происхождения неологизмов разнообразны. На основе классификации советского и российского востоковеда, кандидата филологических наук, Юрия Николаевича Мазура, представленной в его работе «Корейский язык», можно выделить следующие способы образования неологизмов:

Аффиксация – образование новых слов с помощью аффиксов, т. е. присоединение префиксов или суффиксов к корню или основе слова.

Пример: 권찮이즘 – 귀찮다 + суффикс -이즘 – состояние, при котором человеку совершенно не хочется что-либо делать.

Сложение – объединение двух или более основ в одно слова.

Пример 1: 웃프다 – основы слов 웃기다 «смешной» + 슬프다 «грустный» – «и смех, и грех».

Пример 2: 치느님 – основы слов 치킨 «курица в кляре» + 하느님 «Бог» – «божественная курица в кляре» (выражение, которое используется для восхваления блюда).

Пример 3: 모솔 – сложение двух усеченных основ сложного слова 모태솔로, 모태 «утроба матери», 솔로 – от англ. соло – человек, который никогда не был в романтических отношениях (букв. человек, который одинок с самого рождения).

Сокращение – образование новых слов путем сокращения, усечения основы.

Пример 1: 엠친아 – сокр. от словосочетания 엄마 친구의 아들 «сын маминой подруги» (собирательный образ, представляющий собой отсылку к детско-родительским отношениям, в которых часто мамы ставят в пример своим детям другого ребенка, лучшего их во всем) –

тот, кто хорош во всем.

Пример 2: 안습 – сокр. от словосочетания 안구에 습기차다 «увлажнить глазное яблоко» – слезящиеся глаза (используется, когда происходит какая-либо постыдная ситуация).

Пример 3: 금사빠 – сокр от. фразы 금방 사랑에 빠지다 «сразу влюбляться» – тот, кто легко влюбляется.

В современную эпоху с популярностью интернет-сленга широко используются графические аббревиатуры, то есть символы, используемые вместо слов. Они представляют собой первые буквы основ и слов, и впоследствии могут становиться словами.

Пример: ㄱ ㅅ – сокращение от 감사 «спасибо».

Заимствование из других языков, что представляет собой важное средство пополнения лексического запаса языка.

Пример 1: 사이다 – англ. cyder - чувство облегчения или свежести после того, как выговорился (сравнивается с чувством свежести от газировки).

Пример 2: 레알 – англ. real – реально, правда, действительно.

Пример 3: 덕페이스 – англ. duckface – выражение лица, которое делают на фотографиях, свернув губы в трубочку, что похоже на утиный клюв.

Мнение о том, что в корейском языке чересчур много заимствованных слов, является необоснованным. Основой для новых заимствований являются общественная жизнь и различные сферы деятельности человека. Поэтому, в корейском языке, как и в любом другом, заимствование считается одним из продуктивных методов пополнения лексики языка.

Придание «старому» слову нового значения. Чаще всего новое

значение появляется вследствие внешнего сходства двух явлений или же иного подобия. Этот способ стал особо часто использоваться в эпоху Интернета, где произошло распространение такого языкового явления как сленг.

Пример 1: 선수 «спортсмен» – новое значение = «дамский угодник», т.е. человек, который встречается со многими.

Пример 2: 봉어빵 «булочки в виде рыбок» – двое людей, которые выглядят или делают что-либо одинаково. Так как булочки готовятся под прессом и получаются одинаково, так говорят и про людей.

Лексика корейского языка постоянно обновляется с помощью различных словообразовательных способов. Рассмотренные нами способы происхождения неологизмов в корейском языке являются продуктивными методами пополнения лексики, а образованные вследствие слова становятся частью словарного запаса носителей языка и активно ими используются.

Таким образом, неологизмы охватывают практически все сферы жизни человека. Образуемые с помощью различных способов, от сокращения до заимствования из других языков, они отражают все изменения, происходящие в обществе, и способствуют непрерывному пополнению лексического состава языка. Это в очередной раз доказывает тот факт, что язык не стоит на месте, а является живой и динамичной системой.

Список литературы:

1. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 280 с.
2. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
3. Мазур, Ю.Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. – М. : Изд-во восточной литературы, 1960. – 118 с.
4. Словарь русского языка Naver. [Электронный ресурс] – URL: <https://korean.dict.naver.com/korudict>

5. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка : учебное пособие / Н. М. Шанский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с.

References:

1. Krysin, L. P. (1968). Foreign words in modern Russian. Moscow. Nauka Publ. 280 p.
2. Lopatin, V. V. (1973). The birth of the word. Neologisms and occasional formations. Moscow. Nauka Publ. 152 p.
3. Mazur, Yu. N. (1960) Korean language. Moscow. Oriental Literature Publishing House. 118 p.
4. Naver Korean-Russian Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://korean.dict.naver.com/korudict>
5. Shansky, N. M. (2009) Lexicology of the modern Russian language: textbook. Moscow. Librocom Book House. 312 p.

УДК/UDC 811.531

Функционирование конструкций будущего времени в значении намерения и вероятности в корейском языке

Ткачева Надежда Александровна
студентка
Дальневосточный Федеральный Университет
г. Владивосток, Россия
e-mail: nadia.tkachyova@gmail.com

Аннотация

Целью данной статьи является систематизация и детальное описание грамматических конструкций будущего времени в корейском языке в значении категории намерения действия и вероятности, а также специфики их перевода на русский язык. В ходе работы был применен метод сравнительного анализа для двух конструкций будущего времени, изучена и проанализирована существующая литература по теме, подробно описаны грамматики. Были выявлены основные особенности двух грамматических конструкций будущего времени в значении намерения и вероятности, важные для изучающих корейский язык. Кроме того, в работе было рассмотрено и проанализировано как грамматики будущего времени функционируют в современном корейском языке в значениях намерения и вероятности на примере отрывков из современных произведений массовой культуры, а так же были определены и разграничены, в зависимости от определенных критериев, степени интенсивности намерения и вероятности.

Ключевые слова: корейский язык, грамматика, будущее время, намерение, вероятность.

The functioning of future tense constructions in the meaning of intention and probability in the Korean language

Tkacheva Nadezhda Aleksandrovna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
E-mail: nadia.tkachyova@gmail.com

Abstract

The purpose of this article is to systematize and describe in detail the grammatical constructions of the future tense in the Korean language in the meaning of the category of intention of action and probability, as well as the specifics of their translation into Russian. In the course of the work, the method of comparative analysis was applied for two constructions of the future tense, the existing literature on the topic was studied and analyzed, grammars were described in detail. The main features of two grammatical constructions of the future tense in the meaning of intention and probability, important for students of the Korean language, were identified. In addition, the paper examined and analyzed how the grammars of the future tense function in the modern

Korean language in the meanings of intention and probability on the example of excerpts from modern works of popular culture, and also defined and delimited, depending on certain criteria, the degree of intensity of intention and probability.

Keywords: Korean, grammar, future tense, intention, probability.

Намерение действия – один из видов речевой интенции. Это осознанная цель человека, определенная мотивацией, которая является смыслом желания или действия.

Намерение в корейском языке можно выразить множеством грамматических конструкций, и все они имеют разные оттенки в значении и передают разную степень интенсивности намерения и вероятности совершения действия. В корейских грамматических справочниках их можно найти по подзаголовку “계획”. Данные грамматические конструкции изучали и описывали в том числе отечественные корееведы: Холодович А. А., Мазур Ю. Н., Верхоляк В. В. и др.

Однако, несмотря на длительную традицию изучения грамматики корейского языка, некоторые структурно-семантические и функциональные свойства грамматических конструкций не столько недостаточно детально изучены, сколько недостаточно подробно описаны.

Конструкции сложного будущего времени V-ㄹ/을 거다 и простого будущего времени V-겠다, как и в русском языке, используются, чтобы выразить намерение. Обе грамматические формы говорят о том, что действие произойдет после момента речи.

Простое будущее время образуется путем присоединения суффикса -겠 к основе предикатива. На русский язык значение простого будущего времени передается с помощью форм будущего времени или выражений «собираюсь + инфинитив», «хочу + инфинитив» [1].

Сложная форма будущего времени имеет следующую схему образования: знаменательный глагол преобразуется в форму причастия будущего времени V-ㄹ/을, к нему присоединяется служебное имя 것 и именная связка이다, которые могут принимать сокращенную форму 거다. На русский язык может передаваться при помощи тех же средств, что и простое будущее время.

Однако, если говорить о специфике использования каждой из конструкций, прежде всего, следует отметить, что простое будущее время в основном используется в утвердительных предложениях, где субъектом действия выступает первое лицо и в вопросительных со вторым лицом. Конструкция V-ㄹ/을 것이다 употребляется с любым лицом субъекта [1].

Следующее, что необходимо отметить – разница в интенсивности намерения. Конструкция V-겠다 указывает на то, что в данный момент существуют предпосылки для совершения действия, которые выражены готовностью или желанием субъекта совершить это действие, в то время как сложное будущее время хотя и предполагает возможность совершения действия в будущем, но не выражает готовности субъекта совершить его.

Существует градация интенсивности намерения, связанная с лицом субъекта, которая является зеркальной для двух этих грамматических конструкций, и тесно коррелирует с выражением вероятности. То есть, если для V-겠다 использование с первым лицом означает практически стопроцентное намерение и стопроцентную вероятность, то V-ㄹ/을 것이다 в этом случае будет скорее означать предположение. Например:

내일은 학교에 갈 거예요. – Я собираюсь завтра в школу (воля субъекта в этом случае слабо выражена).

내일은 학교에 가겠어요. – Я собираюсь завтра в школу (воля субъекта имеет высокую степень интенсивности).

И наоборот, V-ㄹ/을 것이다 в сочетании с третьим лицом единственного числа говорит о практически стопроцентной уверенности, V-겠다 с этим же лицом высказывает предположение. При переводе данных форм будущего времени в значении вероятности на русский язык могут использоваться разного рода наречия, например: «скорее всего», «точно», «наверное» и т. д., зачастую они используются и в корейском предложении, чтобы дополнительно подчеркнуть степень вероятности.

Со вторым лицом грамматические конструкции V-겠다 и V-ㄹ/을 것이다 встречаются преимущественно в вопросительных формах. В таких предложениях независимо от того, какая из грамматик используется, градация намерения и вероятности не имеет большого значения.

다음 주 토요일에 시험을 볼 거예요? – Вы собираетесь сдавать экзамен в следующую субботу?

Рассмотрим, как функционируют данные грамматические формы в корейском языке на примере отрывков из современных произведений искусства. В песне «Start» южнокорейского певца «Gaho» употребление суффикса простого будущего времени выражает твердое намерение говорящего.

지금 나를 위한 약속

멈추지 않겠다고

또 하나를 앞지르면

곧 너의 뒤를 따라잡겠지[2]

Сейчас я обещаю себе,

Что не остановлюсь

И если обгоню еще одного,

То скоро догоню тебя

Так как в обещании, которое лирический герой дает самому себе, легко прослеживается мотивация и цель, можно с уверенностью сказать, что это намерение. Однако, с последней строчкой из отрывка все не так однозначно. Здесь в большей степени выражена вероятность совершения действия, дано условие, при котором цель будет достигнута, хотя присутствует и оттенок намерения.

В песне «Some» от группы «Vol4» использовано сложное будущее время:

나 매일매일 네게 전화도 할 거야

밀가루 못 먹는 나를 달래서라도

너랑 맛있는 걸 먹으러 다닐 거야[3]

Я буду звонить тебе каждый день

И хотя я не переносу глютен,

Я буду есть с тобой вкусную еду

Здесь важно отметить, что если бы был использован суффикс -겠,

каждая

строчка

приобрела

бы

оттенок

«обязательно/точно/непрерывно буду это делать», но в таком варианте это имеет нейтральный оттенок и значение простого «буду». В данном случае использование сложного будущего времени означает намерение совершать эти действия, но вероятность этого либо не имеет значения, либо находится под вопросом.

Таким образом, грамматические конструкции будущего времени в корейском языке, не только выражают намерение и вероятность совершения действия, но и обозначают степень этой вероятности, в зависимости от того, какое лицо является субъектом предложения, а также показывают интенсивность намерения говорящего. Однако, в связи с тем, что данные грамматические конструкции на русский язык передаются одинаковыми способами, разница между ними в русском переводе, к сожалению, утрачивается.

Список литературы:

1. Верхоляк В.В., Каплан Т. Ю. Учебник корейского языка. Часть 1. – 2 изд. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 212 с.
2. Gaho – Start Lyrics // Genius URL: <https://genius.com/Gaho-start-lyrics> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Bol4 – Some Lyrics // Genius URL: <https://genius.com/Bol4-some-lyrics> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Учебник корейского языка. Часть 2 / Верхоляк В. В., Галкина Л. В., Кожемяко В. Н., - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. - 236 с.
5. Трофименко О. А. Выделение показателей категории наклонения в корейском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2006. - №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydelenie-pokazateley-kategorii-nakloneniya-v-koreyskom-yazyke> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка: учебное пособие для высших учебных заведений. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954. - 320 с.
7. Корейская грамматика для иностранцев. Часть 2 / Ким Джонсук, Ким Ингюн, Пак Донхо. – Сеул: 2005. – 906с.
8. И Тхэхван, Ким Джинхо. Корейская грамматика для иностранцев. Часть 1. – Сеул: Издательство Пагиджон, 2010. – 265с.

References:

1. Verkholiak V. V. and Kaplan T. U (2002) Korean language textbook. Vol 1. 2nd edn. Vladivostok: Far Eastern University.
2. Gaho – Start (no date) Genius. Available at: <https://genius.com/Gaho-start-lyrics> (Accessed: January 20, 2023).
3. Bol4 – Some (no date) Genius. Available at: <https://genius.com/Bol4-some-lyrics> (Accessed: January 20, 2023).

4. Verkholiak, V.V., Galkina, L.V. and Kozhemiako, V.N. (2006) Korean language textbook. Vol 2. Vladivostok: Far Eastern University.
5. Trofimenko, O.A. (2006) "Identification of mood category indicators in Korean," Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen., 20. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydelenie-pokazateley-kategorii-nakloneniya-v-koreyskom-yazyke> (Accessed: January 18, 2023).
6. Kholodovich, A.A. (1954) Essay on Korean Grammar: A Study Guide for Universities. Moscow: Publishing house of literature in foreign languages.
7. Kim, J.S., Park, D.H. and Park, I.G. (2005) Korean grammar for foreigners. Vol 2. Soul.
8. Lee, T.H. and Kim, J.H. (2010) Korean grammar for foreigners. Vol 1. Soul: Pagijeon.

УДК/UDC 81-26

Особенности обращений, выраженных разными частями речи, в корейском языке

Чернышкова Ксения Владимировна
студентка
Дальневосточный Федеральный университет
г. Владивосток, Россия
e-mail: chernyshkova.kv@students.dvfu.ru

Сиренко Ольга Александровна
Старший преподаватель кафедры корееведения
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
e-mail: sirenko.oa@dvfu.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности обращений в корейском языке, выраженных разными частями. В связи с тем, что обращения являются важным элементом речевого этикета каждой страны, необходимо уметь правильно их использовать как в корпоративной среде (в разговоре между коллегами, партнёрами), так и в повседневной жизни (в разговоре между родственниками, друзьями, незнакомцами). В Корею особое внимание уделяется социальному статусу участников разговора, поэтому к выбору обращения к собеседнику нужно подходить с особой осторожностью. Это поможет избежать недопониманий, конфликтов и поспособствует развитию более тесных и долгосрочных контактов. В данной работе были рассмотрены обращения, выраженные существительными, местоимениями и междометиями, на примерах фраз из корейских сериалов и художественной литературы.

Ключевые слова: обращения; корейский язык; особенности обращений; Корея.

Features of address forms expressed by different parts of speech in the Korean language

Chernyshkova Ksenia Vladimirovna
student
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
e-mail: chernyshkova.kv@students.dvfu.ru

Sirenko Olga Alexandrovna
Senior lecturer of the Department of Korean Studies
Vladivostok, Russia
e-mail: sirenko.oa@dvfu.ru

Abstract

This article discusses the features of address forms in the Korean language, expressed by different parts of speech. Due to the fact that address form is an important part of the speech etiquette of each country, it is necessary to be able to use them correctly both in a corporate environment (in a conversation between colleagues, partners) and in everyday life (in a conversation between relatives, friends, strangers). In Korea special attention is paid to the social status of the participants of the conversation, so the choice of address to the interlocutor should be approached with a caution. This will help to avoid misunderstandings, conflicts and contribute to the development of closer and longer-term contacts. In this article, address forms expressed by nouns, pronouns and interjections were examined by the usage of examples from Korean TV series and fiction.

Keywords: address forms; Korean language; features of address forms; Korea.

Роль обращений как в древности, так и по сей день невероятно велика, и в связи с тем, что обращения являются частью речевого этикета и выполняет важную функцию как в начале разговора, так и в дальнейшем поддержании контакта, необходимо правильно использовать их. Особенно осторожным при выборе обращения нужно быть с представителями другой культуры. Обращение – элемент речевого этикета, который складывается исторически в зависимости от культурного кода страны. В каждой стране свои обычаи и традиции, из чего следует тот факт, что понятие вежливости и манер в некоторых случаях разнятся, соответственно, интерпретация некоторых действий, слов и выражений тоже разная. Если в одних странах какое-то обращение является допустимым и располагает к дальнейшим связям, то в других странах это может быть проявлением неуважения, что послужит отправной точкой к прерыванию контактов и дискредитации репутации говорящего в глазах собеседника. Правильное использование обращений важно как в корпоративной среде, так и в отношениях между родственниками, знакомыми, друзьями. Однако чаще всего тяжело подобрать обращение к абсолютно незнакомому человеку, так как в случае ошибки очень легко задеть человека или даже ненамеренно оскорбить. Таким образом,

изучение культуры общения и поведения в других странах, знакомство с особенностями употребления речевых формул вежливости имеют колоссальное значение. Именно поэтому нужно обращать особое внимания на обращения в любом языке, чтобы при установлении связей с ней, не допускать ошибок и способствовать налаживанию выгодных и долгосрочных контактов.

Корея была конфуцианской страной, соответственно, речевой этикет в основном построен на уважении старших, сыновней почтительности, благочестивости [1]. В Корее из покон веков присутствует строгая иерархическая система, которая строго определяет положение людей в обществе и регламентирует их отношения друг с другом. Из-за этого в Корее относятся ко всем обращениям с особым вниманием, поэтому следует быть очень избирательным при обращении к своему собеседнику.

В корейском словаре даётся следующее определение слова «обращение»: «это выражение, используемое для названия лица, с которым ведётся диалог» [2]. Считается, что в корейском языке обращение наряду с междометиями и союзами является самостоятельным членом предложения, и так же, как и в русском, чаще всего употребляется в начале предложения [3].

В корейском, как и в любом другом языке также существует множество способов образования обращений. Обращения могут выражаться с помощью разных частей речи, а также грамматических форм. В данной статье мы рассмотрим особенности корейских обращений, представленных разными частями речи, и приведём в качестве примера употребления обращений фразы из дорам (корейские телесериалы) и художественной литературы.

Чаще всего в качестве обращений используются существительные, которые в свою очередь могут называть степень

родства, статус, отношение человека, а также пол адресанта и адресата речи и так далее. В нижеприведенной таблице представлены некоторые варианты обращений, выраженных именем существительным, и примеры их использования.

Таблица 1 – Обращения, выраженные существительными

Критерий	Примеры слов		Примеры употребления
Выражение степени родства	Для женщин	오빠 (брат; к старшему брату), 언니 (сестра; к старшей сестре), 남편 (муж) и т.д.	언니가 업어 줄까? (Сестра, понесёшь на спине?) [후아유 – 학교 2015] (Кто ты? – Школа 2015)
	Для мужчин	형 (брат; к старшему брату), 누나 (сестра; к старшей сестре), 아내 (жена) и т.д.	누나, 가 봐야겠다. (Сестра, я лучше пойду.) [모꼬지키친] (Кухня Моккоджи)
	Независимо от гендера говорящего	동생 (младшая сестра/брат; к младшей сестре/брату), 어머니 (엄마) (мать/мама), 아버지 (아빠) (отец/папа), 할머니 (бабушка), 할아버지 (дедушка), 고모 (тётя), 삼촌 (дядя) 아이 (ребёнок), 아들 (сын), 딸 (дочь), 부모님 (родители) и т.д.	엄마두*! (И ты, мам!) [모꼬지키친] (Кухня Моккоджи)
Должность	부장님 (начальник отдела), 교수님 (профессор), 선생님 (учитель), 작가님 (писатель), 의사 선생님 (доктор), 배우 (актёр), 학생 (студент), 직원 (работник), 대리 (заместитель), 팀장 (руководитель отдела), 전무 (исполнительный директор) и т.д.		근데요, 셰프님...(Но шеф...) [모꼬지키친] (Кухня Моккоджи)
Возраст	연배 (ровесник), 선배, 후배 (на русский обычно не передаются) и т.д.		선배, 사내연애 어때요? (Что Вы думаете о служебном романе?) [선배, 그 립스틱 바르지 마요] (Сонбэ, не крась губы!)
Отношения незнакомых людей	선생님 (господин), 아줌마 (тётя), 아저씨 (дядя), 여자 (женщина), 남자 (мужчина), 사람 (человек)		저 사람이? (Вон тот человек?) [사내 연애]

	,미스터 (с английского: мистер), 미스 (с английского: мисс) и т.д.	(Деловое предложение)
*Милая форма [도].		

При обращении с использованием слов, обозначающих родственные связи, говорят имя + слово, выражающее степень родства, если должность – фамилия/фамилия имя + должность, возраст – фамилия/ имя + возрастной статус собеседника.

Ко всем вышеприведенным словам, которые адресуются старшим по возрасту или положению, обычно присоединяется уважительный суффикс -님.

В связи с некоторыми особенностями корейских обращений переводчики часто сталкиваются с трудностями при переводе фраз, содержащих обращения.

Такие слова, как 선배, 후배, не имеют равнозначных, точно передающих эквивалентов в русском языке, поэтому сложно их в полной мере передать на русский язык. 선배 – человек, который поступил в учебное заведение или устроился на работу раньше говорящего, 후배 – наоборот, позже. Поэтому переводят либо дословно, как «сонбэ» и «хубэ», делая сноску на их значения, либо опускают, либо заменяют на имя героя. Например, в одном из вариантов перевода названия дорамы «선배, 그 립스틱 바르지 마요» (Сонбэ, не крась губы!), слово «선배» было сохранено. Ли Санюн в своём переводе «Вегетарианки» Хан Ган тоже оставил транслитерацию слова «선배», указав в сноске его определение при первом упоминании.

Также не во всех случаях слова, использованные как обращение, будут переводиться. Например, в рассказе Сон Сокче «Одиночество на

двоих» герой обращается к хозяйке ресторана, которая также является и официанткой: «아줌마, 우리도 빨리 부추모침 줘요!» , «아줌마, 여기 양 일인분 더! 소주도!»[4]. «아줌마» значит «тётя, замужняя женщина средних лет» и употребляется чаще всего тогда, когда люди не знакомы. В этих случаях мы не будем переводить слово «아줌마» дословно, а переведём это более приближенно к русским реалиям, как «извините» или «официант», причем последнее будет использоваться, только если к этому будет располагать обстановка.

Кроме того к некоторым профессиям добавляется лексическая единица «선생님», употребление без данного слова является ошибкой. Например, 의사 선생님, употребление 의사님 недопустимо и считается ошибкой [5].

Язык стремится к упрощению, это не обходит даже обращения, так, например, в дораме «최고의 한방» (Лучший хит) часто используется выражение 인마, что является сокращением 이놈아. Это пренебрежительная форма, поэтому может употребляться лишь между близкими людьми, если употребить его по отношению к незнакомцу, то это будет оскорбительно. Перевести это можно, как "эй", либо какими-то единицами, которые не являются прямыми обращениями на русском, но, как и обращения, выполняют функцию привлечения внимания, например, "слушай". Поэтому в дораме это выражение употребляется лишь между людьми, которые хорошо знают друг друга уже долгое время. Например, один из героев говорит своему давнему знакомому «이제 그냥 받아들여, 인마» (Эй, просто прими это).

В корпоративной сфере, как было упомянуто ранее, в большинстве случаев действует формула: фамилия / фамилия имя +

должность + уважительный суффикс. В зависимости от ситуации формула может немного меняться. Например, в дораме «싸이코패스 다이어리» (Дневник психопата) директор фирмы обращается нижестоящему лицу: «공 팀장, 그걸로 가자» (руководитель отдела Кон, давай так и сделаем). Так как говорящий занимает более высокую должность уважительный суффикс опускается. Однако для нижестоящего такое считается недопустимым. В дораме «사내맞선» (Деловое предложение) заместитель директора обращается к президенту компании: «어쩐 일로 아침부터 회사에 나오셨어요, 회장님?» (Президент, по какому вопросу Вы пришли в компанию так рано?). При выборе неверного обращения к вышестоящему лицу ставится под угрозу как репутация говорящего, так и его профессиональные навыки.

Самым распространённым способом обращения в русском языке является местоимение. В корейском языке местоимения используются, но функционал их заметно отличается. Помимо множественного и единственного числа корейские обращения также выражают степень вежливости [6]. Ниже представлена таблица местоимений в корейском языке.

Таблица 2 – Местоимения в корейском языке [7]

Лицо	Число	В разговоре с вышестоящими	В разговоре с равными	В разговоре с нижестоящими
1-е лицо	ед. число	저 (제)	나 (내)	나 (내)
	мн. число	저희들	우리들	우리들
2-е лицо	ед. число	-	당신	너 (네)
	мн. число	-	당신들	너희들
3-е лицо	ед. число	그분	그	그
	мн. число	그분들	그들	그들

В целом местоимения употребляются редко и между людьми равными по социальному статусу и состоящими в близких отношениях. 2-е лицо для вышестоящих отсутствует в связи с тем, что обращение к старшему во 2-м лице недопустимо. Соответственно, в корпоративной сфере местоимения тоже не используется.

Хотелось бы обратить внимание на местоимение 당신. Ареал употребления местоимения 당신 весьма ограничен и зависит от ситуации. Обычно 당신 употребляют в качестве: 1) супружеского общения; 2) постепенно выходящим из употребления обращения между сотрудниками «на короткой ноге»; 3) обращения пожилых людей к младшим или нижестоящим; 4) обращения во время «выяснений отношений» [8]. Поэтому необходимо быть аккуратным с использованием данного местоимения, чтобы не допустить ошибки и тем самым не спровоцировать конфликт.

Несмотря на некоторые особенности в употреблении местоимений, они активно используются корейцами в повседневной устной речи с близкими людьми. Например, в дораме «선배, 그 립스틱 바르지 마요» (Сонбэ, не крась губы!) героиня произносит такую фразу: «너 좋아하는 사람 있었어?» (У тебя был любимый человек?).

В большинстве случаев имя, использованное в качестве подлежащего, переводят на русский как обращение, хотя на корейском это не является обращением, так как в России не принято говорить о человеке, с которым непосредственно ведётся диалог, в третьем лице. Иногда в таких случаях имя полностью опускается. Например, в веб-дораме «모꼬지키킨» (Кухня Моккоджи) герой говорит девушке: «혹시 저 건너편 식당 사장님 딸님 아니에요?» (Вы случайно не дочь владельца

вон того ресторана напротив?). Если переводить данную фразу дословно: «Это случайно не дочь владельцев вон того ресторана напротив?». Однако эта фраза адресована девушке, с которой разговаривает герой, поэтому на русский её корректнее переводить с помощью обращения.

Междометия в качестве обращения употребляются как в русском, так и в корейском языках. Зачастую междометия применяют в разговорной речи или прямой, но уже в литературных произведениях. В корейском языке чаще всего в качестве обращения используют следующие междометия: 여보, 아, 자기|아 (местоимение + звательный падеж). Однако отношения между собеседниками должны быть близкими, иначе это будет воспринято слушающим как унижение и личное оскорбление.

В дораме «후아유 – 학교 2015» (Кто ты? – Школа 2015) подруга главной героини говорит ей: «О아, 뭘 들어?» («Эй, что слушаешь?»). В веб-дораме «모꼬지키친» (Кухня Моккоджи) герой говорит: «О아, 강 나리!» (Эй, Кан Нари!). Отношения между героями близкие, поэтому допускается использование междометия О아 с целью привлечения внимания собеседника.

Таким образом, в корейском языке есть обращения, выраженные существительными, местоимениями и междометиями, однако есть некоторые особенности их использования и перевода, которые необходимо учитывать, чтобы избежать недопониманий и в некоторых случаях международных конфликтов.

Список литературы:

1. Ин Ча, Ю. Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках / Ю Ин Ча // Вестник ИГЛУ. 2010 г. С. 77-81.
2. 한국민족문화대백과사전 // 한국학중앙연구원.
3. 낱글: 자유로운 글쓰기 // THISTORY.
4. 성석제. 소풍. 서울: 창비 출판사, 2006. – 298쪽. Сон Сокче. Пикник. Сеул: изд-во Чханъби, 2006. – 298 с.
5. 이해영. 생활 속 한국 문화 77 / 이해영. 서울: 한글파크, 2011. 19쪽. Ли Хэён. Корейская культура в повседневной жизни 77 / Ли Хэён. Сеул: Парк хангыля, 2011. С.19.
6. Каплан Т.Ю., Дерюгина Т.С. Речевой этикет современного корейского языка: учебное пособие для студентов IV курса. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 12.
7. Верхоляк В.В. Каплан Т.Ю. Учебник корейского языка. Часть 1. Изд. 2-е, перераб. и дополн. / В.В. Верхоляк, Т.Ю. Каплан // Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 212 с.
8. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка / А.А. Холодович // М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1954. 320 с.
9. 후아유 – 학교 2015 (Кто ты? – Школа 2015) [дорама] 1 эпизод. – URL: https://doramatv.live/who_are_you_school_2015/series2 (дата публикации: 27.04.2015).
10. 사내 연애 (Деловое предложение) [дорама] 11 эпизод. – URL: <https://dorama.land/delovoe-predlozhenie-2-seriya4> (дата публикации: 04.04.2022).
11. 모꼬지키친 (Кухня Моккоджи) [веб-дорама] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8gR5Lt93VeQ> (дата публикации: 16.11.2021).
12. 선배, 그 립스틱 바르지 마요 (Сонбэ, не крась губы!) [дорама] 1 эпизод. – URL: <https://doramy.club/24017-14-sonbe-ne-kras-guby.html> (дата публикации: 18.01.2021).
13. 최고의 한방 (Лучший хит) [дорама] 6 эпизод – URL: https://vod.kbs.co.kr/index.html?source=episode&sname=vod&stype=vod&program_code=T2017-0353&program_id=PS-2017100438-01-000&broadcast_complete_yn=Y&local_station_code=00&section_code=03 (дата публикации: 09.06.2017).
14. Хан Ган. Вегетарианка/ Хан Ган / [пер. с кор. Ли Сан Юн] – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
15. 싸이코패스 다이어리 (Дневник психопата) [дорама] – URL: https://doramatv.live/dnevnik_psihopata (дата публикации: 20.11.2019).
16. 사내맞선 (Деловое предложение) [дорама] – URL: https://doramatv.live/delovoe_predlojenie (дата публикации: 28.02.2022).

References:

1. Ying Cha, Y. Linguistic and cultural specificity of address in Russian and Korean languages / Ying Ying Cha // Bulletin of ISLU. 2010, pp. 77-81.
2. 한국민족문화대백과사전 // 한국학중앙연구원.

3. 날글: 자유로운 글쓰기 // THISTORY.
4. 성석제. 소풍. 서울: 창비 출판사, 2006. – 298쪽. Song Sokje. Picnic. Seoul: Changbi Publishing House, 2006. - 298 p.
5. 이해영. 생활 속 한국 문화 77 / 이해영. 서울: 한글파크, 2011. 19쪽. Lee Hyeong. Korean culture in everyday life 77 / Lee Hae-young. Seoul: Hangeul Park, 2011. P.19.
6. Kaplan T.Yu., Deryugina T.S. Speech etiquette of the modern Korean language: a textbook for 4th year students. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 2002. S. 12.
7. Verkholyak V.V. Kaplan T.Yu. Korean textbook. Part 1. Ed. 2nd, revised. and additional / V.V. Verkholyak, T.Yu. Kaplan // Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 2002. - 212 p.
8. Kholodovich A.A. Essay on the grammar of the Korean language / A.A. Kholodovich // M.: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1954. 320 p.
9. 후아유 - 학교 2015 (Who are you? - School 2015) [Drama] 1 episode – URL: https://doramativ.live/who_are_you__school_2015/series2 (publication date: 04/27/2015).
10. 사내 연애 (Business Proposal) [Drama] Episode 11 – URL: <https://dorama.land/delovoe-predlozhenie-2-seriya4> (publication date: 04/04/2022).
11. 모꼬지키친 (Mokkoji Kitchen) [web drama] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8gR5Lt93VeQ> (published date: 11/16/2021)
12. 선배, 그 립스틱 바르지 마요 (Sunbae Don't Paint Your Lips!) [Drama] 1 episode. – URL: <https://doramy.club/24017-14-sonbe-ne-kras-guby.html> (publication date: 01/18/2021).
13. 최고의한방 (Best Hit) [Drama] Episode 6 – URL: https://vod.kbs.co.kr/index.html?source=episode&sname=vod&stype=vod&program_code=T2017-0353&program_id=PS-2017100438-01-000&broadcast_complete_yn=Y&local_station_code=00&section_code=03 (publication date: 06/09/2017).
14. Khan Gan. Vegetarian / Han Gan / [trans. with cor. Lee Sang Yun] - M.: AST Publishing House, 2018. - 320 p.
15. 사이코패스 다이어리 (Psychopath Diary) [Drama] – URL: https://doramativ.live/dnevnik_psihopata (published date: 11/20/2019)
16. 사내맞선 (Business Proposal) [Drama] – URL: https://doramativ.live/delovoe_predlojenie (Publication date: 02/28/2022)

УДК/UDC 821.531

Особенности перевода классической поэзии на ханмуне на примере стихотворения Ли Гюбо «Услышал в саду цикаду»

Ярзуткина Елизавета Андреевна
обучающаяся бакалавриата
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия
e-mail: yarzutkina.ea@students.dvfu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена выявлению сложностей, возникающих при переводе классической корейской поэзии с ханмуна на русский язык, и их анализу на примере сопоставления трёх варианта перевода стихотворения поэта выдающегося корейского Ли Гюбо «Услышал в саду цикаду». В качестве материала для сопоставления мы использовали оригинал стихотворения и варианты его перевода, выполненные А. Ф. Троцевич, Е. В. Витковским, а также наш собственный перевод. В статье анализируются подходы каждого из переводчиков, используемые ими методы и приёмы, различия в интерпретации тех или иных иероглифов. Результаты сопоставительного анализа в свою очередь помогают понять, с какими трудностями сталкиваются переводчики при работе с поэзией на китайском языке и как они влияют на конечный результат.

Ключевые слова: перевод, стихотворения, поэтический перевод, корейская поэзия, Ли Гюбо.

Features of the translation of classical poetry on the Hanmun on the example of Yi Gyubo's poem "Listening to cicada in the garden"

Yarzutkina Elizaveta Andreevna
undergraduate student
Far East Federal University
Vladivostok, Russia
e-mail: yarzutkina.ea@students.dvfu.ru

Abstract

This article is devoted to identifying the difficulties that occur when translating classical Korean poetry from Hanmun into Russian and analyzing them by comparing three versions of the translation of the poem "Listening to cicada in the garden" written by outstanding Korean poet Yi Gyubo. As a material for comparison, we used the original poem and the versions of its translation made by A. F. Trotsevich, E. V. Vitkovsky and our own translation. The article analyzes the approaches of each of the translators, the methods and techniques they use and the differences in the interpretation of certain hieroglyphs. The results of the comparative analysis help to draw the conclusion what difficulties translators face when working with poetry in Chinese and how these results affect the final result.

Keywords: translation, poems, poetic translation, Korean poetry, Yi Gyubo.

Проблема перевода стихотворений с ханмуна, кореезированной варианта китайского языка, по сей день остается сложной задачей для переводчика. Одной из основных причин сложности перевода поэзии является то, что при его осуществлении переводчику нужно не только сделать построчный перевод, передав смысл стихотворения, но и придать ему поэтичное звучание, по возможности сохраняя оригинальный ритм стиха, что является невероятно трудной задачей при переводе с китайского языка.

В последние годы возникает всё больший интерес к сопоставлению восточной и европейской поэтической традиции, и в том числе сопоставлению оригиналов стихотворений и их переводов. Однако, в русскоязычной литературе подобных сравнительных работ относительно немного, в связи с чем данная тема интересна нам. Мы надеемся внести новизну в изучение данной темы, выполнив сравнительный анализ стихотворения «Услышал в саду цикаду» корейского поэта эпохи Корё Ли Гюбо.

Ли Гюбо 이규보 (1168-1241) считается центральной фигурой в литературе эпохи Корё, за его талант он ещё в юности был прозван «божественным отроком». Будучи уже взрослым, он осуществлял несколько попыток сдать экзамен на чин, три из которых были неудачными. В этот период поэт, пристрастившись к вольной жизни, взял свой первый литературный псевдоним – Пэгун или «Белое облако», что было для него знаком свободы. В 23 года поэт всё же сумел сдать экзамен на чин, однако он не получил должность.

Ещё через год его отец умер, и Ли Гюбо в знак траура отправился в горы Чхонмасан. В горах поэт не прекратил своё творчество, он продолжил создавать произведения, но уже под новым псевдонимом –

Пэгун коса «Отшельник Белое облако». После двух лет, проведенных в горах, Ли Гюбо вернулся в столицу, но поступить на государственную службу ему удалось лишь ещё через четыре года.

Таким образом, поэт достиг значительного успеха не только в литературе, но и сумел построить блестящую карьеру, дослужившись до звания первого министра. Умер писатель в возрасте 74 лет.

Ли Гюбо оставил после себя огромное поэтическое наследие, написав множество произведений в стихах и прозе. Важно также отметить, что Ли Гюбо – единственный писатель Корё, чьи работы дошли до наших дней практически полностью. Признание поэт получил не только за то, что в совершенстве владел системой китайской поэзии, но и за то, что он осваивал новые жанры и темы, а также по-своему интерпретировал традиционные¹.

Выбранное нами для анализа стихотворение было написано на традиционную для корейской поэзии тему – тему природы. «Услышал цикаду в саду» 원중문선 – это одно из тех стихотворений, в которых описывается не пейзаж, а обитатели природы, населяющие её, что также является характерной чертой для корейской поэзии. Данное произведение посвящено цикаде, которая сидит на дереве и стрекочет в листве, а лирический герой наслаждается её «пением». Для поэта цикада – это не просто насекомое, для него она неотъемлемая часть природы, и никто не смеет спугнуть цикаду и нарушить ход событий, гармонию.

Итак, обратимся к сопоставительному анализу и сравним разные версии перевода данного стихотворения друг с другом и с оригиналом. Для анализа нами были выбраны переводы Евгения Владимировича

¹Троцевич, А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). – СПб., 2004. – с.73-83.

Витковского и Аделаиды Фёдоровны Троцевич, а также мы выполнили свой перевод данного стихотворения.

Исходный текст на ханмуне с транскрипцией:

不敢傍高柳 불감방고류

恐驚枝上蟬 공경지상선

莫教移別樹 막교이별수

好聽一聲全 호청일성전

輕蛺蝶草間遺 경태초간유

清吟枝上嘒 청음지상혜

聆音不見形 영음불경형

綠葉深深翳 녹엽심심예

Переводы на русский язык:

1. «В саду слушаю цикаду»

К высокому тополию не смею даже шагнуть.

Цикаду боюсь с высоких ветвей спугнуть.

Расслышать стараюсь полностью каждый звук.

Остальные деревья меня не влекут ничуть.

Мягкая кожица сброшена на траву.

Стрекот с ветвей возносится в синеву.

Слушаю голос, оболочки телесной не зрю.

Глубоко-глубоко певунья сокрылась в листву.

(пер. Е. В. Витковский)

2. «Услышал в саду цикаду»

Легкую шкурку

забыла в траве,

Звонко стрекочет

среди ветвей.

Песня слышна,

а саму не видать.

Зелень листвы

ее в чаще скрывает.

(пер. А. Ф. Троцевич)

3. «Слушаю цикаду в саду»

К иве высокой подойти не решусь,

С веток верхних цикаду спугнуть я боюсь.

Заставить её на деревья другие лететь не осмелюсь,

Ведь мелодию каждую уловить я стремлюсь.

Легкую шкурку сбросила на траву,

Звонко стрекочет в ветвях наверху.

Слышен звук, но не видно саму,

Скрылась она в густую листву.

(пер. Е. А. Ярзуткина)

Важно отметить, что Е. В. Витковский был профессиональным поэтом-переводчиком, однако он не специализировался на традиционной поэзии Востока. Его перевод можно отнести к категории вольного стихотворного перевода, однако при этом стихотворение не утрачивает основного смысла, а также имеет определенную рифму.

А. Ф. Троцевич – литературовед, кореевед, преподаватель истории Корейской литературы. Перевод Аделаиды Фёдоровны представлен только вторым четверостишием. Данный вариант можно отнести к поэтическому нерифмованному переводу, т.е. переводу в форме белого стиха. Таким образом, А. Ф. Троцевич сохраняет смысл четверостишия, но не прибегает к рифме.

Что касается перевода, выполненного нами, мы постарались сохранить смысл стихотворения, не изменяя порядка строк, а также

перевести стихотворение, используя рифму.

В целом, если сравнить все версии, можно увидеть, что несмотря на то, что каждый переводчик имеет свой подход, на своё усмотрение выбирает наиболее подходящие значения иероглифов, использует свои методы, все варианты передают общий смысл, заложенный в оригинале стихотворения.

Однако, можно наблюдать и весьма значительные различия в лексическом аспекте. Для начала сравним первое четверостишие в переводе Е. В. Витковского и в нашем переводе. Уже в первой строке можно заметить отличие в интерпретации иероглифа 柳 류. Так, Евгений Владимирович перевел данный иероглиф, как «тополь», мы же перевели его, как «ива», поскольку в большинстве современных словарей данный иероглиф трактуется, как «ива», «лоза», «верба». Вариант «ива» был выбран нами, как наиболее подходящий.

Следующее весомое отличие – это интерпретация значения строки 莫教移別樹 막교이별수. В варианте Е. В. Витковского данная строка, которая в оригинале является третьей, становится четвертой, и переводчик передает её значение, как «Остальные деревья меня не влекут ничуть», нами эта же строка была переведена, как «Заставить её на деревья другие лететь не осмелюсь». Данные варианты совершенно не похожи по смыслу. Если прибегнуть к дословному переводу данной строки, то получится «Не смею заставлять перемещаться на другое дерево». Таким образом, в данном случае Евгений Владимирович сделал акцент не на сохранении смысла предложения, заложенного автором, а на соблюдении ритма, заданного им самим при переводе.

Ещё одно отличие, но уже не столь заметное, заключается в интерпретации сочетания иероглифов 好聽 호청. Дословно данное сочетание можно перевести, как «приятный звук». При переводе

данного сочетания мы использовали слово «мелодия», которое можно ассоциировать с исходным значением. Е. В. Витковский выбрал другую стратегию: в его варианте вовсе опущено слово «приятный», однако при этом читатель может догадаться, что эти звуки приятны, поскольку лирический герой тщательно прислушивается к ним, пытаясь уловить каждый.

Далее обратимся ко второму четверостишию, перевод которого представлен уже в трёх вариантах, и сравним их. Первое различие можно заметить уже в первой строке. При переводе иероглифа 輕 경 со значением «мягкий», «легкий» переводчики выбрали разные его значения. Так Евгений Владимирович посчитал, что значение «мягкий» будет более подходящим вариантом перевода, а Аделаида Федоровна и мы выбрали вариант «легкий», как наиболее уместный. На первый взгляд может показаться, что данные слова не похожи по значению, но оба варианта отражают значение одного и того же иероглифа, поэтому и тот, и другой вариант одинаково допустимы.

Следующее отличие заключается в различной интерпретации иероглифа 蛻 EII, который имеет значение «линять, сбрасывать кожу». При переводе этого иероглифа на русский язык, А.Ф. Троцевич вместо слова «сбрасывать» использовала более подходящий, на её взгляд, вариант – «забыть». Несмотря на то, что выбранный переводчиком вариант может показаться не похожим по значению на варианты, представленными в словарях, в данном контексте слово «забыть» вполне передает смысл, заложенный поэтом Ли Гюбо.

Далее, можно увидеть, что восприятие значения иероглифа 上 상 отличается у переводчиков, как и их мнение о том, с каким иероглифом он сочетается при переводе. Данный иероглиф многозначный, и если обратиться к словарю, то можно найти

следующие его значения: «верх», «высокий», «прежний». Е. В. Витковский перевёл строку, в которой находится данный иероглиф, следующим образом: «Стрекот с ветвей возносится в синеву», таким образом, он понял данный иероглиф, как «синеву», то есть небо, куда возносится звук. Мы же посчитали, что иероглиф 上 상 можно перевести в сочетании со словом «ветви» 枝 지. В таком случае смысл строки несколько меняется. Так, в отличие от варианта Евгения Владимировича, где данный иероглиф передает значение направления звука, в нашем варианте 上 상 отражает место, где сидит цикада: «в ветвях наверху». В варианте А. Ф. Троцевич перевода данного иероглифа вовсе нет.

Мнения переводчиков разошлись и при переводе иероглифов 音 음 и 形 형. Первый иероглиф имеет значение «звук», и каждый из переводчиков сохранил это значение, но использовал для этого разные слова: Е. В. Витковский и А. Ф. Троцевич использовали такие синонимы этого слова как «голос» и «песня», мы же сочли уместным оставить исходное слово – «звук». Значение второго иероглифа – «форма, облик, тело». Е. В. Витковский подобрал более литературный вариант для того, чтобы передать данное значение – выражение «телесная оболочка». В вариантах А. Ф. Троцевич и нашем варианте вместо существительного с подобным значением было использовано местоимение «саму». Такая замена допустима, поскольку из контекста читателю понятно, о ком идет речь.

В последней строке также есть небольшие различия в переводе. Первое отличие заключается в различных способах перевода сочетания иероглифов 綠葉 녹엽 со значением «зеленая листва». Аделаида Фёдоровна перевела данное сочетание, как «зелень листвы»,

а в варианте Евгения Владимировича и в нашем варианте слово «зеленая» было опушено, так как это не ведёт к потере смысла, изначально заложенного в данной строке.

Последнее отличие, на которое мы хотим обратить внимание – это отличие в переводе сочетания иероглифов 深深 심심, которое в словарях толкуется как «очень глубокий» или «весьма густой». Е. В. Витковский, выполняя перевод, выбрал первое значение, нам более подходящим вариантом показался второй, а А. Ф. Троцевич подобрала слово «чаща», чтобы передать данное значение. Эквивалент, подобранный Аделаидой Фёдоровной, хорошо вписывается в данный контекст и полностью передает смысл иероглифа, делая его понятным для русскоязычного читателя.

Итак, в данной статье были сопоставлены три отличных друг от друга варианта перевода стихотворения «Услышал в саду цикаду». Сравнив все варианты, мы сделали вывод, все варианты отличаются, во-первых, по видам перевода. Так, перевод Е. В. Витковского и наш перевод – это вольные поэтические переводы. Однако вариант Евгения Владимировича более свободный и имеет больше расхождений с оригинальным текстом и его построчным переводом. В то время как работа А. Ф. Троцевич – это вольный перевод в форме белого стиха.

Во-вторых, все варианты отличаются тем, что один и тот же иероглиф может быть интерпретирован по-разному. Это связано с тем, что каждый переводчик на своё усмотрение выбирает наиболее подходящее значение многозначных иероглифов или подбирает русский эквивалент, который отражает значение иероглифа в данном контексте.

И наконец, отличие вариантов заключается и в том, что каждый переводчик принимает решение о том, допустимо ли опустить иероглиф при переводе или изменить порядок строк или их значение.

Так, например, в данном случае Е. В. Витковский принял решение изменить значение третьей строки, а также поменять её местами с четвертой.

Таким образом, становится очевидно, что каждый переводчик имеет свой подход к переводу. Так, один переводчик выбирает для себя основной задачей сохранение определенного ритма и некой рифмы, допуская частичное изменение смысла стихотворения. Другой переводчик стремится не утратить изначальный смысл, но при этом выполнить поэтический перевод. Для третьего самым важным является сохранение смысла, заложенного в оригинале, поэтому он прибегает к переводу в форме белого стиха. Однако несмотря на отличия в подходах, все варианты являются одинаково уместными.

Список литературы:

1. В саду слушаю цикаду. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии // переводы / вступ. статьи С. Серебряного и др.; примеч. С. Серебряного и др. – Москва: Худож. лит., 1977. – 926 с.
2. Петрухина М. А. О переводе поэзии как особой области переводоведения (из опыта перевода стихов И. Л. Лиснянской и С. И. Липкина) // Язык. Культура. Коммуникация. – 2017. – №1-1 (20). – с.182- 189. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38052556_23681771.pdf
3. Сюй Лихун, Казакова, Т.А. Особенности перевода китайской классической поэзии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т.16 №3. – с. 480 – 500. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.309>
4. Троцевич, А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 323 с.

References:

1. Trotsevich A. F. (2004) The history of Korean traditional literature (before the XX century). St. Petersburg, St. Petersburg University Publishing.
2. Petrukhina M. A. (2017) Poetry Translation as a Special Branch of Translation. Language. Culture. Communication. №1-1 (20). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38052556_23681771.pdf
3. Xu, L., & Kazakova, T. A. (2019). Specifics of Translation of Classical Chinese Poetry. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 16(3), 480–500. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.309>
4. Listening to cicada in the garden. Classical Poetry of India, China, Korea, Vietnam, Japan (1977). Moscow, Hudozh. lit.